

В. Талубец

За поворотом-
поворот

НОВИКИ · СОВРЕМЕННОИКА

Василий Голубев

За поворотом—
поворот

Повесть

«Современник»
Москва
1977

Голубев В. Н.

Г62 За поворотом — поворот. Повесть. М., «Современник», 1977.

239 с. (Новинки «Современника»).

В центре повествования — события периода нэпа и коллективизации в Верхнем Поволжье, сельская молодежь, выбирающая дорогу в жизнь, представители старшего поколения, разделенные в силу социальной принадлежности на два противоборствующих лагеря.

Г $\frac{70302-113}{M106(03)-77}$ 12—77

Р2

Часть первая

*Посвящаю внукам моим
Олечке и Сереже Голубевым*

1. Пласт земли

Июнь 1924 года выдался в Верхнем Поволжье на редкость дождливым. В дни навозницы, которая проводилась всегда до сенокоса, даже на поля нельзя было въехать. В деревне Коростели заовражские мужики начинали всегда навозницу раньше нагорьевских. Пораньше навоз в землю уложишь — пораньше и сев озимых можно начать.

Но в этом году Дмитрий Гужов, а по его примеру и все заовражцы, не торопились — ждали вёдра. И как только выпал первый ясный день, так и распахнулись во всех дворах ворота. Застучали по деревне тележные колеса и потянулись подводы из заовражского конца через Нагорье на Дурандинское поле.

Николай Петров не хотел отставать от заовражцев и начал навозницу на другой день. Вся его семья — жена Мария, дочь Настя и сынишка Саша — готовилась к этому с вечера.

Саша, чтобы не проспать, даже лег в эту ночь в сенах. Но с непривычки, лежа на полу на жестком соломенном матрасе, часто просыпался, ворочался, стараясь устроиться поудобней, подолгу таращил в темноте глаза. Лишь под утро Саша уснул, да так, что и не заметил, как отец с матерью и сестренка Настя уже поднялись и принялись за работу. Протерев глаза, Саша выглянул во двор. Отец с матерью поддевали глыбы навоза и ловко бросали его в телегу. Старенькая Звездка со впалыми боками, на которых явственно просматривались обтянутые кожей ребра, нетерпеливо переступала ногами, хлесталась жиденьким хвостом и вертела мордой. Ее одолевали оводы.

Настя отгоняла их от лошади веником.

— Проснулся, «работяга»,— улыбнувшись, сказал отец.

Саша остановился возле телеги.

— Н...на-ка, п...помаши вокруг З...звездочки,— сунула ему в руки веник сестренка и выскочила со двора.

Настя старше Саши на два года. Ему восемь, а ей уже десять. Но здоровые у нее слабенькое, личико узенькое, бледное, фигурка как прутик, глазки тусклые, настороженные.

Саша нехотя взял веник и начал им махать около лошади. Во двор вошла соседка Дарья Плешкова.

— Я к тебе, Николай Иванович,— обратилась она к отцу, вытирая грязным передником слезы.— Не знаю, кому и жалиться. Помоги хоть ты мне, разнесчастной.

— Что такое? — воткнув вилы в навоз, спросил Николай Иванович.

— Вчерася Иван Солодов на Дурандинском поле от моей полосы пласт оторал, а сегодня утром старый ирод Дмитрий Гужов на другой полосе два пласта отворотил. Это что же творится-то такое?! Ведь настоящее басурманство.

— А что Фома-то, не мужик у тебя, что ли? — перебила Марья.

— Ой, Маша! Да разве ты не знаешь, ведь безвольный он у меня. стакан самогонки поднесут — и готов. На этом вся его воля прахом летит.

— Чем же я тебе помочь могу? Не драться же с ними? Иди в волость, заяви,— посоветовал Николай Иванович.

— Что ты, что ты, родимый, пошто мне в волость. Ты от деревни в Совете. Вот я тебе и жалуюсь. Богатые всегда свою выгоду тянули. Испокон веков так было. И закон на их стороне стоял. Неужто и теперь, при Советской-то власти, то же самое?

— Да вроде нет. Не должно так быть.

— А раз нету, то по какому такому праву старый раскольник Дмитрий Гужов на меня с палчищей в поле набросился? Брысь, говорит, подлюга, посмеешь обратно землю отваливать, череп разобью. Вот ведь что делает паскудный...

— А Солодов что?

— Этот с меня как подать за Фому снимает. Я, го-

ворит, твоего мужа сколь раз самогонкой поил, а ты из-за пустяков шум поднимаешь...

Николай Иванович задумался.

— Я, пожалуй, пойду, Марья. Надо на месте посмотреть и акт составить. Нельзя и впрямь им на уступку идти.

— Люди навоз вывозят, а ты опять по чужим делам побежишь,— недовольно возразила Марья.

— Как тебе не стыдно, Маша, так его попрекать. Ведь Николай Иваныч добро людям ладит. Ты это в счет прими.

— Да ведь своих дел неупорот, сама, чай, знаешь,— не сдавалась Марья.

— Бабе вдоль постелешь, а она все равно поперек мерить будет,— проговорил Николай Иванович и пошел со двора.

— Иди уж, иди. Только, смотри, не зашибли бы тебя там,— смирилась жена.

Николай Иванович с Дарьей направились за околицу, а Марья взялась за вожжи, дернула ими. Звездка натужилась, телега качнулась и поползла со двора.

Саша только этого и ждал. Придерживая ручонкой холщовые штанишки, он помчался через овраг к дому своего дружка Сережки Солодова.

У Солодовых двор тоже открыт. Новые ворота прижаты колышками. Сережка держал под уздцы молодого жеребца Фомку. Отец Иван Солодов с женой Софьей подчищали первую половину двора, из которого уже навоз был вывезен.

Сережка увидел Сашу, махнул ему рукой: мол, жди меня, посиди. Саша лег на густую траву под березой, что стояла в переулке, и, вздохнув, посмотрел на новый дом Солодовых. Толстые белые бревна отливали желтизной. Нижний венец лежал на кирпичных столбах, которые как будто навечно вросли в землю. Четыре окна по фасаду были увенчаны резными наличниками. Причудливый мезонин под крышей придавал дому сказочный вид. Всматриваясь в мезонин, Саша задумался. Ему стало тоскливо оттого, что у Сережки большой новый дом, а у него маленькая хибарка, на фасаде которой два окошечка будто два глаза на перекошенном лице. И жеребец у Солодовых что надо, а у них Звездка еле телегу тянет.

Слушая рассказы отца о том, как обездоленные люди — рабочие и крестьяне — революцию совершали и в жестоких сражениях с богатеями и иностранными интервентами новую власть отстаивали, Саша никак не мог понять, почему и сейчас при новой власти люди тоже живут по-разному. Солодовы и Гужовы по две лошади и по две коровы имеют, а у Дарьи Плешковой и такой лошаденки, как у них, нет. Семья у Дарьи больше, чем у Солодова, а кормить ее нечем. А Сережка Солодов пряниками в своей лавке обедается, мальчишек же никогда не угостит. Даже его, лучшего дружка Сашу, и то пряниками не одаривает.

— Э, Сашка! Ты еще здесь? — прервал его размышления Сережка, выскочивший со двора.

— Сережка! Не забудь — через час лавку открывать, — слышался голос отца.

Саша вспомнил, как недавно за крыльцом нового дома Солодовых появилась над дверью дощечка с надписью: «Промтоварная лавка Ив. Солодова». Он был несказанно удивлен тем, что в двух сусеках доверху лежали пряники, от которых исходил приятный запах. Тогда Саша впервые узнал их вкус.

Ощувив сейчас этот вкус, он еще сильнее почувствовал себя обездоленным и несчастным. И ему уже не хотелось бежать за Сережкой, но все же он затрусил за деревню. На лугу, около одинокой сосны, он увидел мальчишек. Саша догадался: они ожидают Сережку.

Догнал Саша мальчишек уже в лесу. Ребята сгруппировались около Веньки Гужова и Сережки, которые спорили из-за шишки. Венька держал в руках зеленую шишку и твердил:

— Да еловая это, еловая.

— А я говорю — сосновая, — не соглашался Сережка, упрямо скосив большую, как у отца, голову. Ноздри его прямого носа от быстрого бега раздувались как мехи, черные брови сошлись на переносице, но глаза были спокойны.

— Ты что, Сережка, первый раз в лесу? Не видел молодых шишек? — горячился Венька.

— Это ты не видел. Вон, пусть Мишка скажет, какая это шишка, — спокойно ответил Сережка.

Мишка Арсеньев — самый старший из мальчишек. Он уже закончил четвертый класс. Лицо у него широкое, волосы рыжеватые, нос курносый, уши как лопухи, глаза голубые, бровей почти нет. Мишка неразговорчив, и кажется, что все о чем-то думает. В споры, как правило, он не вступает, а если скажет что, то как отрубит. Нагорьевские мальчишки к Мишке относятся с уважением. Хотя его отец, как и Сашкин, бедняк. Держит Мишка себя ровно, с достоинством. Веньку Гужова почти не замечает, а к Сережке Солодову относится с пренебрежением.

Вот и сейчас, улыбнувшись, Мишка взглянул равнодушно на Сережку и проговорил:

— А ты попробуй. Если сосновая, то она должна быть сладкая.

Венька расхохотался и птичьим голосом защебетал:

— Да... да... давай, Сережка, попробуй.

Лицо у Веньки сплюснутое, нос острый, как вороний клюв. На тело он щедушный, но жилистый.

— Ишь, Гуж, чего захотел, — засмеялся Сережка. — Твой дед, говорят, во время голодовки гужи варил, так что тебе сподручней шишки-то есть.

— Может, и варил, — обиделся Венька. — А твой отец тебя пряниками питает, да?

— А тебе завидно? Приходи — угощу, — сквозь зубы процедил Сережка.

— Угостишь ты, дожидайся. Ты, как и отец, — скряга! — отрезал Мишка.

— Что?.. Что ты сказал? — побагровел Сережка.

— Скряга ты! Понял?

— Подумаешь, диво — шишку съесть, — стараясь отвлечь мальчишек от ссоры, проговорил Саша.

— А ты попробуй съешь, — запищал Венька.

Саша взглянул недовольно на Веньку, взял у него из рук шишку и запрятал ее в рот. Мальчишки с волнением впились в него глазами. Сморщившись от горечи, Саша с трудом разжевал шишку и проглотил.

— Вот и все. И вовсе не сладкая, — прошептал он.

— Дурачок ты, Сашка. От этой отравы умереть можно, — озабоченно проговорил Мишка.

— Ну и пусть, — ответил Саша, а про себя подумал: только бы не умереть, только бы не умереть...

А в это время Николай Иванович Петров размашистым шагом шел по пыльной дороге к Дурандинскому полю. Роста Николай среднего, телосложения плотного, волосы черные, борода стриженная, окладистая, взгляд острый, глубокий. Николай был необычно сосредоточен. Дарья Плешкова торопливо семенила за ним и непрерывно что-то говорила. Но Николай Иванович не слышал ее. Он думал о том, как встретится на поле с Дмитрием Гужовым, который за последнее время все больше и больше наглеет и открыто попирает советские законы.

«Я ему сейчас выложу»,—думал Николай Иванович и живо представил себе, как удивится его словам староста старообрядческой вотчины, привыкший к тому, что в деревне ему никто ни в чем не перечил.

Дмитрий Гужов увидел идущих к нему Николая и Дарью издали. Остановил лошадь, оперся широкой спиной на ручки плуга, сложив руки на старческой груди.

— Бог помощь, Дмитрий Сидорыч,—проговорил Николай Иванович, остановившись на борозде.

— Ответствую тем же, Николай Иванович,—проговорил настороженным голосом Дмитрий, не меняя своей позы.

— Я пришел сюда по просьбе Дарьи,—кивнул головой Петров на стоящую за ним Плешкову.— Жалуетса она на тебя, Дмитрий Сидорыч. Опахал, говорит, ты ее. Так что проверять придется.

— А откуда ты такой вылупилса, чтобы проверять?—зло проговорил Дмитрий и, повернувшись, взялся за ручки плуга.

— Нет, ты погоди, Дмитрий Сидорыч, не трогай лошадь-то. Я ведь не шутить прибыл. Тебе известно, что от деревни нашей я в Совете и имею право составить акт о твоём бесчинстве. Вот ведь старая-то межа где,—Николай показал ее ногой.—Как же ты посмел почти целый шаг от Дарьиной полосы отворотить. Ты что, думаешь, на тебя управы не найдется? А ну, давай разворачивай лошадь и отпахивай два пласта обратно к полосе Плешковой,—тоном приказа проговорил Николай.

— На-кась выкуси! — протянул Дмитрий сжатый кулак к лицу Николая. Глаза его заблестели, губы задрожали.

Николай понял, что Дмитрий на уступку не пойдет. А Дарья вдруг бросилась к лошади Дмитрия, схватила ее под уздцы и стала разворачивать.

Дмитрий впился в ручки плуга, прохрипел:

— Отпусти лошадь, приисподье ада.

Но Дарья как будто и не слышала его, тянула лошадь за уздцы.

Дмитрий швырнул в сторону плуг и, сжав кулаки, бросился к Дарье, но та первой напала на противника. Вцепившись руками в его длинную бороду, она так заверещала, что Дмитрий от неожиданности рванулся в сторону, оставив в руках Дарьи клочок волос.

— Ты зришь, зришь! — застонал Дмитрий, обращаясь к Николаю. — Вот ведь что творит подлая баба.

Николай взглянул на руки Дарьи и рассмеялся. Она вертела волосы между пальцами и растерянно смотрела на Николая.

— Да, здорово она тебя, Дмитрий Сидорыч, отделила, — проговорил тот. — В деревне узнают, позора не оберешься. Придется тебе теперь бороду-то стричь. А без бороды какой ты староста.

Дмитрий одной рукой ощупывал бороду, другой грозил Дарье кулаком.

— Произвольте, произвольте, супостаты, только знай, Николай, теперича тебе это самоуправство не пройдет.

— Не грози, Дмитрий Сидорыч. Ты ведь знаешь, что я не из пугливых. А ты, Дарья, отпахивай к своей полосе что положено.

Дарья бросилась к плугу.

Дмитрий зашагал к дороге.

— Подожди, Дмитрий Сидорыч, вместе пойдем. А ты, Дарья, как отпахешь свое, в деревню возвращайся. В волюсь поедем.

Дмитрий остановился. постоял с минуту, подумал о чем-то, подошел к плугу, который Дарья уже ввела в борозду.

— Отлынь, антихристица. Я сам отвальну, — прохрипел он. — А за бороду бог тебя покарает.

— Вот так-то лучше, — засмеялся Николай.

Хотя Николай Иванович и советовал Дарье не раздувать этой истории, но, видимо гордая своей победой, Дарья Плешкова не удержалась от искушения. Она поведала о случившемся своей соседке, а та, добавив кое-что от себя, шепнула другой. Потому, видно, вечером в деревне только и говорили о том, как Дарья Плешкова оторвала полбороды у Дмитрия Гужова.

Дмитрий на люди не показывался. Его же внук Венька рассказывал, что дед весь день просидел у зеркала, бороду в порядок приводил.

— Я у этой Дарьи как-нибудь тоже волосы вырву. Будет знать, как на деда нападать,— заявил он мальчишкам.

— А у нее нет бороды. Она ведь баба,— заметил Мишка Арсеньев.

Венька оторопело посмотрел на Мишку и, не найдя, что ответить, буркнул: — Все равно вырву.

Мальчишки рассмеялись...

— Ты, Венька, скажи своему деду, чтобы он не сердчал. Ведь сам виноват. Мой отец сказывал, что он первый на Дарью с кулаками набросился,— проговорил Саша.

— Твой отец! — закипятился Венька. — Он всему и причина. Тоже нашелся командир: «Я от деревни в Совете». А мой дед в комитете бедноты был — понял? Он позаслуженней твоего отца. А папка мой с войны не вернулся. И мамка потому и померла.

Венька заплакал.

Мальчишки притихли. Всем стало жаль Веньку. Саша подошел и обнял его за плечи:

— Будет тебе. Пусть они сами разбираются.

Мальчишки стали расходиться по домам.

У колодца на овраге Саша увидел собравшихся нагорьевских баб. Они наперебой расспрашивали Дарью Плешкову о том, что произошло в поле.

— Поделом ему, ироду. Давно этому длиннородому надо бы дать бабью острастку, — говорила худая, с осунувшимся лицом и потухшими глазами мать Мишки Арсеньева — Анна. — Совсем обнаглел. Намедни на мельнице так заорал на меня, что чуть уши мои не лопнули. А по какой причине? Пришла я к нему мучки попросить до нового урожая. А он глаза в бороду упер и допытывает: «В каком размере возврат будет?» А я

ему и скажи: «Ты же, Дмитрий Сидорыч, первый божий человек у нас в деревне, так что в одинарном». — «А! Коля хлебец вам нужен, я — божий человек. А как вам от меня ничего не потребно, я — ирод и душегуб. Вон отсюда! Не будет тебе моей помочи. Иди, клонись Солодову». Плюнула я на порог и ушла. Теперь не знаю, чем и кормить семью. До нового урожая еще больше месяца почитай осталось. И впрямь придется Ивану Матвейчу в ноги клониться...

— Смотри, Дарья,— перебила Анну мать Саши Марья,— Дмитрий не простит тебе такой обиды. Пожаловалась бы ты на него в волость. Пусть его позовут да острастку дадут.

— Твой мужик сам намеревался в волость сходить. Он ведь очевидцем был. Видал, чай, как старый хрыч на меня с кулачищами набросился!

— Нам, Дарья, теперь не до тебя. Сегодня Сашка в лесу шишку еловую съел. Николай, наверное, с ним завтра в город поедет.

— Надо же такое в голову мальчишке прийти — шишку глотать,— удивилась Дарья.

— Говорит, спорили они. Вот Сашка на спор и сжевал шишку. Упрямый растет, весь в отца,— осудила сына Марья.

— Все они ныне упрямые,— заметила Анна Арсеньева.— В школе-то их бог знает чему учат. У меня, бывало, Мишка как из школы воротится, так приступает пузатых мужиков рисовать. И так их размалует, аж смотреть страшно. Пытаю его: «Кого ты это вымучиваешь?» — «Павуков», отвечает. «Да какие же это павуки, говорю. Это у тебя вроде бы как люди». — «А среди людей, отвечает, тоже павуки есть...» Вот и посуди теперь, чему их там учат?

— Чему надо, тому и учат. Правильно все делают,— твердо отрезала Дарья и, подняв на плечи коромысло с ведрами, направилась к дому.

2. Геенна огненная

Лето пролетело незаметно. После осенней страды наступила передышка. На седьмую годовщину Октября выпал большой снег, да так и не сошел. Вскоре ударили

настоящие рождественские морозы, накрепко сковавшие сугробы. В день рождества Нагорье обезлюдело. Все ушли в Заовражье. В избах остались лишь старые да малые. В некоторых окошечках светлячками мелькали тусклые огоньки, да изредка из Заовражья доносился собачий лай. В избе Петровых на широкой скамейке у окна лежал Саша. Светлые его волосенки растрепались и прилипли ко лбу, личико покрыла нездоровая белизна. Вот уже второй день мучается он животом. И его ни на минуту не оставляла мысль о шишке, хотя и прошло уже полгода, как он ее съел.

«И зачем я это сделал?! Горечь-то какая была,— думал Саша. И тут же другая мысль.— А вот никто не смог съесть, а я смог. Значит, я сильный. И сейчас ничего я не боюсь». Саша взглянул в полумрак. Желтоватый свет лампадки, что висела над его головой в углу, еле-еле означал покосившуюся печь. К ней притулилась окрашенная охрой деревянная кровать. Перегородка в три доски отделяла переднюю от кухни.

В доме стояла такая тишина, что слышно было, как тараканы скребут ножками по дереву. Саше тоскливо и жутко лежать одному. Он прислушался к стуку ходиков. Они напоминали о чем-то живом. Потом Саша устремил взгляд на кровать, и ему показалось, что там чьи-то ноги. «Кто же это лежит?» Он приподнялся на локти и внимательно всматрелся в полумрак.

— Ноги... Точно...— Стало так страшно, что он завернулся наглухо в одеяло и старался даже не дышать. Но в это время за окнами послышался скрип снега. Саша отчетливо слышал шаги, приближающиеся к дому. Он мысленно следил за ними: вот человек прошел мимо окна, поднялся по ступенькам крыльца, идет по прогибающимся половицам сеней, сейчас откроется дверь.

— Как ты здесь один-то? Саш! А Саш! — врезался в тишину певучий голос матери.

Саша молчал. Ему уже было не страшно, но интересно, что мать будет делать, если он притворится спящим. Мать приложила к его лбу холодную шершавую руку, спросила: «Болит головка-то, а?»

Мальчишка открыл глаза и прошептал:

— Посиди, мам, со мной, а то одному страшно. Что там у Солодовых делается?

— Что делается? Да как тебе об этом расскажешь. Все самогонку пьют да песни поют. Сережка с полатей как сыч глядит, а святая Матрена перед образами восседает, к проповеди готовится.— Мать прошла на кухню. Саша знал, что на шестке в противне лежит пирог. Его заказала испечь Софья Солодова. Значит, мать пришла не к нему, а за пирогом. Она завернула пирог в тряпку и проговорила:

— Ты потерпи еще чуток, сынок. Мы скоро. А ты спи... спи и не думай ни о чем.

— Да, не думай, когда на кровати домовой лежит.

— Что?.. Какой еще домовый?..

— Ноги чьи-то на кровати.

Мать сняла с постели валенки и рассмеялась.

— Это Настёнкины сапоги. Видишь! Я их на печку брошу. А ты — домовый... Нет никаких домовых. О них только в сказках сказывается. Спи... спи...— Мать направилась к выходу.

Саша понимал: мать торопится. Ей не до него. Там у Солодовых пир горой — весело. И всем наплевать, что ему здесь одному невмоготу — страшно и скучно. Сестренка Настя тоже туда убежала.

— Мам, а мам! Пришли ко мне Настёнку!

Но дверь уже хлопнула. Проскрипели в сенях половицы. В доме снова воцарилась тоскливая тишина.

«Даже часы и те, кажется, остановились», — подумал Саша. Он неторопливо сполз со скамейки и зашагал к стене, на которой висели ходики, — надо ж было убедиться, идут они или стоят? Сделав несколько шагов, Саша судорожно схватился за живот и упал.

— Мама! — разнесся истошный крик по избе. Стены старенькой избенки как будто вздрогнули от этого крика, и вновь все кругом замерло. Только стенные часы размеренно продолжали свой ход: тик-так, тик-так...

А из-за стены доносился скрип удаляющихся шагов матери: хруп... хруп... хруп...

* * *

А в доме Солодовых разомлевшие от самогона и духоты мужики и бабы вразной пели песни. Хозяин дома Иван Солодов сидел в красном углу. Над его головой — иконы в позолоченных ризах. Рядом с ним — нареченная святой Матрена.

По старообрядческим обычаям вроде бы и непристойно в доме вести такой разгул. Иван знал, что многие в Заовражье его будут осуждать. Но когда он спросил главу вотчины Дмитрия Гужова, как ему быть, где мужикам отливную за купленную у общины землю ставить, тот ответил:

— Бог к сатане в гости не ходит. К себе приглашай. Пусть бражничают. Только ты дело божье не забывай. Матрену попроси, пусть она про суд господний молвит.

Вспомнив разговор с Дмитрием, Иван заерзал на скамейке и елеинным голосом заговорил:

— Братья мои односельчане, послушайте рабу божью Матрену.

Бабы быстро замолчали и зашикали на мужей.

Матрена же не шелохнулась. Повязанная в черный платок, из-под которого видны были только нос и глаза, она одну руку держала на коленях, а другой подпирала подбородок. Было трудно понять, сколько ей лет. По-разному толковали в деревне. Иван Солодов, у которого останавливается в бане на ночлег Матрена, когда его об этом спрашивали, размашисто крестился и отвечал:

— Чего не ведаю, того не ведаю.

А Дмитрий Гужов обычно качал головой и бормотал:

— Прости меня, боже, грешника, надо же такое спрашивать о самой святой Матрене.

Появилась Матрена в Коростелях весной. Привел ее в деревню — якобы из леса — Иван Солодов прямо к Дмитрию Гужову. Тот провел Матрену через всю улицу, чтобы все ее видели. Шла она за Дмитрием босая, в длинном темном платье, в черном полушалке, с закрытым лицом. Шла тихо, плавно, словно не касалась земли, а плыла по ней. Всех встречных крестом старообрядческим осеняла:

— Да спасет тебя всевышний, — низко кланялась и опять плыла.

Затем у дома Дмитрия Гужова собрались все старообрядцы, чтобы увидеть святую и послушать ее. Некоторые женщины из Нагорья и особенно ребятишки пытались подойти к дому Дмитрия, но Иван Солодов махал им рукой, чтобы не приближались нечестивые к святому месту.

Матрена обратилась к собравшимся с проповедью. Говорила она, словно пела, протяжно, грустным голосом о грехах людских, о всевидящем всевышнем, о его милосердии к добрым людям и его снисхождении к раскаившимся в своих греховных делах. Женщины смотрели на «святую» как завороженные...

Николай Иванович Петров стоял около своей избенки, качал головой и улыбался. А когда вышла на улицу его жена и спросила, что в деревне происходит, громко ответил, так, чтобы все слышали:

— Дмитрий Гужов с Иваном Солодовым святую в лесу нашли...

С этого дня «святая» Матрена еженедельно стала появляться в деревне. Входила она обычно с нагорьевского конца, все той же парящей походкой шла вдоль всей улицы до дома Ивана Солодова, садилась на завалинку и, никуда не глядя, сидела несколько минут. Затем крестилась, повертываясь в разные стороны, и шла в баню.

Сейчас «святая» Матрена заговорила тем же певучим бархатистым голосом:

— Ведомо ли вам, грешники, что все смертно на земле? Одна душа вечна. Праведной душе на том свете по милости всевышнего — рай, а грешной — ад.

Блестевшие с полатей глаза Сережки потухли, черные брови сошлись на переносице, тонкие губы плотно сжались. Он знал, что Матрена сейчас начнет говорить о Страшном суде. От этих рассказов его бросало в дрожь.

Но Матрену перебил Николай Петров. Все знали, что он газету выписывает и нагорьевским мужикам вслух читает. В зимние вечера собираются в его хатенке докучливые нагорьевцы, слушают, что в мире делается, охают и от Николая разъяснений всяких требуют.

Иван Солодов хорошо знает это и потому считает Николая Петрова первым смутьяном в деревне.

«Что же этот смутьян хочет сейчас выкинуть?» — думает он.

— Так говоришь, Матрена, грешникам — ад. А кому из нас будет рай?

Матрена, косо взглянув на Петрова и как будто не расслышав его вопроса, продолжала:

— На небе появится огромное зарево, а над ним Иисус Христос. Он предстанет перед людьми в белом саване. А вокруг него будут носиться ангелы. С востока по земле потечет огромный вал, геенна огненная.

Сережка так ясно увидел эту картину, что даже почувствовал, как языки огненной геенны начали обжигать его тело. Закрыв лицо руками, он застонал.

— Полно тебе, Матрена, полно людей-то мучить,— закричала с кухни хозяйка.

— Хватит, Иван Матвеевич,— поднявшись со скамьи, сказал Николай Петров.— Ты что нас, для устрашения пригласил? Мы веселиться пришли. И имеем на то полное право. Ведь подумать только, за два ведра самогонки целую десятину тебе под купчую отдали.

— Иван Матвеевич, а Иван Матвеевич, слышь, что бог-то глаголет,— закричал Селиван Арсеньев,— пусть Солодов еще ведро самогонки ставит, ведь задарма вы ему, мужики, землю-то продали.

— Правильно, задарма. Ставь, Матвеевич, еще ведро,— раздались дружные голоса.

У Ивана от этого крика мурашки по коже побежали. Приподнявшись из-за стола, он вне себя захрипел:

— Хватит вам глотки-то драть. Надо и честь знать, пора по домам расходиться.

— Гонишь, значит? Хорош хозяин,— спокойно проговорил Николай Петров, а Селиван Арсеньев схватил со стола пустую четверть и бах ее об пол.

Стекольный звон ошеломил всех. В доме воцарилась тишина. Иван побагровел. Руки его задрожали. Голос задрезжал:

— Ты что это делаешь, голь перекатная!

— Ах, вона оно как! Я, значимо, для тебя голь! — заорал во все горло Селиван.

Заскрипели столы, попадали скамейки, завопили бабы. И быть бы очередной потасовке между нагорьевцами и заовражцами, если бы в этот миг громко не застучали в окно.

— Чего надобно? — спросил, прильнув лицом к стеклу, Иван Матвеевич.

— Дяденька Иван, помоги папку связать. Он опять мамку колотит,— донесся с улицы голосок соседки Солодова — Линьки Савельевой.

И как не бывало скандала. Кто-то захихикал в кулак, кто-то засмеялся. В деревне все знали, что Иван Солодов похаживал к соседке, когда ее муж был на империалистической. Поговаривали даже, что Линька — его дочь. А потому обычно молчаливый Петр Савельев, как только напивался, устраивал пристрастный допрос жене. И тогда Линька бежала за помощью к Солодову. И не зря на сей раз Иван не в меру смутился от этого зова. И когда услышал смех, понял, что его тайна не является тайной.

Сережка тоже не раз слышал, как мальчишки корили Линьку, что она не отцовская дочь, но не верил этому. А сейчас почувствовал, что это правдивый слух. Соскользнув с полатей, он бросился к двери и закричал:

— Не пушу! Не пушу!

— Ах ты, волчонок! — завопил Иван и схватил сына за плечо.

Сережка впился зубами в руку отца, вырвался и выскочил из дома в чем был. Иван бросился за ним.

Озадаченные этой сценой мужики и бабы притихли.

— Не мытьем, так катаньем — все же выпроводил гостей, — нарушил первым молчание Николай Петров и направился к двери.

Выскочив из дома, Сережка бросился через улицу прямо к Петровым.

— Сашка! Сашка, спрячь меня. За мной отец гонится. Я ему руку укусил, — услышал Саша крик Сережки, вбежавшего в избу.

Саша приподнялся с постели:

— Давай скорее под скамейку! — а сам юркнул под одеяло, спустив его до пола.

Сережка забился под лавку и замер.

Через минуту, тяжело дыша, в дом вошел Солодов.

— Где Сережка? — шаря по избе округлыми глазами, спросил он.

— Какой Сережка, дядя Иван? Я один весь вечер лежу.

— Я тебя спрошаю, куда он подевался, — закричал Иван, не владея собой.

— А ты, Иван Матвеевич, не шуми. Чего в чужой дом без хозяев врываешься и на больного мальчишку орешь? — услышал Саша от двери голос отца.

Иван осекся, резко повернулся и вышел.

— Вылезай, Сереж... ушел он,— проговорил Саша, нагнувшись со скамейки.

Сережка выполз, осмотрелся, подошел к окну. Николай Иванович взглянул на него и развел руками. Мальчишка был босиком.

— Как же это ты по снегу-то? Надень-ка на валенки. Или полезай-ка лучше на полати и спи спокойно. Если отец вернется, я объясню ему, что ты у нас. Сегодня тебе все равно домой нельзя идти. Отец-то у тебя хоть крестится и размахисто, а мыслит узко.

— Нет, я домой пойду, а то еще он мамку станет бить,— проговорил Сережка и бросился к двери.

В это время у Саши начался снова приступ аппендицита. Лицо его покрылось бисеринами пота.

На другой день Николай Иванович отвез его в город. Сашу положили в больницу.

3. Сатана

Весна в 1925 году не задержалась. Уже в марте солнце так припекало, что на пригорках показались проталины. Зимой в избушке Петровых было холодно и неуютно. По ночам насквозь промерзали пазы в стенах, порог у двери покрывался льдом, а окна серебрились под густой ледяной пеленой. Утром мать затапливала печь, стараясь хотя бы немного отогреть избу к тому времени, когда Саше надо было собираться в школу. Ребята спали на полатах рядом с печкой. Вечером там было не в меру жарко, а под утро, как и во всей избе,— холодно.

Просыпаясь, Саша с ужасом думал о том, что за стеной мороз и ему надо обувать Настенкины старые валенки, вязанные веревками, надевать длинный, не по его росту ее же полушубок, напяливать на голову отцовский башлык и, перекинув через плечо холщовую сумку, бежать к дому Сережки Солодова, где собирались ученики и ждали: не подвезет ли их до школы его отец на своем жеребце?

Но вот уже несколько дней в избе тепло, морозы спали. Проснувшись, Саша услышал за стеной скрип колодезного ворота и догадался, что это мать достает воду. Сейчас она вернется, поставит ведра на лавку,

заглянет на полати и скажет: «Сынок! Пора вставать».

А пока ее нет, можно полежать с закрытыми глазами и помечтать.

А мечтал Саша всегда об одном и том же. Мечта его была по-детски наивна и проста. Хотелось ему жить в доме в три окна, с резными наличниками на окнах, покупать хотя бы изредка в солодовской лавке вкусные пряники и угощать ими сестренку Настю. Хотелось ему также, чтобы была у них в хозяйстве молодая лошадь, на которой можно было бы проскакать верхом по деревне. Вместе с Мишкой Арсеньевым сидеть у костра в ночном и слушать увлекательные сказки Матвеихи — бабушки Мишкиной, которая бродит ночью по деревне, стучит колотушкой, а под утро идет к костру, где мальчишки пекут картошку, и сказки им рассказывает.

Со двора донеслось мычание коровы. Послышался стук топора — это отец колет дрова. На улице еще темно, а отец и мать уже за работой. Настенька больная и плохая помощница, скорее бы ему вырасти и помогать во всем отцу с матерью.

— Сынок! Пора вставать, — прервал его размышления голос матери.

Саша неторопливо спустился на пол. Мать хлопотала около печи. На столе — молоко и хлеб. Наскоро поев, он оделся, перекинул через плечо холщовую сумку с книгами и выбежал на улицу.

Тонкий ледок хрустел под ногами. Саша старался прокатиться, но он лопался, как стекло. Выступавшая из-под льда вода не успевала омочить его ноги, и это забавляло. У дома Солодовых уже толпились ребята.

Сережка Солодов вышел из дома хмурый. Махнув рукой, он поплелся в переулочек. Это означало, что подводы не будет.

За деревней полевою тропу замело снегом, идти трудно. Саша еле передвигал ноги. Хотя прошло уже три месяца после операции, но у него не выходили из головы слова врача:

— Тяжелого, мальчик, не поднимай, бегом не бегай, а то шов может разойтись — и тогда не миновать беды.

Мальчишки убегали все дальше и дальше, а он шагал и думал о своем: «Почему я такой несчастливый? У всех сестры здоровые, а у меня сестренка занка и бледная, как полотно. У Сережки дом красавец, а у

нас дырявая халупа». Горько Саше от этих дум. Единственное, что его утешало,— так это школа. Здесь он чувствовал себя равным со всеми. Ему нравилось выходить к доске, писать мелом цифры, затем складывать их, вычитать, получать похвалу от учительницы. Саша любил школу, потому ему там было легко.

В тот день было всего три урока. Заболела учительница Зоя Сергеевна — и ученики вернулись в деревню рано.

Около дома Солодовых еще вчера показались проталинки. Сегодня солнце припекало еще сильнее, и мальчишки побросали сумки и устроили здесь чехарду. Сбросив старые валенки, Саша прыгал на прошлогодней траве, пытаясь включиться в игру.

— С... Саша!.. С... Саша, иди с... с... сейчас же домой, а то я м... маме скажу, что ты босиком бегаешь!

— Заголосила...— проворчал Саша, услышав голос сестры. Он нехотя натянул на ноги валенки, отошел в сторону.

— Что, испугался? — издевательски спросил Венька Гужов.— А вот мне дед ничего не запрещает. Я даже по снегу босиком могу побегать.

Венька всегда ссылается на деда. Он ему и за отца и за мать.

— Бегай, если охота,— не глядя на Веньку, ответил Саша.

— Я тебе побегаю,— по-взрослому произнес Сережка Солодов. Он стоял около угла дома и с завистью наблюдал, как мальчишки перепрыгивали друг через друга. На его ногах — новые сапоги. Надел он их только сегодня, но по дороге из школы перепачкал в глине, а теперь вымыл в луже и сушил на солнце. В чехарду Сережка никогда не играл. Отец внушил ему, что это грешно: «Друг через друга только черти скачут». Но мальчишки, словно ему назло, второй день тешились этой забавой около его дома.

Сережка учится уже в четвертом, а Саша и Венька Гужов в первом. Венька сверстник Сережке Солодову, но он долго болел и в школу не ходил. После болезни у него глаза стали выпученными, как у лягушки, потому и прозвали его мальчишки Жабой. Венька злится, когда его так кличут, и каждый раз лезет в драку. Мальчишки знают его характер. В драке он неуёмен и

зол, может чем угодно ударить. И тем упорнее мальчишки исподтишка обзывают его жабой. Вот и сейчас кто-то тихо проговорил: «Жаба прыгать не умеет».

Венька завертелся, засверкал выпученными глазами, оглядываясь на каждого. И вдруг бросился на Сережку Солодова:

— Это ты, Страдалец!

Сережке это прозвище пристало от отца.

Как-то в воскресный день сидели мужики на петровской заваulinке, судачили о житейских делах. Вдруг в деревне появилась «святая» Матрена. Поравнявшись с домом Петровых и заметив мужиков, она остановилась. Поманила рукой Сережку, спросила:

— Желчь-то дома?

Сережка не понял, о ком его спрашивают, и удивленно переспросил:

— Какой желчь?

— Я спрашиваю, отец твой дома?

— Дома, — смущенно ответил Сережка.

Мужики слышали этот разговор и рассмеялись. С тех пор и пристала к Ивану Солодову кличка — Желчь.

Когда Иван узнал об этом, то не в меру рассвирепел и чуть не выгнал Матрену из бани. Но Дмитрий Гужов разъяснил ему, что слово «желчь» в Священном писании означает якобы «страдалец» и что «святая» Матрена это имела в виду. С тех пор и стали называть Ивана не иначе как Желчь, а Сережку мальчишки прозвали Страдальцем.

Набросившись на Сережку, Венька вдруг застыл. Он увидел неизвестно откуда появившуюся Матрену.

— Сатана идет!.. Сатана! — закричал кто-то.

Матрена услышала этот крик, остановилась. Затем медленно подошла к мальчишкам, перекрестилась, молча постояла и вдруг спросила:

— Кто из вас кричал, ребята?

Мальчишки, опустив головы, молчали. Матрена уже не впервые слышала это обидное для нее слово. Она понимала, что идет оно за ней от взрослых, но от кого?

Первым так назвал Матрену — Сережка. Его отец в отместку за кличку Желчь дома иначе не называл Матрену как Сатана. При людях же по-прежнему делал

вид, что почитает ее как святую. Сережке не нравилось лицемерие отца, но он и сам не терпел Матрену, потому кличка эта ему была по душе.

— Веня,— заговорила Матрена,— кто научил тебя таким неугодным богу словом обижать меня?

Саша взглянул на Веньку. Тот, блудливо сверкнув глазами, отвернулся.

Все молчали.

— Кто мне скажет правду, мальчики? — сложив руки на груди, спросила уже раздраженно Матрена.

Венька поднял голову и буркнул: «Сережка Солодов научил, вот кто».

Лицо у Матрены стало бледным. Круто повернувшись, она скрылась в проулке.

— Ну и правильно. Она и есть Сатана. И одета во все черное,— сказал Венька.

Около дома Савельевых играли девочки. С ними был и Сережка. Он бегал, смеялся.

«У, святоша! — подумал Саша, проходя мимо к своему дому.— С мальчишками не играет, а с девчонками хохочет».

Настя же по-прежнему стояла на завалинке. Саша почувствовал, что сестренка очень скучает, что ей хочется побегать с подружками, поиграть вместе с ними. Но Настя боится, вдруг Линька Савельева начнет ее передразнивать, делать вид, что она тоже заикается, потому и не решается Настя отойти от своего дома. Наблюдает издали за подружками.

— Насть, а Насть... ты что здесь стоишь? Оденься, иди поиграй с товарками-то,— проговорила мать, проходя мимо с ведрами.

Настя промолчала. Про себя же подумала: зачем мать говорит ей это. Ведь сама отца убеждала: «Куда ей в школу... Какая из нее ученица... Засмеют ее там. Пусть уж дома читать учиться». И Настя не пошла в школу. Отец сам обучил ее читать и писать. Теперь она не выпускает книжки из рук. Почти все, что лежит на этажерке, прочитала, только мало что поняла. И сейчас у нее книжка в руке. Начала она ее читать вчера. А сегодня с утра сначала картошку чистила, затем мать лучину колоть заставила. Только книжку взяла, глянула в окно, а ученики уж из школы идут.

Стоит Настя на завалинке, прикрывает рукой от солнца личико, наслаждается весенним теплом, радуется тому, что скоро снег совсем сойдет, зазеленеют деревья, зацветут луга, и она вместе с матерью в лес пойдет — землянику собирать. А когда грибы появятся — будет с отцом за ними ходить. А пока тоскливо ей, ох как тоскливо. И что это такое случилось с ее языком? Не выговаривает он слова как надо. А ведь мать говорит — до пяти лет она хорошо лепетала. Но однажды заплакала от какой-то горькой обиды, хотела что-то сказать — и не могла. Попыталась еще раз — и еле-еле выговорила. После этого и стала заикаться. И вот все хуже и хуже. Вozил ее отец в город, докторам показывал. Лекари в горло заглядывали, нос смотрели, грудь какой-то палочкой царапали, но ничего не помогло. С тех пор пьет она горькие капли, порошки глотает и все ждет, ждет, что не будет заикаться, но как захочет слово сказать, так мурашки по телу пробегают — и слова словно проглатываются.

— Насть, а Насть! — услышал Саша снова голос матери. — Ты еще все стоишь. Беги повеселись с подружками-то. Чего ты боишься? Ведь не собаки они, не искусают тебя.

— М...мам...а, можно б...ботинки снять и... б...осиком по лужайке побегать?

— Да ты что, с ума спятила? Взгляни-ка на себя в зеркало, на кого ты похожа. На лице ни одной кровинки. Простудишься, чахотку получишь. Что тогда? Не смей и думать об этом.

Мать звонко стукнула ведрами и скрылась в доме. Настя присела на завалинку, задумалась.

«Что же тогда будет, если чахотку получишь? — думает Саша. — Умрешь...»

Саша знает: умереть — значит не дышать. Он зажимает одной рукой рот, а другой нос и ждет: что будет? Внутри скапливается что-то тяжелое, и пальцы невольно разжимаются. Нет, нет, надо вытерпеть, узнать, что будет дальше? В висках начинает стучать, на глазах выступают слезы. Пальцы разжимаются — и Саша жадно глотает воздух. Ох, как это плохо не дышать. Как это страшно — умереть. А ведь он уже умирал однажды. Саша вспомнил, как он лежал в больнице на высоком топчане, как положили ему на лицо белую марлю

и как он стал терять сознание. Саша хорошо помнит, что он страшно не хотел засыпать...

Очнулся он от сильной головной боли. Его потянуло на рвоту, и только после нее он почувствовал боль в животе. Тогда он понял, что жив. Ему стало от этой мысли необычайно радостно.

«Так что, я умираю или нет? — размышлял сейчас Саша. — А что было бы, если я не ожил?»

Он зримо вспомнил бабушку Александру — мать отца: лежала она в тесовом гробу, в белом чепчике, прикрытая белой простыней, нос острый, тоненький, глаза словно в чашках, седые брови вздыбились. Что теперь с ней там, в земле, делается? Неужели придет время и я умру, и мама, и отец, и Настенька? А что же будет после того, как мы умрем?

— Мам, а мы тоже умрем, как бабушка Александра, и нас тоже в землю зароят?

Мать стукнула чугунами на кухне, тяжело вздохнула и, видимо не задумываясь, ответила:

— Конечно, умрем, сынок. Но ведь только тело умирает, а душа нет. Душу бог прибирает.

Саша уже не раз слышал это от мальчишек, но никогда не задумывался над тем, что это такое душа. Сейчас же он спросил:

— Мам, а что это такое душа?

Мать помолчала и, видимо не найдя слов для объяснения, вышла из кухни, подошла и погладила сына по голове:

— Иди спать. Тебе еще рано об этом думать.

Саша полез на полати.

* * *

На другой день резко похолодало. Ночью выпал снег, который покрыл раскисшие было дороги и появившиеся проталины мягкой пеленой. На солнце снег отсвечивал голубизной. После школы ребята собрались в деревне у оврага с санками и козликами. Саша остановился у подножья горы около колодца и стал всматриваться в даль. Ему нравилось смотреть на снежный простор, особенно в солнечные дни, когда снег так необычно искрился, а дорога, что вилась от деревни к лесу, казалась огромной змеей. Сейчас по дороге двига-

лись две точки. Саша хотел рассмотреть — то ли это люди, то ли подводы.

— Сашка, ты что, остолбенел? — услышал он голос Сережки Солодова.

— Дай твой козенок скатиться, а ты попробуй на моем скакуне. Знаешь, как здорово! Только голову выше держи, а то нос разобьешь.

Саша покосился на Сережку, но все же передал ему козенок, а сам принял от него веревку и потянул толстую доску в гору.

Остановившись на середине горы, он повернулся и вновь стал смотреть на дорогу. Черные точки исчезли. Что же это было — лошади или пешеходы и куда они делись? Пропали в пустоте. «Вот так и я живу, живу и вдруг пропаду. И уже никогда не вернусь. Во что же я превращусь — в землю? Отец говорит, все из земли происходит и все опять в землю уходит. Только земля вечна. А мать считает, что в человеке душа есть, и она не умирает. А что это такое душа и куда она от меня денется? Вылетит, значит, как птица, и в небо поднимется. А что же она там делать будет? Летать?..»

— Расступись! — вдруг услышал Саша голос Сережки и, не успев отскочить, полетел навзничь в сугроб. Сверху на него навалилась груда тел.

— Куча мала!.. Куча мала!.. — во все горло кричала, бегая вокруг мальчишек, Линька Савельева.

Снег набирался Саше за ворот, в валенки, попал под рубашку. А «куча мала» продолжала расти. Дышать становилось все труднее и труднее. «Еще чуть-чуть, — думал Саша, — и задохнусь». Но в этот момент кто-то схватил его за руку. Он сделал рывок и жадно начал хватать открытым ртом воздух. Рядом стояла Линька Савельева.

— Куча мала!.. Куча мала!.. — закричал Саша. Ему почему-то захотелось еще раз испытать только что прошедшее состояние отчаяния, да и Линьке показать, что он ничуть не испугался.

Саша выбрался из сугроба и начал искать глазами Сережку, ведь у него его козенок. Но того нигде не было видно, а козенок валялся разбитый. Перевернутая доска лежала на льду. Одна стойка, как вежа, торчала в сугробе, а другая со сломанной перекладиной валя-

лась рядом. Саша собрал в охапку обломки козелка и поплелся к дому. Там его встретил отец. Он с тревогой смотрел на сына и, как бы не замечая, что у него в руках сломанный козелок, сказал:

— Так, сынок, тебя и раздавить могли.

«...Значит, видел все отец,— подумал Саша.— Ви-
дел — и не спрашивает, кто же сломал козелок».

— Тять, а почему ты не говоришь о том, что видел, как Сережка мой козелок сломал?

— Да не до этого мне, сынок.

— А что, захворал?

— Да нет. Селиван Арсеньев из города приехал и весть нехорошую привез. В городе, сказывают, собрания везде проходят. Троцкий вроде как против Сталина выступил. Раскол в партии, а это плохо, Саша.

— Тять, а кто теперь вместо Ленина? — спросил Саша.

Отец приставил к крыльцу лопату, которой расчищал снег, и задумался. Через минуту ответил:

— Вместо Ленина никого не может быть. А за главного теперь Сталин.

— А Троцкий кто?

— Троцкий тоже у власти. Только, говорят, правда у него не ленинская, а другая.

— А разве правды две?

— Да как тебе сказать? Как я понимаю, у рабочих и крестьян — своя правда, а у буржуев и помещиков — своя. Они не признают нашу правду, а мы — их. Наша правда сильнее их оказалась. Ведь рабочих и крестьян больше, чем буржуев и помещиков.

Саша слушал отца, старался понять, о чем он толкует. И хотя не все ему было доступно, но он чувствовал, что отец говорит о чем-то важном, значимом, и потому не перебивал его.

Николай Иванович начал же разговор этот больше для себя, чем для сына. Он как бы вслух размышлял о том, что думал. Кому еще в деревне так можно довериться, с кем еще можно так откровенно поговорить?! Разве только с женой. Но Марья не умела подолгу его слушать. Обязательно начинала возражать:

— Да полно тебе мучиться-то. Что тебе, больше всех надобно, что ли? Какая тебе разница, кто там

и как управляет? Мужик всегда работал с темна до темна.

Николай Иванович видел: не может жена его понять, не дано ей этого. А вот сын должен понимать. Хотя и рано ему еще в такие дела вникать, да пусть послушает, о чем он думает. Решив так, Николай Иванович продолжал размышлять:

— Показательное хозяйство вон в Лыкове создали. Мол, учитесь, мужики, тому, как богатеть надо. Иван Солодов и Дмитрий Гужов учатся. А как этому можно научить Дарью Плешкову, у которой последняя лошаденка подохла? Как можно получить хороший урожай с полосы, если ни семян, ни навоза нет? Вот ведь дела-то какие, Сашок. Так что получается у меня и у Дарьи Плешковой правда одна, а у Ивана Солодова и Дмитрия Гужова — своя, другая.

— У меня тоже с Сережкой Солодовым правды разные.

— Ну, это ты уж напрасно. Тебе еще рано в это дело вступать.

— Нет, не рано. Сережка правду не любит. Мишка Арсеньев сказал ему, что он скряга, так знаешь, как он закричал.

— А зачем так говорить? Не надо его обижать. Не его это вина. Отец у него такой.

— Отец тут ни при чем. Он сам жадный. Никогда с мальчишками не играет, боится порвать что-нибудь.

— А вот в этом ты ошибаешься. Сережка с вами не играет потому, что отец ему запрещает. Отец-то ведь у него старовер, а они детей в строгости держат.

— А ты, тять, не старовер, а меня тоже в строгости держишь, — засмеялся Саша.

Николай Иванович покачал головой, взял снова лопату и стал бросать от крыльца снег.

Саша не раз слышал, что заовражские мужики и бабы в церковь в Лыково не ходят, что у них есть своя церковь в Чернолесье и называется она старообрядческой. А вот что это значит, он не понимал. И ни разу над этим не задумывался. Сейчас же он понял, что старовер — это не только другая церковь, а что-то и еще.

— А почему староверы своих детей в строгости держат? — спросил он.

— Да как тебе сказать, вера у них такая. Они больше всего думают о том, как после смерти в рай попасть.

— А я тоже после смерти хочу в рай.

Николай Иванович засмеялся:

— Да нет, сынок, никакого рая и никакого ада. Ерунда все это. Я маленьким тоже и в бога, и в черта, и в домового верил, а вот когда увидел своими глазами, как смерть приходит к человеку на войне, как она косит подряд и верующих и неверующих, так и понял, что нет ни бога, ни черта, ни дьявола.

— А мамка говорит, есть бог, и в церковь она меня с собой брала, когда ты на войне был.

— Было время, и я в церковь ходил. Только толку от этого никакого не видел. Сейчас вот не хожу и не молюсь, а ведь живу.

— Тять, а что ты на войне делал?

— Воевал, сынок. Сначала против немцев, потом против белогвардейцев и интервентов разных.

— А все мужики воевали против белогвардейцев и интервентов?

— Нет, не все. Я, сынок, еще в царской армии с хорошим человеком встретился. Был в нашей роте прапорщик по фамилии Малиновский. Человек большого ума и больших знаний. Так вот этот человек оказался большевиком. После революции он со своей ротой, в которой был я, перешел на сторону красных. Солдаты его любили и верили ему, как отцу родному, так как относился он к нам очень по-доброму. С ним я и прошел всю гражданскую. Где только не воевал: и под Питером, и под Царицыном, и в Крыму. Бывший прапорщик царской армии Малиновский по происхождению, как все говорили, был дворянин, но ни в бога, ни в дьявола он не верил. «Я верю, любил он говорить,— в народ. А постичь мне душу народа помог Ленин. Его ученье земное, но настолько умное и справедливое, что выше всякого божества». Мы, солдаты, любили его слушать. Уж очень он много знал и говорил хорошо. «Вспомните,— говорил он,— каждый свою деревню или село, поселок или город, где жили. Вспомните самого богатого человека, которого привелось вам знать, и скажите, чем он помог бедняку. Вспомните, кто был у вас в приходе попом. Откуда он брал для своей рос-

кошной жизни деньги, и вы поймете, что это был за человек. Тот, кто сам не работает, а живет лучше тех, кто потом от труда исходит, и есть наш враг. Потому что живет он на чужие средства, и не важно, кто он — фабрикант, помещик, поп или торговец. Важно, что он не трудится, ничего не создает, а чужой труд себе присваивает. Это и есть эксплуататор — наш враг».

Многие солдаты под его агитацию тогда в партию вступили. И я подумывал, да решил пообождать, самому хотелось увидеть, что в деревне изменилось.

Вернулся, смотрю, действительно все по-другому стало. Помещика нет, урядника тоже нет. Мужик стал сам себе управой. Затем присмотрелся, ан не все так, как сначала показалось. Вместо помещика Гужов Дмитрий стал деревней командовать, а потом, смотрю, Иван Солодов стал лесником и раздулся, словно клещ, и тоже свою волю мужикам навязывает. У одного — мельница, а у другого — лавка. Вот какие дела-то, сынок. Вот тут и встаешь в тупик: как жить, кому верить? Одни говорят: нэп — это хорошо, другие — плохо. Одни говорят: надо дать крестьянину полную свободу во всем, другие доказывают — нельзя этого делать, крестьянин, мол, разный есть. Дай богатому крестьянину свободу, так он и в помещика превратится. И то вроде бы верно, и другое — тоже не скажешь, что неправда. А ты, Саша, о своем козелке. Сколочу я тебе козелок или новый сделаю. Только думаю, что уж в эту зиму он тебе не потребуется. Весна ведь в полном разгаре. Это только сегодня похолодало. Завтра опять потеплеет.

Отец хлопнул Сашу по плечу и, словно извиняясь, добавил:

— Разболтался я с тобой, пожалуй, не в меру. Наверное, и ни к чему, сынок.

— Нет, к чему. Что я, маленький, что ли, — ответил Саша.

Отец улыбнулся и бросил лопату под крыльцо.

4. Бывали дни веселые...

В престольный праздник троицу деревня Коростели выглядела как невеста — прибранной и ухоженной. У дома Солодовых, рядом со старой березой, появились

три молоденьких, кудрявых. Их принес из леса Сережка и воткнул в землю. Только около домика Петровых еще было не подметено.

Саша вышел на улицу, сел на завалинку. Ветерок донес до него от дома Солодовых приятный запах пряников. Он как магнит тянул Сашу к себе.

«Может, Серенька один в лавке?» — подумал Саша. И не было уже сил сдержать себя. Он вскочил и помчался через овраг. В лавке Солодовых было прибрано. Пол вымыт, на небольшом оконце висела свежая занавеска, а в углу стояла обрамленная позолотой икона. За прилавком по-хозяйски, как заправский купец, стоял Сережка. Саша впился в него глазами и стал ждать, когда тот пригласит его войти. Но Сережка молчал. Саша уже не рад был, что пришел сюда. Но вид и запах пряников удерживал его.

— Что, за пряниками пришел? — вдруг спросил Сережка. — Сколько отец денег-то дал?

— Нисколько. Я просто так пришел поглядеть, — Саша подошел к прилавку.

— А у меня видишь, сколько денег?

Сережка открыл жестяную банку и протянул ее под нос Саше. В банке лежало много беленьких и желтеньких монет и несколько бумажек.

— Вот это да! — удивился Саша. — А где ты взял их, Серенька?

— Как где? Наторговал.

— Наторговал. Так это же отцовские. Мой отец говорит, что твой отец в лавке всех обдирает.

— Как это обдирает? — обиделся Сережка. — Что положено, то и берем. Не задарма же давать. Каждый товар свою цену имеет.

Саша подумал, что сказал лишнее. Он решил заговорить о другом.

— Ты, Серенька, будешь дальше учиться?

— Буду. Осенью в Чернолесье уеду.

— А я буду учиться дома строить. Выучусь и такой домике отцу с матерью построю, что все ахнут.

— Скажешь тоже... дома строить. Тебе пряник не на что купить, а ты строить. Хочешь пряника?

— Нет... Очень мне нужен твой пряник!

— Ой ли. Пряника не хочешь? Врешь!

У Саши на глазах навернулись слезы. Ему очень

хотелось пряника, но обидно было, что Сережка так высокомерно с ним разговаривает. Он повернулся и нехотя пошел к выходу.

— Ты куда, Сашка? Не обижайся, я пошутил. На, попробуй мятного пряника. Знаешь, какой вкусный.

— Скрыга ты, Сережка.

— Скрыга, говоришь, да?.. А хочешь, я эти пряники растопчу? Хочешь? — закричал Сережка, хватая пряники с прилавка.

Но Саша уже не слышал его. Выскочив на улицу, он, не оглядываясь, помчался к своему дому.

У крыльца с метлой в руках стоял отец. Он внимательно поглядел на сына и, видимо все поняв, отвернулся.

— Тять, а тять... А много надо денег иметь, чтобы, как Сережка Солодов, в Чернолесье пойти учиться?

— Не знаю, сынок. Тебе об этом еще рано думать. Ведь только во второй перешел.

— А когда окончу четвертый, ты меня отпустишь в Чернолесье?

— Ты что, ученым хочешь стать? — улыбнулся отец.

— Да нет. Я хочу научиться дома строить.

— Дома строить? Это хорошо... Только вот где денег выкроить на учебу?

— Займем. А выучусь, отдадим.

— Ишь ты какой? У кого займешь-то, у Солодова?

— Нет, у Солодова не надо. Я с Сережкой поругался.

— Да что ты! — нарочито удивился отец. — Чего это вы не поделили?

— Жадоба он. Пряников в лавке завались, а ему одного и то жалко.

— Но ведь пряники-то не его.

— Ну и что ж что не его. Мог бы дать. У них их целые сусеки.

— А вот это уже нехорошо. Разве ты что берешь из дома без спросу?

— У нас нет пряников.

— Да что тебе эти пряники сдались? Хочешь очень?

— Знамо, хочу.

Отец глубоко вздохнул, положил метлу на землю и достал из кармана светлую монетку.

— На, беги купи.

— Не надо. Я это так просто сказал,— смутился Саша.

— А вот и врешь,— серьезно проговорил отец.— Бери... пока даю.

Саша схватил монету и прыжками помчался к дому Солодовых.

Но Сережки в лавке уже не было. Он стоял около березы и внимательно наблюдал, как отец встречал гостей. На большом тарантасе к дому подъехали трое. Высокий мужчина с широким полным лицом без усов и без бороды вылез первым, поздоровался с Иваном Солодовым и начал распрягать лошадь. Невысокая женщина, толстая, в цветистом платье, с лицом, на котором словно горох молотили, и девочка лет шести с белым бантом на голове не торопились вылезать. Иван Солодов поспешил к ним. Опираясь на его руку, женщина вывалилась из тарантаса и, подобрав подол, двинулась к крыльцу. Иван поцеловал девочку в щечку, приподнял на руках и осторожно поставил на землю.

— Лидочка, иди сюда,— прозвучал грудной голос женщины.

— Милости прошу, проходите, Татьяна Филипповна,— приоткрыл дверь Иван.

Из дома донеслись голоса.

— О, у вас уже гости! — удивилась женщина.

— Братеник жены из Чернолесья приехал,— расплылся в улыбке Иван.

— Как Федор-то, все еще не продал пароходишко? — спросил мужчина, привязывая к тарантасу лошадь.

— Пока нет. Плоты водит.

— Дождется, что отберут. Не слушает доброго совета. Мне в хозяйстве его буксир ох как бы пригодился.

— А ему что делать без парохода-то?

— Как что? Все то же. Будет за штурвалом, только на зарплате.

— О! Илья Платоныч, нелегкое это дело со своей собственностью расстаться.

— Собственность! Советская власть против собственности. Ленин говорил, что при социализме все общее будет. А ты «собственность».

— Слышал, слышал. А може, еще и не пойдет так-то... Може, что и переменится? Ведь Ленина-то теперича нету.

Сашу эти слова почему-то как ножом в сердце ударили. Он впился глазами в незнакомого мужчину.

Привязав лошадь и взворошив перед ее мордой сено в тарантасе, Илья Платонович подошел к Солодову, хлопнул его по плечу, проговорил:

— Идеалист ты, Иван Матвеевич, мечтатель!..

— Вам виднее, Илья Платоныч, вы коммунист, сама власть,— заискивающе пролепетал Иван.

Илья Платонович усмехнулся и властно зашагал к крыльцу.

Саша никогда не видел этого человека, но по тому, как Сережкин отец встречал его и как величал по имени и отчеству, догадался, что это Шершнев с женой и дочерью из Лыкова. Когда мальчишки бегали в орешник, на территорию бывшей помещицкой усадьбы, то Саша не раз слышал:

— Только бы Шершня не увидел. Спустит собак. От них не убежишь.

Саша хотел подойти к Сережке и спросить его — Шершнев это или нет, но Сережка откачнулся от березы и пошел к дому.

От дома Гужовых шли вдоль улицы мужики и бабы. Сережка присмотрелся. Впереди — сын Дмитрия Гужова — Василий. Волосы на голове лохматые, коричневое, исхлестанное ветрами лицо недовольно, белая рубашка навыпуск. Василий слегка покачивался. За ним шли гости. Взявшись за руки, они пели: «Бывали дни веселые...»

У многих домов толпились люди. Где-то играла гармошка, верещал звонкий бабий голос. Шел Василий Гужов по деревне как хозяин. Он явно искал встречных. У него чесались руки. За оврагом показался Селиван Арсеньев. Роста он такого же, как и Василий, только правое плечо немного выше левого, потому кажется он тощее и длиннее. Серый пиджак висит на нем, словно с чужого плеча.

Селиван шел домой. В руке он держал битого гуся. Василий, столкнувшись с Селиваном, выпрямился, расправил грудь.

— Ты, Селиван, почему от моей полосы целый пласт отпахал?

— Не выдумывай, Василий. У меня нет с тобой полос рядом.

Лицо Василия побагровело. Пьяная компания вмиг отрезвела. Все поняли, что Василий входит в раж. Бабы к нему. Уговаривают. А тот — хватя гуся у Селивана. Но Селиван тут же, выдернув гуся из его рук, наотмашь ударил им Василия по голове. Василий — навзничь. На помощь ему из толпы брат — Тимофей.

— Бей его, Тимофей, бей! — заорал Василий.

На Селивана налетело несколько человек. Тот — наутек. Братья Гужовы за ним, но вмиг остановились. Навстречу им шел брат Селивана — пастух Пахом. Характера Пахом спокойного, на слова неохоч, но когда выходит из терпенья — не знает меры своей ярости. Увидев Пахома, Василий испугался, но отступить было некуда. Подняв кол, он двинулся на пастуха. Послышался свист кнута. Не успел никто и ахнуть, как Василий лежал на земле. Гости Гужовых врассыпную, Селиван в свой дом, Пахом же победно зашагал в один из переулков.

— Пастух у нас силищи неимоверной, но глупый, — услышал Сережка голос отца.

— В таких руках кнут страшнее всякого оружия, — отозвался Шершневу.

Бах.. бах...—вдруг раздались выстрелы за околицей. Все бросились на звук выстрелов. Побежал и Сережка. Около Гужова овина он увидел Пахома. Тот лежал навзничь. От овина к лесу бежал Венька Гужов. В руках он держал ружье. В это время из переулка выскочил дед Веньки Дмитрий и во все горло закричал:

— Беги в лес, Венька, в лес!..

Несколько мужиков подняли Пахома на руки и понесли к дому Селивана. С его рубашки капала кровь. Он скрипел зубами и неистово вертел головой.

Сережка и раньше видел деревенские драки. Ни один праздник не обходился без них, но эта особо поразила его. Он шел к своему дому, ничего не слыша и не видя. Очнулся у крыльца, около которого стояли отец и Шершневу, любуясь, как Федор играет с двухпудовой гирей. Дядя подбрасывал ее вверх, ловил в

воздухе и поднимал над головой. Но вот он швырнул гирю на землю, тяжело вздохнул и, обращаясь к Сережке, проговорил:

— Вот чем, братец мой, заниматься надо, тогда никакой Пахом не будет страшен. Я еще в парнишестве приспособился к этому — и с тех пор гиря в моих руках словно игрушка.

— Гиря — не ружье. Вон Венька маленький, а Пахома уложил.

Федор опешил. Потер рукой лицо, словно бы что вспоминая.

Отец спросил:

— Поймали его или нет?

— Поймаешь его. Он в лес убежал.

— Судить будут, — проговорил Шершневу.

— Черт с ним, — махнул рукой Федор и затанул «Бывали дни велесые...».

5. Пашка — «Америка»

Шел одиннадцатый год после Октябрьской революции. Казалось, что жизнь в приволжской деревне по-прежнему уложилась в размеренную колею. В деревне Коростели продолжал богатеть Иван Солодов, тянулся за ним и старик Дмитрий Гужов. Он считал себя в деревне за главного и хоть дружил с Солодовым, но в тайнике своей души вынашивал мысль насолить ему чем-нибудь так, чтобы все поняли: не Солодов — деревенская сила, а он, Дмитрий Гужов.

Выбился из бедняков Николай Петров. Построил новый дом в три окна. Он вроде бы как примирился с тем, что происходит в деревне, углубился в налаживание своего хозяйства.

По-прежнему оставались бедняками лишь Дарья Плешкова, муж которой умер от запоя, пастух Пахом и Селиван Арсеньев.

Ивану Солодову стало казаться, что все смирились с его господством в деревне. И ходил он теперь по улице, высоко подняв плешистую голову. Первым никому не кланялся, а таким, как Плешкова и пастух Пахом, даже и на поклон не отвечал. Один только человек мозолил ему глаза — младший брат Николая, Павел Пет-

ров. Жил он когда-то вместе с братом. Но перед войной Павел поступил внаем в поместье Лыковых, обучился там малярному делу и во время гражданской войны уехал в город. Где и чем он занимался, никто не знал. Вернулся в деревню, как и его брат Николай, в двадцать первом году, привез с собой из города молодую жену. Тогда-то братья и разделились. Николай, как старший, имел право на дом и предложил Павлу строиться. Но жена Павла оказалась строптивой и настойчивой. Она наотрез отказалась уходить из обжитого дома. Мать взяла сторону младшего сына, и Николай вынужден был уступить. Купил у одного отходника старенькую двухоконную избенку и переселился в нее. Павел же после смерти матери заколотил окна в доме и отбыл неизвестно куда.

Спустя два года Павел с женой опять приехали в деревню и потребовали землю. Им выделили на два едока запущенную луговину. Павел летом скосил траву, купил жене козу, а сам отбыл в город. Таисья, так звали жену Павла, жила в деревне по городским обычаям. Одевалась, в отличие от деревенских баб, аккуратно, волосы на голове по-мужски стригла, по утрам зубы щеткой чистила. По характеру она была необщительна, деревенские порядки не воспринимала и относилась к ним пренебрежительно. Все удивлялись, что заставило ее из города уехать и такую скучную одинокую жизнь вести.

Павел же, в отличие от своей жены, характера был вздорного, невыдержанного. Вел себя в деревне независимо. Ивана Солодова открыто называл кулаком и считал своим личным врагом, хотя никогда не ссорился с ним.

В этом году Павел приехал в деревню в конце лета. Вот он сидит в доме брата в углу на широкой скамейке. Рубашка белая, галстук цветистый, ласковая синева светится из глаз. Лицо как брусок, крутой подбородок чисто выбрит, усы подстрижены. Саша смотрит на него с наслаждением и с нетерпением ждет рассказа о людях, совсем непохожих на деревенских мужиков и баб, о тех, которые живут там, где-то далеко, в городе.

Сейчас дядя выпьет вторую рюмку и вскрикнет: «Америка!» На его языке это означает — хватит гово-

рить о грустной деревенской жизни, слушайте о веселой городской.

А пока отец жалуется брату на деревенское житье-бытье, Павел внимательно слушает и рассудительно отвечает:

— Горькая у мужика доля. Одному земля родит, а другому — кукиш показывает. А надо так, чтобы притирочку, всем одинаково и чтоб за клочок земли люди горло друг другу не перегрызали.

— А как это сделать? — спрашивает Николай.

— Как? Объединяться надо. Кооператив надо земельный создавать, чтоб меж всех мужиков притирочка была.

Слово «притирочка» у дяди каждый раз приходится так к месту, что Саша только и ждет, когда он его еще раз скажет.

— Да полно тебе, Павел, ерунду-то нести, — сердился Николай.

— Америка! — кричит Павел и наливает следующую рюмку.

Саша вспомнил нынешний приезд Павла. Отец и мать, узнав о его возвращении, приготовились к встрече. Саша с обеда ждал дядю у окна. Сидел и следил за улицей.

Вот мимо окон прошла к колодцу жена Василия Ольга Гужова с ведрами на коромысле. Ее все в деревне зовут Гужиха. Ольга с причудами. То трещит и смеется без умолку, а то из нее и слова не вытянешь.

А вот и жена Павла, Таисья, идет по воду. Одета по-праздничному, значит, рада приезду мужа. Ольга Гужова ненавидит Таисью и при всяком случае набрасывается на нее с площадной бранью. Ее муж, Василий, однажды открыто хвалился, что ночевал у Таисьи.

Сейчас Таисья сидит на табуретке около печки. На вид неказиста: небольшого росточка, волосы подстрижены, лицо в веснушках, взгляд гордый. Лишних слов Таисья не говорит, а если что скажет, то как отрубит. Саша смотрит на тетку, и ему кажется, что она всех ненавидит, но почему-то терпит. На присутствующих Таисья почти не глядит. Мужа слушает с кривой усмешкой — мели, мол, мели, что в голову придет, им все равно, ничего не видели и не знают.

Павел говорит не очень внятно, но убежденно. На этот раз он рассказывает о том, как где-то на Севере большая электростанция строится. Его, Павла, хорошего мастера, приглашали туда работать, большие деньги обещали платить, но он съездил, посмотрел и отказался, так как до денег неохоч, да и родные места оставлять не захотелось.

Саша слушал дядю, не пропуская ни одного слова. В его голове зримо возникла картина рассказываемого: огромный лес, горы снега и тьма людей. И работают все люди, как говорит дядя, впритирочку, валят и валят лес и свозят его к реке. Там строят дома. И растут они на голом месте, как грибы.

— Вот она какая, Советская власть-то! У нее все впритирочку! — восклицает Павел, заканчивая рассказ.

Отец наливает брату посошок. Таисья тревожится:

— Хватит ему. Ведь лыка уже не вяжет.

Павел опрокидывает рюмку в рот и кричит:

— Америка!

6. Чернолесье

Конец августа 1928 года выдался необычайно жарким. Рано зазолотились березы, стали осыпаться листья, пожелтела на лугах отросшая отава. Скуден стал корм для скота, хотя впереди еще было не менее двух месяцев выпаса. Пастух Пахом Савельев выгнал коров на жниву.

— Не так уж глуп наш Пахом,— обращаясь к сыну, проговорил Николай Петров.— Знает, где коров можно сытнее накормить.

Саша взглянул на рассыпавшееся стадо в поле и ничего не ответил.

Он вспомнил наказ матери перед отъездом: «Ты уж там, сынок, не балуйся и береги себя». И вот сейчас, сидя в телеге, которую по пыльной дороге лениво тянула уже совсем старая Звездка, думал о том, что стара и плоха она стала. Другую бы надо купить, да денег, наверное, отцу негде взять.

Саша знал, что село Чернолесье, куда они едут, стоит на берегу Волги. В нем живут пароходчики. Называется оно так потому, что был когда-то на этом месте лес, не обычный, а обгорелый, черный.

— А почему наша деревня называется Коростели? — спросил Саша.

— Я когда-то тоже своего отца об этом расспрашивал. Так вот слушай, что он мне рассказывал.

Никто не помнит, кем был построен в нашей деревне первый дом, но старожилы знали, что жил тут когда-то управляющий помещика — Коростель. Был он разгульного характера. Страсть как любил баб и лошадей. Запряжет, бывало, тройку, схватит молодуху и увезет в город. Все шло чин по чину, пока не уволок однажды Коростель вдову Нюшку Нагорьеву. Муж ее не вернулся с турецкой войны, и жила она в убогой хатенке с ребятишками.

Вернулась Нюшка из поездки тихо, без слез. А через день, ночью, загорелся дом управляющего. Вместе с ним сгорела вся деревня. Сам Коростель с вечера был мертвецки пьян и не выбрался из дома.

В то время как нагорьевские мужики заново отстраивали двухоконные домишки, в Заовражье появился огромный пятистенный дом. Выстроил его кучер помещика — старообрядец Гужов.

Дмитрий Гужов — правнук кучера. До революции он имел свою мельницу. Но в начале восемнадцатого года кто-то поджег ее, и остались от нее одни жернова. Не стало мельницы — и захирело хозяйство Дмитрия. Стал бывший мельник бедняком. Потому и вошел он в комитет бедноты. Не по душе Дмитрию был этот комитет, но он давал ему власть, а до власти Дмитрий Гужов охоч. Ходил он по деревням с пастухом Пахомом да Фомой Плешковым, засыпал по prodразверстке зерно в мешки и отправлял в Кострому. По пути подводы заезжали в Чернолесье, к брату жены Ивана Солодова, Федору Богомолу, где мешки ополовинивались и мякиной досыпались. Иван Солодов погружал на сани мешки с мукой и увозил их в лес. Туда, где стояла неведомая избушка, в которой жила отшельница — сестра Дмитрия Фекла.

В деревне, куда к брату навевывалась Фекла, заметили, что стала она не в меру полнеть. Нехороший слух пошел. Дмитрий пригрозил, что если она не скроется с глаз, то вместе с плодом «господним» на тот свет отправится.

Фекла исчезла. Вскоре пришли от нее вести из Ца-

рицына, что родился у нее сын. Назвала она его Ильей. А отцом его является бывший приказчик помещика Платон Шершнев.

В 1919 году, после смерти матери, он приехал к своему дяде. Дмитрий принял незаконнорожденного племянника как незваного гостя, однако помог ему устроиться на работу в бывшую помещичью усадьбу.

— Тять, а почему мы в Чернолесье на пароходе не поехали?

— Да решил я в Осташково на обратном пути к одному человеку заглянуть, насчет лошади поговорить. Сказывают, купил он на базаре молодую кобылу, и оказалась она с норовом. Запрягут, а она ни с места. Может, есть резон купить. Задешево, наверное, продаст. Думаю, что смогу ее норов побороть. Твой дед в свое время рискнул — купил лошадь, заведомо зная, что она норовная. И что же? Привел, запряг ее в сани. Сел, пошевелил вожжами, лошадь — ни с места. Он не стал ее понуждать. Сидит в санях час, другой, третий... Лошадь продрогла: начала мордой вертеть, ногами переступать, затем посмотрела на дровни, да как бросится вперед. И с тех пор никакого норову не было.

— А Звездку куда? — спросил Саша.

— Звездка свое отработала. Продать не удастся, никто не купит. Придется живодерам сдать.

Саша взглянул на узкий, покачивающийся из стороны в сторону круп Звездки и представил, как живодеры будут сдирать с нее кожу.

— Тять, а тять! Зачем живодерам. Пусть живет.

— А кормить чем? Ты накопишь ей сена?

— Сено купить можно.

— Ишь ты, какой прыткий, — засмеялся отец. — Мы ведь не пароходчики. Это у них денег полны карманы, а у нашего брата мужика карман дырявый — что ни положишь, все проваливается.

Саша замолчал. Не продолжил разговора и отец. Саша вспомнил о Сережке Солодове, который уже закончил семилетку и уехал в город — в техникуме учиться. Хорошо бы и ему так. Только отпустят ли отец с матерью. Работник дома нужен. Сестренка Настя больная, ее кашель одолевает. У матери по дому дел невпроворот, потому в поле один отец с утра до ночи. Хорошо, что в пятый класс отпустили. Если бы не учи-

тельница Зоя Сергеевна Лаврентьева, то могли бы и не отпустить. Саша хорошо запомнил тот вечер, когда в их дом пришла Зоя Сергеевна. С полатей он не мог полностью услышать весь разговор. Запомнил только отдельные фразы. Клуб открылся в Лыкове. Там диспут намечен: «Есть ли бог?» Зоя Сергеевна просила отца выступить на диспуте, рассказать, почему он не верит в бога и «святую» Матрену. Рассказать, как Матрена поборами в деревне занимается. Потом говорила о том, что Саше надо обязательно дальше учиться. Убеждала отца, что сын у него очень способный и хороший. И вот сбылась его мечта. Он едет учиться в семилетку. А Мишка Арсеньев в клуб зачастил. В комсомол его приняли. Теперь Мишка важничает. С мальчишками о политике разговор ведет. Ивана Солодова, как и дядя Павел, кулаком называет, а «святую» Матрену — проходимкой и подкулачницей. Так, глядишь, Мишка потом и партийцем станет. Он, Саша, тоже, как только минет ему четырнадцать, в комсомол вступит. А Веня Гужов уже три года в деревне не появлялся. Осудили его тогда. Что с ним, жив ли? А Линька Савельева красивая стала. Босиком больше не бегаёт. Мать ей туфли купила. Линька Саше нравится. Только плохо, что она старше его и ростом выше. Ну ничего, пока он учится в семилетке, подрастет — и тогда к Линьке ему не стыдно будет подойти.

— Чернолесье, — вдруг проговорил отец.

Саша словно очнулся. Посмотрел по сторонам и удивился. Перед ним стояли двухэтажные кирпичные дома, покрытые железом.

— Тять, тять!.. Смотри, какой домище. Я сосчитал, десять окон.

— Это Федора, брата Софьи Солодовой. Сережка, когда здесь учился, тут жил. До революции у отца Федора Богомолова два парохода было. В гражданскую он погиб. Сказывали, будто в Царицыне его красные расстреляли. У Федора большой буксир в двадцатом отобрали, а маленький катеришко оставили. Вот он теперь с ним и возится. То плоты таскает, то через Волгу людей перевозит. Доходы есть, но уж не те. Двухэтажный кирпичный дом не построишь.

— А что, тут все свои пароходы имеют?

— Да нет. Федор Богомолов да еще кто-то, не при-

помню сейчас. Другие на реке работают: кто капитаном, кто штурвальным. Молодые парни матросами ходят.

— Тять, а Веньку Гужова сюда отправили?

— Нет, Веньку в город увезли. Есть такие особые колонии для несовершеннолетних. Так его туда.

Телега дребезжит по деревянному мосту и вдруг останавливается.

— Вылезай! — кричит отец. — Гора крутая. Наша старушка уже запыхалась.

Саша выскочил из телеги и, отряхнув с пиджака приставшее сено, неуверенно зашагал в гору. Звездка остановилась около небольшого деревянного домика. Дверь оказалась закрытой. Отец осторожно постучал в окно. В сенях послышались чьи-то шаги, скрипнула задвижка. За дверью показалось бледное женское лицо. Саша поправил картуз и шагнул за отцом в дом.

— Раз... два... три... пять, — сосчитал он ступеньки.

«Вот это да! Высота!..» — подумал Саша, проходя полутемные сени. В светлой прихожей лежали чистые половички. На стене, оклеенной серой бумагой, висели два пальто и кепка. Из прихожей была видна передняя. На полу в огромных кадучках — зеленые цветы. Саша с удивлением начал рассматривать их, а отец в это время на кухне о чем-то шептался со старухой. Саша понял: это отец наказывает хозяйке, чтобы она не давала ему воли.

— Где ты там, квартирант, — слышался хриплый женский голос. — Проходи сюда.

За круглым, покрытым белой скатерью столом Саша увидел старуху лет семидесяти. Лицо ее как будто черви источили. Из глубоких чашек глазниц светились зеленые угольки, нос пуговкой, подбородок — словно вторая нижняя губа.

— Здравствуйте, — проговорил Саша, снимая кепку.

— Здравствуй, здравствуй, — скрипнула старуха.

Не спуская с нее глаз, Саша присел на краешек стула и тут же заметил, что отца уже нет на кухне. Неужто уехал?

— Что загрустил? Захотел учиться, так уж не унывай, — заговорила старуха. — У нас тебе будет хорошо. Мы вдвоем со стариком да еще кошка. Мешать тебе некому, занимайся сколько хочешь. Спать будешь на

кушетке, а обедать — вот здесь. А теперь раздевайся и садись кушать.

«Кушать»? Что это такое? Саша хотел спросить, что он должен делать, но, увидя, что старуха возится около печки, догадался, что это, наверное, есть. Он с любопытством начал рассматривать тарелку, на дне которой был нарисован цветочек, и алюминиевую ложку. Старуха налила в тарелку щи и ушла в переднюю. Но Саше было не до щей. Отвернувшись к окну, он еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. Все здесь было для него чужое, непонятное и отталкивающее. Вернулся отец. Он положил на стол баранки и сказал:

— Вот и квартира тебе. Варвара Михайловна будет твоей хозяйкой. Слушай ее, не перечь. Веди себя смиренно, учись хорошо. На воскресенья домой будешь приходить. А сейчас поешь да иди на улицу, осмотришься. А я поеду. Ну, прощай, сынок!

Саша хотел спросить отца, а что означает слово «кушать», но не успел. Отец уже вышел из дома.

Саша повернулся к окну и увидел, как отец, отвязав Звездку, сел в телегу и выехал из переулка. Ему хотелось выскочить на улицу, догнать отца и крикнуть: «Не хочу оставаться тут!» Но это было только мимолетное желание. Ведь он сюда приехал по своей воле. Значит, надо со всем мириться, все перетерпеть.

— Что же не ешь? Аль щи не нравятся? — перебила его мысли появившаяся на кухне старуха.

Саша взглянул на Варвару Михайловну и улыбнулся. Он еще ни разу не отрывался даже на один день от родной крыши. И не представлял себе, как будет жить среди чужих в доме, где крашеный пол блестит и ступить на него боязно, а на столе такая белая скатерть, что дотронуться страшно, и голос у старухи такой, что не поймешь — то ли она сердится, то ли тебя жалеет.

С улицы донесся глухой раскатистый гудок парохода. Саша, не дотронувшись до щей, встал и вышел на улицу.

Бывая на Волге, он всегда любовался ее широкими просторами, с наслаждением наблюдал за величавым движением белых пароходов. И на этот раз, покрытая рябью и редкими белячками, огромная Волга отвлекла его от грустных размышлений. Разноцветные лодки, уткнувшись в прибрежную гальку, звали к себе. Не-

сколько женщин на узеньких мосточках полоскали белье так же, как деревенские бабы на пруду. Невдалеке от берега виднелся бакен, вдали появилась маленькая белая точка. Саша всмотрелся и различил очертания парохода. У берега стоял синий дебаркадер. Саша понял, что это пристань. Около нее толпилось несколько человек.

«Ждут парохода. Значит, пристанет»,— решил Саша и быстро зашагал вдоль берега.

На углу около магазина он увидел группу мальчишек. Они попеременно бросали в воду камешки — кто дальше.

— Эй, парень! Ты откуда взялся? — заносчиво спросил его отделившийся от ребят мальчишка.

— А тебе не все равно,— хмуро ответил Саша.

Сухопарый мальчишка в аккуратном костюмчике осмотрел Сашу с головы до ног и, пренебрежительно сплюнув, пнул его ногой. Саша, вспомнив, как Миша Арсеньев однажды на берегу Кешки боднул Сережку Солодова и тот кубарем полетел в воду, наклонился и с силой боднул головой парнишку в грудь. Тот взмахнув руками, слетел в грязные ивовые кусты.

— Так тебе и надо, Витька, молодец парень! Иди сюда, не трусь!— кричал белобрысый мальчишка. Он выше Витьки, шире в плечах, лицо белое, нос большой, с широкими ноздрями, а уши как лопухи прикреплены к голове. Саша посмотрел на него, и ему стало легче.

— Ты откуда? — спросил белобрысый.

— Из Коростелей. В школу приехал. Жить здесь буду.

— У Соколовых?

— У Петра Петровича? Он вам родной, что ли?

— Нет, просто так, отец договорился.

— Напрасно к ним. Со скуки умрешь.

— А школа знаешь где? — спросил Саша.

— Вон там, за старообрядческой церковью,— ответил белобрысый и пошел в сторону от Волги.

Саше почему-то уже расхотелось идти к пароходу. Да и Витька стоял в стороне и смотрел на него враждебно. Саша повернулся и зашагал обратно к дому Соколовых. У крыльца он увидел седого старика.

— Здравствуйте! — тихо проговорил Саша.

Старик разогнулся и внимательно посмотрел на Са-

шу. Лохматые седые волосы на голове, борода, усы и брови почти закрывали все его лицо. Видны были только большой красный нос и голубые глаза.

— А, квартирант,— добродушно сказал старик, как будто давно его знал.— Ба-ушка тебя спрашивала. Куда, говорит, парень девался.

Саша сел на завалинку и с удивлением посмотрел на старика.

— Что рассматриваешь? Не нравлюсь, что ли? — спросил Петр Петрович.

— Почему же... Нравится,— смущенно ответил Саша.

— Да ну! Вот диво! А ба-ушке своей я не нравлюсь. Зарос, говорит, как медведь, на человека не похож.

— Подстригитесь.

— Ну вот, а говоришь, нравлюсь,— засмеялся старик.

— Мне-то все равно. Я так сказал, чтобы бабушке вы нравились.

Петр Петрович поставил метелку около двери в угол и как будто про себя заворчал:

— Вот и собеседник у меня появился. Как, квартирант, будешь со мной ласы точить? Будешь мои сказки слушать?

— Я сказки не люблю. Я к правде привык.

Голос Саши погас в протяжном гудке парохода. Петр Петрович повернулся к Волге, приставил ладонь ко лбу и с грустью произнес:

— Черепаха отвалила.

— Вы, дедушка, пароходчик?

— Я? — отозвался старик, не отрывая взгляда от парохода.— Я, милок,— капитан. Буксиры водил от Рыбинска до самой Астрахани. Мне на матушке нашей каждая извилина, каждая точка родная.

— А трудно пароходы водить?

Старик ответил не сразу. Видимо, думал о чем-то своем.

— Всякое дело любить надо. Я вместе со своим отцом на барже начал плавать. И с тех пор на Волге из лета в лето. Все ступеньки прошел. Был и матросом, и штурвальным, и лоцманом, а последние десять сезонов капитаном ходил. И еще бы поплавал, если бы не списали.

— А за что вас списали?

— За старость, милоч. Видишь, какой я уже ошметок. А был...

Старик оторвал глаза от Волги и, сделав несколько шагов к крыльцу, остановился.

— Эх, какой я был,—и старик вздернулся всем телом, сокрушенно махнул рукой и открыл дверь крыльца.

Саша понял: Петр Петрович очень грустит о своем прошлом, о том, что жизнь подошла к концу и ему от этого не по себе.

За ужином старик молчал. Видимо, он продолжал вспоминать свою молодость и не хотел уходить из нее. Варвара же Михайловна старалась развлечь квартиранта, понимая, что ему пока в чужом доме неуютно. Не обращая внимания на мужа, она рассказывала Саше о селе.

— Наше Чернолесье тебе, Саша, очень понравится. Школа большая, хорошие ученики. Со всей округи сюда съезжаются. Волга, пароходы, лодки, купание, а зимой на коньках все катаются. У тебя коньки есть?

— Есть. Только старые. На валенки привязывать надо.

— Ничего. На валенках неплохо.

В конце ужина Петр Петрович, видимо, пришел в себя и, потрепав Сашу за волосы, проговорил:

— Правду, значит, любишь? Это хорошо. Что ж, буду тебе правдивой сказкой говорить. Хочешь сегодня первую послушать?

— Хочу,—ответил Саша.

— Устал он сегодня. Не до сказок ему. Оставь ты парня в покое,—вмешалась в разговор Варвара Михайловна.

— А ведь, пожалуй, ты права, старуха. Ну тогда спать. Спать ложись, квартирант.

На чужой кровати, в чужом доме Саша долго не мог уснуть. Прислушиваясь к раскатистому храпу Петра Петровича, он думал: «Живут же люди. Ничего не делают, а все имеют. И все у них не такое, как в деревне, даже ложки железные, в рот не возьмешь, губы обжигает. Мальчишки в костюмчиках, девчонки в коротеньких юбочках и в ботиночках. Не то что Линька Савельева: зимой в чунях, а летом — босиком. А отец

говорит, что революция делалась для того, чтобы все равно жили. А вон у Федора Богомолова дом в два этажа и пароход, у Сережкиного отца полная лавка пряников. Сережка Солодов — счастливчик. В город уехал, ученым хочет быть. Только трудно без своих в городе жить, и леса там нет, и полей тоже, а дома все впритирочку — говорил дядя, и люди среди них — как муравьи. Не поймешь, куда и зачем спешат. Может, лучше стать паромоводчиком».

За стеной раздался протяжный басовитый гудок пассажирского, ему ответил сильный короткий голос буксира.

Ночь. За окном ни зги не видно, а пароходы идут и идут по Волге. Не спят паромоводчики.

7. Лесная избушка

В субботу Саша после двух уроков прямо из школы побежал к себе в деревню. Мать встретила его, как будто не видела годы:

— Ненаглядный ты мой! Как ты там без нас, один-то?

— Плохо, мам, скучно. Все чужие.

— Что же делать-то, ведь сам захотел учиться. Надо помаленьку привыкать, — нараспев причитала мать.

За обедом Саша вспомнил про солодовского Султана, который после отъезда Сережки почему-то привязался к нему и жил в двух домах — то у Солодовых, то у них. И как Иван Солодов ни отучал кобеля от этой ему неприятной дружбы, ничего не мог поделывать. Собака все чаще и чаще лежала около дома Петровых.

— Султан! Султан! — закричал Саша, выйдя на улицу.

— Не зови его, он с отцом и Настенькой в лес убежал, — открыв окно, прокричала мать.

Саша сел на завалинку, задумался.

— О чем загоревал? — вдруг услышал он голос Ивана Солодова.

— Жду, когда отец из леса вернется.

Иван присел рядом.

— А я к тебе с просьбой. Не поможешь ли до леса

одну вещьцу донести? Серенька в городе, жена к брату в Чернолесье ушла, а без помощника никак нельзя.

Саше не понравился его голос: тихий, вкрадчивый. Но то, что с просьбой обратился сам отец Сережки, ему польстило.

— Что за вещь, дядя Иван?

— Да так, пустяк, но все же одному несподручно. И Султана надо бы с собой прихватить.

— Ладно,— ответил Саша и, выйдя в переулок, опять закричал: «Султан! Султан!»

* * *

В лесу на небольшой лужайке Иван Солодов долго возился с чем-то около куста. Затем выволок из куста небольшой котел и чан. Котел установил на кирпич, залил его чем-то из чана, закрыл плотно крышкой, обмазал ее клейстером.

— Разводи, Саша, костер под котлом,— тоном приказа проговорил Иван. Сам же он начал к котлу приспособливать змеевик.

Саше не понравился этот тон, и он пропустил слова Ивана мимо ушей. Сидя на пеньке, Саша с наслаждением прислушивался к разноголосому щебетанию птиц. Порой ему казалось, что они совсем рядом, протяни руку — и достанешь. Он внимательно всматривался в деревья, но они еще так густо были осыпаны листьями, что ни одной птички нельзя было увидеть. Окруженная березами и осинами полянка с пожухлой травой выглядела дном огромного котлована. Саша поднял голову и стал смотреть на синее небо, по которому стремительно бежали рассеянные серые облака.

Что такое облака, Саша знал. Это стуженный пар, а вот что такое небо, он не понимал. Он как-то спросил отца:

«Тять, а что такое небо?»

Отец пожал плечами, подумал и ответил:

«Этого, сынок, я и сам не знаю. Думаю, что люди так называли то, что им неизвестно».

«А почему говорят, что на небе бог живет и ангелы? Значит, кому-то известно?»

«Да ты, Саша, у меня философ, и откуда тебе такие мысли в голову приходят. Я вот до сорока лет дожил, а, право, ни разу не задумывался над тем, что это та-

кос небо? Небо и небо. И все тут, а что такое звезды? Говорят, они на небе, а я вот читал, что одни звезды от земли за миллионы верст находятся, а другие за миллиарды. Вот тебе и на небе».

«Нет, стало быть, никакого неба. Это просто так люди Вселенную называют», — проговорил отец.

«А что, если дядю Ивана спросить. Знает ли он, что такое небо?» — подумал Саша.

Иван разжег костер под котлом и теперь сидел не-вдалеке на перевернутом ведре.

— Дядя Иван. Я вот смотрю вверх и вижу облака, а что там за ними?

Иван Матвеевич поднял голову, взглянул вверх, затем посмотрел внимательно на Сашу и, потерев рукой лысину, проговорил:

— Любопытный ты парень, Сашка. У отца-то своего, наверное, ты спрашивал об этом. Что он тебе ответил?

— Он сказал, что не знает.

Иван улыбнулся, сощурил глаза и снова потер лысину.

— Вот так-то. Не знает, значимо. Верно. Он этого и знать не может. Он у тебя безбожник. Не дано ему такое. Небо — это, Саша, Вселенная. А Вселенная — это бог. Вот и весь сказ.

— А почему говорят, звезды на небе? Что, значит, они на боге?

— Ишь ты какой дотошный! — засмеялся Иван. — Звезды — это, как и земля наша, творенье божье.

В это время из железной трубочки, которая выходила из чана, наполненного холодной водой, потекла желтоватая водичка. В свежий лесной воздух врезался противный запах самогона.

Саша сразу все понял, но не удивился. Он не раз слышал от отца, что Солодов гонит самогонку и торгует ею в лавке. Значит, Иван пригласил его в лес, чтобы он, Саша, помог ему гнать самогонку. Нет, он сейчас же уйдет отсюда. Но тут в лесу что-то треснуло. Султан заурчал. Иван вскочил.

— Гляди, Сашка, за огнем, чтобы не затух, — крикнул он, пробираясь сквозь кусты. Вернулся Иван успокоенный и стал пробовать самогон. Налил стакан — выпил и крякнул:

— Ничего, подходяще.

Осмотрев Сашу с головы до ног, Иван заговорил:

— Ты, Санька, молодец, головастый. Я тебя люблю. А вот отец у тебя — вонючка... Ты не в него, ты, думаю, в мать... Марью Алексеевну... Так вот, чтоб ни-ни... Никому. Понял?

— Понял. Только вы, дядя Иван, моего отца не обзывают, а то я ведь тоже могу вас обозвать.

Иван обалдело взглянул на Сашу и, скривив губы, процедил:

— Ишь ты какой. В отца, значит, звереныш.

— А чем это плохо быть в отца? Я своего отца люблю. Он у меня честный.

— Честный, говоришь, а что это такое — честность? Ты вот честный?

— Конечно.

— А я?

— Вы?.. — Саша промолчал, раздумывая. И вдруг выпалил: — Нет. Вы нечестный. Вы законы советские нарушаете. Самогонкой торгуете в лавке.

Иван, видимо, не ожидал такого ответа, а потому повернулся лицом к Саше и по-звериному засопел. Саша никогда не видел его таким. Глаза Ивана налились кровью, как у быка, плешина покрылась испариной, щеки раздулись, губы что-то шептали. Саша встал и отбежал в сторонку. Он взглянул на стоящую под кустом четверть с самогонкой. Ему пришла мысль взять палку и ударить по четверти. Будет тогда Иван знать, как его отца хулить.

— Что смотришь? Иль хошь попробовать? — хихикнул Иван.

Саша не знал, что ответить. Ему действительно почему-то захотелось попробовать самогонки.

— Хочу, — не помня себя, выдавил он.

— Ах, стервец... Ишь чего захотел. Ну на, попробуй. Только чтоб ни-ни... Понял?

— Понял.

Иван налил полстакана, протянул Саше:

— На-ка, хлебни.

Саша глотнул несколько раз и задохнулся.

— Как, хороша? — спросил Иван.

— Ничего, подходящая, — передразнивая Ивана, ответил Саша.

Иван не заметил этого. Он выпил еще полстакана и начал разбирать аппарат. Затем закатил бочку и котел под куст, закрыл их ельником, положил четверть в мешок, перекинул его через плечо и, бросив Саше — пошли, зашагал по узенькой тропке к деревне. Султан обрадованно побежал вперед. Саша тихо поплелся сзади. Ветви деревьев вертелись перед его глазами, тропка затерялась. Увидев пенек, Саша решил присесть. Иван шел, не поворачиваясь. Его шаги удалялись все дальше. Саша понял, что может отстать, и попытался встать. Но ноги ему не повиновались.

* * *

Когда стемнело, Николай Иванович сказал жене:

— Марья, я пойду Сашку искать. Не бывало еще такого, чтобы он домой ужинать не приходил.

— Да полно тебе. Сидит у кого-нибудь из товарищей.

— Голодным долго не просидишь. Пойду поспрашиваю.

Но все отвечали, что не видели Сашу. И только Василий Гужов, хитро улыбаясь, посоветовал:

— Спроси Ивана Матвеевича. Думается мне, что Санька с ним в лес ходил.

Николай Иванович постучался к Солодовым. Ответила Софья:

— Кого? Сашку?.. Это ты, Николай, что ли?.. Нет, не видела. Иван?.. Он спит.

* * *

Саша очнулся от чьего-то близкого дыхания. По щеке скользнуло что-то шершавое и мокрое. Открыв глаза, увидел Султана, коснулся рукой его морды. Султан радостно завизжал. В глазах Саши все кружилось. Лес — как пропасть. Саша понял, что Иван Солодов оставил его в лесу одного. И так ему стало горько и обидно, что он даже заскрипел зубами.

— Зазвал в лес и бросил. Своего Сережку не оставил бы, а меня можно. Что же теперь делать, как выбираться отсюда?

Султан словно понял, чего от него хотят, взвизгнул и отбежал в сторону. Саша, сделав несколько шагов, остановился. Пес пропал.

— Султан,— позвал Саша. Собака не отозвалась.
— Султан! Султан! — Ответом была лесная тишина.
Сзади что-то треснуло.

— Султан! — крикнул Саша и присел на корточки. Перед глазами чернели тени деревьев. По телу бежали мурашки. Саша от страха закрыл глаза. Невдалеке раздался чей-то свист, затем какое-то шипение и пощелкивание. Саша похолодел. Открыв глаза, он осмотрелся. Рядом стоял огромный куст. Саша пополз к нему. Забрался в середину и застыл. Охваченный страхом и холодом, он вскоре забылся.

Привел его в чувство громкий лай. Саша очнулся и увидел Султана. Рядом с ним стояла «святая» Матрена.

— Это я, тетенька! — закричал Саша, выбираясь из куста.

— Господи Иисусе Христе. Храни меня, царица небесная,— растерянно пролепетала Матрена. Она смотрела на Сашу, ничего не понимая.

Султан громко и визгливо лаял. Лес словно прорснулся от этого лая и зашумел верхушками. Саша выбрался из куста и остолбенело глядел на Матрену, закутанную во все черное.

— Как ты сюда попал, мальчик? — спросила Матрена, не узнав его.

— Заблудился,— ответил Саша.

— А откуда ты?

— Из деревни.

— Иди за мной,— тихо проговорила Матрена.

Саша шагал за Матреной и думал о том, как переполюшились, наверное, дома, ищут его повсюду. Что он скажет отцу, когда вернется. Он был уверен, что Матрена идет в деревню. Шаг ее был твердым, молодым. В деревне же она ходила тихо, слегка согнувшись, лицо ее всегда наполовину прикрыто черным платком. Саша знал, что она живет где-то в лесу, одна, в деревню приходит раз в неделю, ночует в солодовской бане. Утром рано уходит опять в лес. Отец не раз говорил матери, что Матрена никакая не отшельница, строит из себя святую, а занимается какими-то непотребными делами. Надо бы сообщить о ней властям. Но мать отговаривала отца. Убеждала, что Матрена истинная праведница. В деревне все к ней относятся с уважением, всем она дает добрые советы, никого ни словом, ни делом

не обидит, ведет себя как настоящая отшельница. Дмитрий Гужов считает ее святой. «Может, он прав?» — говорила мать. Деревенские бабы по очереди носили Матрене каждую неделю в баню сметану, масло, яйца, овощи: «Где ей взять, несчастной, себе на пропитание, пусть полакомится».

Вспомнив все это, Саша спросил:

— Тетенька, а куда мы идем?

Матрена не остановилась и даже не повернулась. Но спустя минуту напряженного молчания ответила:

— К богу, мальчик, мы идем. Ты не бойся. Я тебя не обижу.

Она приняла Сашу за паренька из ближайшей деревни Орлики, куда иногда заходила, так как там у одной старухи жила ее дочка.

— Я не хочу идти ни к какому богу. Я хочу домой,— закричал Саша.— Там, наверное, мать с отцом с ума сходят, меня ищут. Покажите мне дорогу к дому.— И тут Саша вспомнил о Султানে. Но собаки опять не было. «Хорош друг, опять убежал»,— подумал Саша.

— Будешь, будешь дома. Тебе надо отдохнуть, поешь. Нам уж недалеко. Скоро придем.

Саша действительно чувствовал себя страшно усталым и голодным.

— Вот и пришли,— вдруг проговорила Матрена.

Саша взглянул вперед и увидел небольшой деревянный домик с одним окошечком. Он как будто бы плыл по густой высокой траве, среди берез и ивовых кустов.

Матрена отомкнула замок, дернула дверь, та со скрипом открылась.

— Проходи, милый. Это мое жилье. Не бойся. Я сейчас зажгу свет.

Саша шагнул через порог и остановился. В домике было так темно, что он видел только одно окошечко, из которого проглядывал свет.

Матрена стала что-то делать. Саша догадался: она убирает какие-то вещи. Вот стукнула крышка сундука, звякнула посуда. Затем Матрена чиркнула спичкой и зажгла в углу лампадку. Тусклый желтоватый свет показался Саше таким неестественным, что он чуть не вскрикнул.

В углу блестела обрамленная золотом икона. На ней был изображен распятый на кресте Иисус Христос. Ни-

же висела небольшая иконка с изображением женщины с ребенком. Рядом на полке лежали толстые, в черном переплете книги. У окна стоял стол, напротив — у стены — топчан, покрытый ватным одеялом. В одном углу, около двери, — кирпичная мазанка, в другом — сундучок. Около него — большие кожаные мужские сапоги.

Матрена сняла с плеч черную накидку, и Саша увидел, что она одета в серое платье. Оно было в талию, чуть пониже колен. Платка Матрена не сняла.

— Садись к столу, — проговорила Матрена и вынула из тумбочки хлеб, банку со сметаной и два яйца. Положила деревянную ложку. — Ты поешь и ложишься отдохни, а я помолюсь с дороги. На меня не обращай внимания, — тихо сказала она и опустилась перед иконами на колени.

Саша тихонько присел на табуретку, что стояла у стола, и начал есть хлеб со сметаной. Он был действительно голоден. За его спиной раздавался шепот. Саше хотелось взглянуть на Матрену, но он боялся, что помешает ей, и сидел не поворачиваясь. Так в гробовом молчании, в полумраке Саша съел сметану и краюшку хлеба. После еды он почувствовал, что его голова невольно клонится к столу и глаза смыкаются. Он задремал. Но в это время чья-то рука коснулась его плеча.

— Ты спишь? — спросила тихим голосом Матрена и погладила его по голове.

— Нет. А что? — быстро откликнулся Саша и повернулся. Перед ним стояла Матрена. На ее голове не было черного платка. Длинные распущенные волосы как у русалки спускались на плечи. Саша взглянул на сундучок. Мужских сапог не было.

— Иди ложишься на топчан. Отдохни, а я поем и опять помолюсь, — проговорила Матрена.

— Спасибо, — возразил Саша. — Я не буду спать. Проводите меня домой или покажите, куда мне идти. Я один доберусь.

— Нельзя сейчас идти, мальчик. Ведь времени не больше пяти. Ночь. Зачем тебе появляться в деревне так рано. Ты приляг, а чтобы на душе было спокойно, помолись. Ты знаешь, как надо правильно креститься?

— Нет, — ответил Саша. — Я в бога не верю.

— Что? — удивилась Матрена. — Значит, ты не веришь в добро отца, не веришь в любовь матери. Ты взгляни на эти руки; прикоснись к ним своими, ты почувствуешь, какие они теплые и ласковые.

Матрена наклонилась и протянула к Саше свои руки. И только тут он увидел, что на ней нет платья. Она была в одной рубашке. Саша взглянул на ее лицо и обомлел. Глаза у Матрены блестели, ноздри раздувались как мехи, губы что-то шептали, грудь то высоко поднималась, то опускалась. Саша испугался. «Уж не привидение ли это?» — подумал он и тут же почувствовал какое-то неясное ему волнение. Матрена начала гладить его голову, щеки, шею. Саша закрыл глаза и прильнул к груди женщины.

— Из какой же ты деревни, мальчик? — чуть слышно прошептала Матрена.

— Из Коростелей, — ответил Саша.

Матрена вздрогнула и отшатнулась. Саша открыл глаза и увидел, что она побледнела.

— А кто твои родители? — дрожащим голосом спросила она.

— Петровы.

— Так ты Саша?! Как же я тебя не узнала, — грустно прошептала Матрена. — Я думала, ты из Орликов.

Глаза Матрены потухли, руки повисли. Она как-то вся сникла. Саша не мог понять причины ее изменения и опять испугался.

«Что она со мной хочет делать?» — подумал он и закричал:

— Не трогайте меня, тетя Матрена, отпустите домой.

Матрена опустилась на колени перед иконами. Саша увидел ее босые ноги и открытую грудь. Он вскочил с топчана и бросился к двери. Матрена услышала, как скрипнула дверь, и выскочила вслед за ним. Фигурка Саши мелькнула среди берез. Он мчался во весь дух от ее домика.

— Стой! Или ты погибнешь! — крикнула во весь голос Матрена.

Этот голос Сашу пронзил, как стрела. Он остановился и повернулся. Матрена размашистым шагом в одной рубашке шла к нему.

8. Раздумья

Сергей Солодов чувствовал себя потерянным в большом городе. Товарищей у него не было, и он с завистью смотрел на городских мальчишек, которые шумной гурьбой покидали техникум после занятий. Тоска по дому угнетала его и делала замкнутым, нелюдимым. Путь из техникума к квартире, где он жил, лежал через центральную площадь. Сегодня Сергей впервые увидел здесь извозчиков. Бородатые мужчины сидели на облучках неказистых пролеток и ждали пассажиров.

Сергей остановился около первого и внимательно посмотрел на лошадь. Она, понуря голову, дремала. Дремал и бородатый мужик, что сидел на облучке. Сергей подошел ко второму извозчику и хотел спросить его, откуда он, из какой деревни. Но на него взглянули жесткие глаза. По ним Сергей понял, что он и здесь чужой. Его мысли невольно вернулись к родной деревне: два порядка деревенских домиков под соломенными крышами. Зимой стены домиков забраны соломой, окна наполовину заложены сухим мхом, завалинки занесены снегом. По утрам в морозные дни из труб поднимаются столбики дыма. Они различны по цвету — белые, серые, голубоватые, желтоватые, синие.

А летом избы раздетые, дождями обмытые, заросшие травой завалинки. Позади, в огородах — огромные шапки подсолнуха, а в переулках — телеги. У их дома еще и тарантас.

Сергей так ясно увидел эти картины, что ему стало не по себе. Сильно потянуло туда, где к запахам парного молока и ржаного хлеба примешивались городские, но тоже приятные запахи — пряников.

— Зайду в магазин, куплю пряников, — решил он. И тут же вспомнил Сашку Петрова. Вспомнил его глаза, светящиеся любопытством и надеждой, его стеснительную улыбку, когда он стоял около прилавка, за которым Сергей чувствовал себя хозяином. Сашка хотел пряника, но не взял. Ушел, обиделся. И стало Сергею от этого воспоминания еще грустнее.

К одному воспоминанию присоединилось другое, третье. Они наслаивались, путались в голове. Сергей пытался вспомнить что-нибудь радостное, веселое, и не мог. Вся недлинная его жизнь прошла в каком-то ту-

мане. Отец днем в лесу, а вечером поужинает — и за Библию. Вслух читает малопонятные для него славянские слова, а затем перед малым размашисто крестится и лбом о пол стучается. Мать в это время на дворе скотине корм раздает, корову доит, затем молоко процеживает. Перед сном отец принесет охапку дров, сложит поленья около печки и... в кровать. А он, Сережка, на полати.

Утром, проснувшись, он слышит, как отец фыркает около рукомоЙника, а потом вдруг ни с того ни с сего начинает мать попрекать: то не так сделала и это не так приготовила. Мать стучит горшками на кухне, молчит. Отец гремит ведрами и выходит из избы. В это время Сережка спускается с полатей, начинает собираться в школу. И так изо дня в день. В школе и на улице он чувствовал себя свободнее, но и здесь не покидало его ощущение одиночества. Он видел, что мальчишки его не любят, — и только потому, что не любят его отца.

Он с радостью уехал в Чернолесье. Ждал от этой перемены чего-то нового, необычно светлого и радостного. Но дядя встретил его сухо. На разговоры был неохоч. Ладно, что его жена тетя Дуся то, бывало, сама что-нибудь чудное вспомнит, то мужа попросит про Казань или про Астрахань рассказать, а то, глядишь, карты достанет и игру затеет.

Чернолесенские мальчишки вели себя отчужденно, и только тогда, когда он раздал им однажды все пряники, что отец привез ему на целую неделю, подобрали.

Три года проучился Сергей в Чернолесье. Но отец и здесь не оставлял его в покое. По субботам приезжал и тянул в старообрядческую церковь. На воскресенье домой увозил и неотступно библейские проповеди читал. Ждал Сергей перемен от города, от техникума. Но их не произошло. Тоска его не оставляет. Тетка Анисья только и знает, что семечки грызет. Ни поговорить, ни посмеяться. А отец дома по-прежнему, наверное, каждый вечер Библию читает да на мать кричит.

С этими мыслями Сергей подходил к полуподвальной комнате двухэтажного дома на Октябрьской улице, куда три месяца назад привез его отец. Тетка Анисья, двоюродная сестра отца, приняла тогда его сухо.

— Положи мешок в угол, он твой будет. Кровати у

меня для тебя нет. Спать будешь на сундуке, а уроки учить за столом можно.

Сергей прошел в угол, положил на сундучок свои скромные пожитки и, присев на краешек стула, замер.

— Так и будешь сидеть до ночи? — спросила Анисья, не отрываясь от чая.

— А что делать?

— Выкладывай из мешка-то, что привез. Отец картошку и мясо обещал доставить, да, видно, запоматовал или все по твердому заданию забрали.

— Не запоматовал. Как Волга закроется — привезет. Твердое задание тут ни при чем.

— Как это ни при чем! Налог, мать сказывала, наложили такой, хоть жеребца продавай.

Сергей взглянул зло на Анисью. Захотелось сказать ей что-нибудь обидное, но сдержался.

Увидев две пол-литровые банки с топленным маслом, Анисья подобрела:

— Что ты там на сундуке-то копаешься, иди сюда к столу.

Сергей протянул банки Анисье.

— Спасибо,— прошептала она и, поставив их на подоконник, подошла к сундуку.— Попробую, что тебе Софья-то напекла.

Анисья взяла пирожок, зачавкала, затем села на сундук и, как бы про себя, заговорила:

— Добрый ты, видать, не в отца. Муж у меня тоже был добрый человек. Что имел, все людям отдавал. Только выпить любил, а как выпьет, песню запоеет, руками разведет, аж в комнате становилось тесно.

«Не повезло ей в жизни,— вспомнил Сергей слова матери.— Муж Анисьи был сапожником и пил изо дня в день. По пьянке до белой горячки дошел. Схватила она его, сердешного, зимой. Прибежал он на Волгу в одной рубашке и прямо к проруби, где бабы белье полоскали. Те вначале-то смеяться. А он перекрестился и... в прорубь головой. Только его и видели. Лед кругом обрубили, но Семена так и не нашли. До этого Анисья была шустрая, разговорчивая, а теперь стала как туча. Так что ты, Сережа, не сердись на нее, если она скажет и сделает что не так».

— Семен и я,— сравнили тоже. Он вам муж был, а я человек посторонний,— с достоинством ответил Сергей.

— Посторонний? — первый раз улыбнулась Анисья. — Да какой же посторонний, ежели жить у меня будешь. Хочешь семечки?

— Не хочу.

Анисья встала с сундука и направилась к двери. И чем-то напомнила она Сергею огурец: голова маленькая, плечи узенькие, бедра широкие, ноги кривые, лицо в веснушках, зеленая шерстяная кофта крупной вязки и такого же цвета юбка стягивали ее тело так, что, казалось, вот-вот оно треснет, как переспелый огурец.

Вернулась Анисья с матрасом в руках.

— Это тебе, — бросила она матрас на сундук и ушла за занавеску.

Спал Сергей плохо, ноги то и дело высывались из-под одеяла и зябли, руки свешивались с сундука и тоже зябли. В комнате было холодно. Проснулся он рано, но Анисьи уже не было. На столе лежала записка: «Сережа, чайник за занавесой. Ешь и пей. Можешь взять конфету. Я ушла на работу. Кватуру замкни, ключ положи под доску у входа. Анисья».

Сергей прочитал записку, улыбнулся.

А вечером все повторилось. Анисья сидела на сундуке и грызла семечки. Сергей сел за стол готовить уроки.

— Хочешь семечек? — спросила Анисья.

— Не хочу.

Не сказав больше ни слова, Анисья ушла за занавеску. И так каждый день.

«И сегодня опять то же будет», — подумал Сергей, переступая порог в полутемную комнату. Но он ошибся. Анисья сидела за столом. Перед ней стояла бутылка с водкой.

— А, Сережа, — прохрипела она. — Я жду тебя. Садись вот здесь, рядышком. Давай, родной, выпьем. У меня премия.

— Я не пью, — сухо ответил Сергей и сел на сундук.

— Пить рано тебе, пить не надо, а вот выпить можно. У меня без этого жизни нет, Сережа. Что у меня осталось? Ничего. Для кого жить? Детей нету. Муж утоп. Кругом одна. Вот теперь ты появился. А кто ты такой для меня? Кватерант.

Сергей смотрел удивленно на Анисью и не понимал, о чем она говорит.

— Значит, не хочешь со мной выпить, Сережа?

Анисья подошла к нему, взяла за руку:

— Идем, выпей со мной, а то мне одной тошно.

— Не хочу я пить,— вырвал руку Сергей и выско-
чил из комнаты.

Удивленная Анисья постояла минуту, покачала го-
ловой и повалилась на сундук.

Высочив на улицу, Сергей машинально зашагал к
центру. Его преследовали мучительные мысли: почему
у него нет друзей? В группе почти все комсомольцы, а
он нет. Может, поэтому его избегают ребята. Вот и
вчера Веселовская объявила: комсомольцы, останьтесь.
Он встал и вышел. Кто-то еще за ним шел, он не по-
вернул головы. Почему? Неужели потому, что было
стыдно?..

Сегодня, когда начался урок, он спросил своего со-
седа по парте Николая Романова:

— Коль, а Коль, зачем вчера вы оставались?

— Комсорга выбирали. Веселовская власть захва-
тила,— ответил шутливым тоном Николай.

— А что надо для того, чтобы быть комсомольцем?

Николай удивленно взглянул на собеседника.

— Вот чудак. Ничего не надо. Подавай заявление,
разберем на собрании, и все. Ты в пионерах был?

— Нет.

— В пионерах не был?

— У нас в школе их не было.

— Не может быть. Пионерские отряды во всех шко-
лах есть. Ты, наверное, не хотел?

Он промолчал. И тут же вспомнил, как в школу не-
которые мальчишки и девчонки приходили в красных
галстуках. Их называли пионерами. Но ему отец за-
претил надевать красный галстук. Вспомнил он и о
том, что отец говорил ему про комсомол: «Познавать
науки надобно. Без этого ныне жить трудно. Я, когда
грамоте обучился, словно прозрел. Но помни одно, сы-
нок, без бога и грамотный — душой нищий. Будут в
комсомол звать — не иди. Комсомольцы бога отвер-
гают».

— Коль, а Коль,— снова тихо спросил он соседа,—
а верно, что комсомольцы бога не признают?

— Что? — повернулся к нему Николай.

В его глазах Сергей уловил издевку.

— Ты что, в бога веришь?

Он молчал.

— Чего молчишь? Признавайся, веришь?

— Ну, верю.

— А зачем о комсомоле тогда спрашиваешь? Кто тебя примет? Ты сначала просветись малость, — засмеялся Николай.

Сергей не ожидал, что его сосед так пренебрежительно станет с ним разговаривать. Это был единственный парень, с которым он в техникуме сошелся.

Разговор с Николаем не выходил из головы Сергея. Он дошел с этими размышлениями до центра, обошел сквер «сковородку» и повернул обратно.

Вернувшись на квартиру, Сергей застал Анисью сидящей за столом.

Сергей долго лежал на сундуке с открытыми глазами, а затем спросил:

— Анисья, ты в бога веришь?

— В бога? Нет, не верю. Креститься — крещусь, и икона, видишь, в углу висит, а верить — не верю. Пустое это все. Нет никакого бога. Его, говорят, сами люди выдумали.

То, что не верят в бога образованные, Сергея не удивляло. Об этом ему отец еще совсем маленькому говорил. А то, что не верит тетка Анисья, это его поразило, так же как всегда поражало безбожество Сашкиного отца.

Может, и в самом деле бога нет? Ведь учителя — умные люди, а в бога не верят. И где этот бог? На небе? Но неба же нет никакого. И человек от обезьяны произошел — доказано наукой.

Сергей не раз уже об этом думал и каждый раз вспоминал слова отца: «Дьявол жоварен и хитер. Он вносит в праведную душу разные сомнения. И в твою душу будет вносить, так не поддавайся, сынок, осени себя крестным знаменем — и бес отступит».

По совету отца Сергей крестился, и действительно, успокаивался. Но сегодня рука его не поднималась ко лбу, словно отнялась. «Не верю... Пустое все это. Люди, говорят, бога сами выдумали», — звучали в ушах слова Анисьи.

— Анисья, а Анисья, ты спишь?

— Нет, не сплю,— тихо ответила та.— Чего тебе?

— Хочу тебя о комсомольцах спросить. Как ты к ним относишься?

— Как отношусь?.. Как и все. У нас на заводе их много. Хорошие ребята. А ты что, хочешь в комсомол вступить, что ли? Советую. Вступай, Сережа, вступай.

— Вступай... А что скажет отец. Не могу же я ему ответить, что перестал в бога верить... Да и перестал ли?

«Бог — это твоя совесть,— вспомнились слова «святой» Матрены.— Сделал ты что-то плохое— совесть тебя мучает, хочется раскаяться. Как это понимать?.. Невеющему человеку постичь эту истину невозможно, а верующему очень просто — бог с тобой разговор ведет».

И тут же другой голос, учителя в семилетке Николая Васильевича Разживина:

«В свое время люди верили в Бога-солнце, в Бога-гром, в Бога-огонь. Потом стали верить в Бога-человека. Так что не бог создал людей, а они его придумали. А для чего он им нужен? Для объяснения неясного — вот в чем суть».

«Для объяснения неясного... Не потому ли отец все объясняет одним — воля божья... так богу угодно... Ему все ясно. А вот мне неясно — почему он дружит с Шершневым — коммунистом, который в бога не верит? Неужели это богу так надо? Сашкин отец не любит моего. Почему? Не богу же это угодно. Отец часто обижает мать. Зачем это богу? Муж Анисьи пил и утопился, для чего так бог сделал? Живут люди все по-разному — одни богато, другие бедно. Получается, это тоже так бог устроил? Стало быть, если я перестану в бога верить, значит, так ему надо. Вступлю в комсомол, значит, так он хочет». Эти размышления долго держали Сергея в своей власти. Его ум, сердце искали ответа и не находили его.

— Ты, Сережа, не мучай себя,— вдруг раздался в тишине голос Анисьи.— Я сизмальства в бога не верю. И ведь живу. А вот мой Семен всю жизнь с крестом на груди проходил, без молитвы ни трезвый, ни пьяный спать не ложился и по милости божьей в прорубь угодил.

— А может, его душу бог спасти захотел?

— Почему же тогда моя душа его не тревожит. Почему он меня не хочет спасти? Разве не все души для него одинаковы?

Сергей не нашелся что ответить. Помолчав, спросил:

— Анисья, а как так получилось, что ты с детства в бога не веришь?

— Да так уж и получилось. Мать моя — сестра твоего деда — еще маленькой в город нянькой отдана. Хозяин ее кучером был у губернатора. Так вот он в бога не верил. И мысли такие моей матери внушил.

— А отец твой в бога верил?

— Отец? Не знаю. Не было у меня отца. Мать вскоре умерла. Кучер другую прислугу взял. Она меня и кормила. А в десять лет сама на хлеб стала зарабатывать, на кухне посуду мыла. В революцию кучера убили, а губернатор скрылся. Грамоте меня не обучили, а потому нанялась я судомойкой в одну пивную. Буфетчиком там работал Семен. Чем я ему приметилась, до сих пор не пойму. Только завладел он мной. Годы были тогда тяжелые. Пивную вскоре закрыли. И мой Семен пошел по сапожному делу. Уж очень много в ту пору рваной обуви было. А он умелец был на все руки. То ли тебе одним махом все рюмки поровну водкой налить, то ли табуретку сколотить, то ли подметки подбить. Но была у него одна беда. Страсть как чертей боялся. Оттого, зная, и переживал душевно. Они-то его и прибрали, видно.

— А кто ж отец-то был твой?

— Люди сказывали, что кучер. А мать мне ничего не говорила.

Сергей лежал с закрытыми глазами, слушал Анисью и мысленно представлял себе Семена, кучера и даже губернатора. Тихий, печальный голос Анисьи словно укачивал его. Анисья замолчала. Сергей хотел еще что-то спросить, но мысли растаяли, и он забылся.

9. Анфиса

В большом приволжском селе Чернолесье почти в каждом доме была своя лодка. По утрам, порой еще до восхода солнца, ребята на лодках переправляли матерей и сестренку на другой берег, густо поросший кондовыми лесами, где грибов и ягод было полным-полно.

Саше полюбилились волжские просторы. Особенно хороша могучая река при восходе и заходе солнца, и он частенько приходил на берег, с завистью наблюдая, как ребята, ловко орудуя веслами, возвращаются с противоположного берега, по-хозяйски причаливают к своим стоянкам, и думал: «Вот бы и мне занять хоть бы небольшую лодочку, я бы не хуже их управлялся». Многие из чернолесенских мужиков с весны уходили в плавание на пароходах и баржах. Часто бывали они в низовье Волги. Оттуда посылали своим семьям посылки. Проходя мимо села, пароходы давали протяжные гудки, вызывая лодки. И Сашу всегда удивляло, как узнавали по этим гудкам чернолесенцы, чьей семье будет передача. Иногда к пароходу подходило сразу по нескольку лодок. К берегу они возвращались доверху нагруженные.

После этого ребята приносили в школу присланные отцами и братьями подарки. Они угощали Сашу ароматными сладкими яблоками, дынями и арбузами. Конечно, это было приятно, но возникали неловкости: чем же он может им ответить? Это его угнетало.

Бывало, приходили посылки и Петру Петровичу от бывших сослуживцев из Астрахани, Саратова, Царицына. Петр Петрович радовался им как ребенок и всякий раз рассказывал Саше о тех людях, которые его не забывали. Старик относился к постояльцу с сердечной теплотой. Саша это чувствовал и проникался к нему все большим уважением. А старик любил пошутить.

— Ты что-то, братец, сегодня поздновато пришел. Уж не закрутила ли тебя какая чернолесенская зазноба? — хитро сощурив глаза, допрашивал Петр Петрович.

Сначала Саша смущался от этих слов и оправдывался, подробно рассказывая старику, где был и что делал.

— Так я тебе и поверил. Смотри, Саша, девчонки у нас отчаянные, не успеешь оглянуться, как за сердце схватят, а там, гляди, и свадьба, — не унимался Петр Петрович. — Как, позовешь меня со старухой на свадьбу-то?

Саша заметил, что старик любит поговорить именно на эту тему, и в тон ему отвечал:

— Надо ведь с невестой посоветоваться. Свадьбу-то за ее счет придется играть. У меня карманы дырявые, в них деньги не держатся.— Эти отцовские слова ему крепко врезались в голову, и он с удовольствием их повторял.

Варвара Михайловна, слушая их разговоры, молчала. Видимо, так уж было заведено в этом доме,— когда муж говорит, жена помалкивает. Но если Саша оставался один, старуха непременно заводила с ним разговор, не шуточный, а серьезный.

В отличие от Петра Петровича, Варвара Михайловна была не только не в меру набожна, но и суеверна. Каждому случаю она свое объяснение находила, по разным приметам то или иное событие предсказывала. По вечерам она долго молилась. Саша заметил, что крестилась она так же размашисто, как и Иван Солодов. Значит, Варвара и Петр Петрович — тоже староверы. Но, к его удивлению, ни старик, ни старуха не заводили с ним разговора о боге, не заставляли креститься перед сном, что они делали сами. «Наверное, отец запретил им это», — решил Саша.

В разговорах на житейские темы Варвара Михайловна не прибегала к ссылкам на бога, лишь упорно старалась внушить постояльцу, что все в мире разделено на добро и зло, и люди различаются тем, что одни добрые, другие — злые. Добрые, по ее пониманию, это те, кто не пьет, не ругается, не дерется, не ворует, уважает старших, слушается своих родителей. Злые — это пьяницы, хулиганы, воры, неслухи, лентяи.

Однажды, философствуя на эту тему, Варвара Михайловна вдруг прослезилась и проговорила:

— Дочка у меня добрая-добрая была, да встал на ее пути злой человек. Искалечил ей жизнь. Теперь бедная мучается.

— А где она? — спросил Саша.

— Сбежала она от нас. Отцовского укора не выдержала и сбежала. Вот уже пять лет, и ни одной весточки. Может, и нет уже ее, может, извелась или погибла от руки какого-либо злодея.

— А кто же этот человек, что жизнь ее искалечил. Что он с ней сделал? — спросил Саша.

— А вот этого я тебе не скажу. Рано, да и не следует тебе знать такое.

Когда Саша спрашивал мальчишек о дочери Петра Петровича, то одни из них пожимали плечами и отвечали, что ничего не знают, другие смеялись и советовали ему самому старика об этом спросить. И только Витька Ширков, тот самый парнишка, с которым он подрался в день приезда в село, рассказал: была у них дочь Анфиса — красивая-прекрасивая. Влюбилась она и стала скрытно от отца и матери встречаться, забеременела. Петр Петрович узнал об этом и выгнал ее из дома. С тех пор она как в воду канула. Бабы говорят, что старуха-то знает, где дочь, только старику не говорит, боится.

Саше стало жаль стариков, и ему хотелось им сделать что-нибудь приятное.

Сегодня он был особенно в хорошем настроении. Закончились экзамены, и он по всем предметам получил отличные оценки. Кончился первый год учебы в Чернолесье. Завтра домой на каникулы, на целое лето. Он почти бегом бежал из школы.

У дома Соколовых стояла толпа людей. Саша замедлил шаг. Его сердце почувствовало — случилось что-то неладное.

— Самая легкая смерть — одночасье, — услышал он чей-то старческий голос.

— Без мук преставился всевышнему, — проговорила седая женщина.

Саша подошел ближе.

— Анфису так и не повидал. Варвара как будто чувствовала, просила разрешить позвать в дом дочь.

— Тетенька, — обратился Саша к стоявшей рядом женщине, — что случилось?

— Петр Петрович приказал тебе долго жить, — ответила спокойно женщина и зашагала прочь от дома.

За ней потянулись другие.

Саша осторожно поднялся по лестнице и вошел в дом. На кухне стояли несколько человек. В углу у иконы тлели две свечи. Занавески на окнах задернуты. Саша прошел в переднюю и на кровати увидел Петра Петровича, прикрытого черным пледом. На стуле, склонившись к его груди, сидела Варвара Михайловна. Рядом стояла «святая» Матрена.

— Прости меня, грешницу, батя, не думала и не гадала я, что ты так нечаянно покинешь нас, не покори-

лась тебе, не пала ниц лицом тебе в ноги, не попросила прощения твоего,— причитала она.

Саша был поражен. Он понял, что Матрена — это и есть Анфиса, единственная дочь Петра Петровича и Варвары Михайловны. Он поспешно скрылся на кухне.

— Пять лет не было от нее никаких известий,— говорила какая-то женщина.— А вчера вдруг Анфиса объявилась, но к отцу с матерью не пошла, а прямо к Федору Богомолу. Ну Варвара-то сразу поняла, чей грех она скрывала.

Пошла она навестить дочь. Встретилась с Анфисой, та в слезы. «Почему домой-то не идешь?» — спросила ее Варвара. А Анфиса показала на сидевшую на стуле девочку и заплакала еще громче. Варвара так и застыла. На нее смотрели детские глаза Анфисы, говорят, вылитая мать — девчонка.

И решила Варвара поведать все мужу. Вернулась домой и рассказала ему, от кого ребенок у Анфисы. Тот выслушал молча, вышел в сени, покопался за сундуком и хлопнул дверью. Вскоре вернулся и проговорил: «Не застал сукиного сына. Только вечером вернется. Давай обед». Варвара поставила перед ним варено, и снова за разговор о дочери. Петр Петрович побагровел и сник.

Саша невольно вспомнил, как в ту роковую для него ночь, в лесу догнала его Матрена и дорогой долго и нудно что-то говорила про бога, про суд божий, про грехи человеческие, но Саша плохо ее слушал. Он думал тогда о другом. У него не выходили из головы мужские сапоги, что видел он около сундука в сторожке. Чьи же это были сапоги? Он спросил тогда об этом Матрену.

Матрена смутилась и зашагала быстро вперед. Минут пять шли они молча. Вдруг Матрена повернулась к Саше и упала на колени:

— Прости меня, грешную, Саша! — Она протянула к нему руки, взывая о помощи. По лицу ее текли слезы. Саша был так ошеломлен этим, что стоял как вкопанный, не зная, что сказать.

— Дай мне обещание, поклянись, что никому не расскажешь, где был. Скажи, что ночевал в лесу. Умоляю тебя, мой мальчик, не губи ты мою грешную душу.

— Да что вы, тетя Матрена. Ладно вам плакать-то. Раз просите, я никому не скажу, что видел вас.

— Ну, вот и хорошо, мой ангел. Ты меня понял. Я век этого не забуду,— запричитала, вставая, Матрена и, повернувшись, пошла обратно.

Саша сдержал данное слово. Когда его дома допытывали отец с матерью — где он ночь пропадал, он все рассказал, но ничего не поведал о Матрене. Сказал, что спал в лесу, в большом кусте. Отец тогда ходил к Ивану Солодову, но тот не пожелал вести с ним никакого разговора.

Пошумел тогда Николай Иванович, постыдил Ивана за недостойные дела и успокоился. Ведь ничего особенного не случилось. Вернулся утром сын живой и здоровый.

Вспомнив все это, Саша заспешил домой.

— Ты что это, сынок, сегодня явился, уж не случилось ли что? — спросил отец, когда Саша перешагнул порог дома.

— Петр Петрович умер,— чуть слышно проговорил Саша.

— Ты скажи. Что это с ним? Еще бодро выглядел старик.

— В одночасье. Сидел, обедал и раз — умер.

— Как же быть? — забеспокоился отец. — Наверное, помочь надо Варваре-то Михайловне. Она ведь совсем одна осталась.

— Конечно, надо. Старуха еле жива, а Анфиса тоже убивается.

— Кто это Анфиса?

— Дочь их. «Святая» Матрена, что в лесу жила и у Солодовых в бане ночевала. У нее девочка родилась от Федора Богомолова. Она это скрывала. Петр Петрович ее и выгнал. Это я от людей услышал.

— Поди же ты, какие дела творятся. Вот так Матрена! Так, говоришь, дочка у нее есть от Федора Богомолова? А где же она находилась?

— В Орликах, у какой-то старухи, а сейчас они вместе в Чернолесье вернулись и прямо к Федору Богомолу заявились. А теперь, наверное, Анфиса к матери перейдет. Я, тять, больше у Соколовых жить не буду. На будущий год в школе, говорят, интернат откроется. Там все ученики из дальних деревень вместе и спать, и есть будут. Только деньги надо платить — двадцать пять рублей в месяц.

— О-о! — протянул отец. — Да где мы такие деньги возьмем. Мы ведь не Солодовы. За квартиру-то пять рублей только платили. А что тебе у Варвары-то — плохо, что ли?

— Плохо не плохо, а со всеми лучше будет, веселее. Да и Матрена теперь там жить будет. А я не хочу ее видеть.

— Да, пожалуй, ты прав. С этой «святой» тебе лучше не общаться. А как ты ее узнал-то, ведь она в деревню-то всегда с закрытым лицом приходила?

— А мне с ней однажды встретиться пришлось, — загадочно ответил Саша.

Отец вскинул брови и уставился на сына.

— Что смотришь? — улыбнулся Саша. — Хочешь знать, где я с ней встретился? Теперь скажу. Помнишь, прошлый год я в лесу заблудился и целую ночь дома не был.

— Ну-ну... — встревожился отец.

— Да ты не удивляйся и не пугайся. Так вот, в ту ночь я у Матрены в домике в лесу был.

— А как ты к ней попал?

И Саша рассказал все, как было. Отец долго молчал. О чем-то думал. Затем вдруг проговорил:

— Ну и дела. Удивляешь ты меня, Сашка. Почему же ты тогда нам этого сразу не сказал? Почему соврал?

— Просила она меня очень никому не рассказывать.

— Ах ты, напасть-то какая. Хорошо, что матери дома нет, а то она дала бы тебе вздрючку за твое вранье.

— А где она?

— К сестре в Пешково ушла. Говорят, колхоз у нас скоро организуется, так посоветоваться ей захотелось. Сейчас все в деревне только об этом и толкуют.

И Саша понял, что отца рассказ его не очень-то встревожил, потому что мысли его заняты другим, более для него важным делом.

— Пусть организуют. Хуже не станет, — раздумчиво проговорил Саша.

— Да, может, и не станет. Если бы так: кто сколько заработал, столько и получи, а то, говорят, всем поровну давать станут. А разве такие, как Солодов или пастух Пахом, в общем деле будут стараться? Солодов будет.

Он жадный. Как прослышал про колхоз, так на базар двух телок отвез. И жеребца продает, да никто его теперь не покупает.

— Скорей бы колхоз. Раз все общее станет, значит, за интернат колхоз, наверное, платить будет,— мечтательно произнес Саша.

— Ишь куда хватил. Хорошо бы так.

— Тять, а почему Солодова кулаком называют?

— Кулаком? — подумав, отец ответил: — Потому, что он в своем кулаке других мужиков держит. В нашей деревне он да Дмитрий Гужов — кулаки.

На крыльце скрипнула половица, хлопнула дверь. Отец с сыном замолчали в ожидании. Но в доме никого не появилось.

— Странно. Ведь кто-то шел,— проговорил отец и вышел из дома.

Саша прильнул к окну. Через улицу поспешно шагал сгорбившийся мужчина.

— Эй, гражданин! — донесся с улицы голос отца.

Мужчина не отозвался и свернул в проулок дома Ивана Солодова.

Отец трусцой побежал за ним. На пути он встретил Ивана, который смотрел вслед удаляющемуся в темень человеку.

— Кто это, Иван Матвеевич?

— Дмитрий Гужов это. Я думал — ко мне, а он что-то рукой показал и мимо.

Николай Иванович заметил, что Солодов смущен и что он знает, зачем шел к нему Дмитрий Гужов. Но спрашивать не стал.

«Небывалый случай,— думал Николай Иванович, возвращаясь,— Дмитрий Гужов в дом мой шел. Со злом или с добром? И почему вернулся? Никак прослышал, что мельницу решили у него отобрать? Вот, видимо, и хотел прощупать, что я об этом знаю».

Около дома его встретил Саша.

— Тять, посмотри, что это? — протянул он сверток.

Николай Иванович развернул бумагу и замер. В бумаге были деньги. Целая пачка червонцев.

— Где ты их взял?

— На крыльце валялись.

— Вот, значит, в чем дело,— проговорил отец и зашагал за овраг.

Вечером Саша долго не мог уснуть. Он думал о Матрене, Петре Петровиче, о колхозе, о Солодове и Гужове. Ночью ему снились тревожные сны.

Проснулся, когда уже горячие лучи солнца упали прямо в лицо. В доме было тихо, тихо. Он встал и быстро вышел на улицу.

По деревне, стоя на телеге, ехал Мишка Арсеньев.

— Тпру! — крикнул он и, легко соскочив с телеги, подошел к Саше. — Как экзамены?

— Нормально. Сдал, — ответил Саша.

— Сережка Солодов вчера приехал, — сообщил Мишка. — Такой фартовый стал — и не узнать. Отец гармонь ему купил, сидит — пиликает. Вечером выйдешь?

— Выйду, — ответил Саша.

— А что это у вас вчера с Дмитрием Гужовым произошло? Говорят, он деньги вам на крыльцо подкинул, а твой отец ему их в лицо бросил?

— Раз говорят, значит, было, — ответил Саша и направился к дому Солодовых.

Сережка сидел на ступеньках крыльца и, склонив голову к гармонии, усердно подбирал нужные пугови. Саша остановился около березы и стал наблюдать. Затем невольно перевел взгляд на толстую дверь, обитую крест-накрест железными полосками. На двери висел огромный замок.

«Когда-то здесь была лавка, — вспомнил Саша. — Интересно, что сейчас там у них. Может, деньги?» Он вспомнил, в какую ярость пришел вчера отец, когда Дмитрий Гужов подложил на их крыльцо пачку червонцев.

Вернувшись домой, отец рассказал Саше:

— Я швырнул червонцы Дмитрию прямо в лицо. «Купить, — сказал ему, — хочешь? Задобрить, чтобы мельницу у тебя не отобрали. Так не меряй других людей по себе. Для тебя деньги — это все, а для меня они ничто. Моя совесть всю жизнь была чистой, и я ее не замараю». И что ты думаешь? Дмитрий спокойно собрал с пола червонцы, положил в карман и ответил: «Спасибо тебе, Николай Иванович. Эти червонцы мне пригодятся. А вот чьи они, я не ведаю. Никакого намерения давать тебе деньги не было, да и не за что. Какая

в тебе сила есть, чтобы я на нее мог положиться. Безбожник ты и никчемный человек. Я же человек верующий и бесчестности такой, на какую ты способен, не сделаю. А деньги эти мне, видать, сам бог послал». Вот ведь как, Саша, получается.

— А может, и вправду это не он деньги-то подложил? — усомнился Саша.

— Он. Больше некому. Да это и по его поведению видно. Стыдно стало ему перед людьми, вот он и начал богом прикрываться. Дмитрий всю жизнь таким был. Лицемер, каких еще поискать.

— А зачем, тять, Дмитрию тебе деньги-то давать?

— Думаю, что этим самым Дмитрий хотел меня к своим рукам прибрать. Ведь в деревне больше всего я против него выступаю. Вот он и решил меня сломать. Мол, суну ему несколько червонцев, заткну его глотку.

Саша был доволен отцом, и ему сейчас хотелось об этом рассказать Сергею.

«И правда, Сережка фатовый», — подумал Саша, идя за ним в гуменники, а вслух произнес:

— Ты что одет-то по-праздничному?

— В городе все так ходят, — с гордостью ответил Сергей.

Переворачивая сено, Саша думал: ничего, скоро будет колхоз, и ты, Сережка, нос опустишь.

— Ты не слышал, Сергей, говорят, у нас скоро колхоз будет? — спросил Саша.

Сергей остановился, вынул из кармана папиросу, закурил. Саша заметил, что слово «колхоз» его покорило.

— Ты не куришь?

— Нет.

— Ну и молодец. Курить — вредно, — проговорил Сергей, фасонно выпуская дым изо рта. — Спрашиваешь, будет ли в нашей деревне колхоз? Будет. Они сейчас по всей стране создаются. А нам что, не все ли равно.

— Все равно, конечно, только в колхозе все вместе работать будут и все поровну делить станут, — испытующе взглянул на товарища Саша.

— Чудак, — засмеялся Сергей. — Так будет при коммунизме. В колхозе же все только вместе работать станут.

— А дядя Иван пойдет в колхоз?

— Не знаю, это его дело,— ответил раздраженно Сергей и воткнул грабли в землю.— Все. Пошли купаться.

На полянке около речки — полно мальчишек и девчонок. Появление Сергея и Саши было для них неожиданностью.

— Саш, а кто это? — спросил братишка Мишки Арсеньева, показывая на Сергея.

— Это же Сережка Солодов.

— Ух, какой! — удивился тот и, подбежав к Сергею, уставился на него. Тот, не обращая внимания ни на кого, с достоинством раздевался.

Мальчишки и девчонки с завистью смотрели на Сергея издалека.

Саша вспомнил, как вот таким же наивным, как братеник Мишки, он на спор переплыл речку, вскарабкался через крапиву на противоположный берег и, прыгнув с метровой кручи вниз головой, стукнулся плечом о корягу, захлебнулся и потерял сознание. Вытащили его Сережка с Мишкой. Когда шли с речки, долго спорили, кто из них первый схватил его за волосы. Сережка доказывал, что он, а Мишка не соглашался и всю дорогу бубнил только одно: «Не ври...» После же мальчишки говорили, что первым схватил его все-таки не Сережка, а Мишка. «А что, если спросить сейчас — скажет он правду или нет?» — подумал Саша.

— Сергей, а помнишь, как я тонул?..

— Помню, конечно,— ответил небрежно Сергей, складывая аккуратно брюки.

— А кто все-таки первым схватил меня тогда за волосы: ты или Мишка?

— Какое это имеет значение. Вытащили тогда тебя мы с Мишкой.

— А кто первый схватил меня? — настойчиво переспросил Саша.

Сергей, не ответив, пошел к речке.

— Нет, ты все-таки скажи, Сережка, кто первый?

— Ну, Мишка первый... Понятно... Мишка! Доволен? — раздраженно проговорил Сергей и с разбегу бросился в воду.

10. Поворот

Возвращаясь с речки, мальчишки только и говорили о том, что везде колхозы создаются, у богатых мужиков все имущество отбирают, а самих в Сибирь высылают. Сергей, вернувшись вечером домой, спросил отца, что он думает об этом.

— У нас наемных нет, лавку я закрыл, так что под эту статью не подхожу. Что касемо колхоза, то не пойду. От чужого подчинения отвык и имущество свое с голытьбой делить не стану.

Мать молчала. В разговор на эту тему с отцом не вступала. А когда отец вышел из дома, спросила:

— Ты, Сергей, не комсомолец?

— Нет.

— А может, вступить надо. А то как бы не обвинили: мол, сын богатого и в комсомол не вступает. Да и нам был бы довод лишний. Сын — комсомолец.

Эти слова все лето не выходили из головы Сергея.

Он как-то сразу понял, почему до сих пор жил как в тумане, почему не находил радости в жизни. В классе для него все были далекими. Разве лишь Николай Романов да черноглазая девушка Галя, что сидела впереди него и постоянно вертелась как волчок, привлекая его внимание. Вначале ему казалось, что перед ним сидит ребенок, который не может минуты провести спокойно. Но вот в один из дней он заметил, что Галя чем-то удручена, — склонив набок голову, она сидела не шелохнувшись. Эта грусть как-то сразу сделала ее близкой Сергею. Он решил спросить, почему она такая печальная.

«Галя, что с тобой? Почему ты невеселая сегодня, как мумия», — написал он записку и в перемену положил на ее стол.

Галя прочитала записку, повернулась к нему, улыбнулась. Он ждал ответа. Но она ничего не написала.

А после занятий комсорг класса Веселовская объявила, что в группе надо избрать культорга.

— Кто-то, видимо, в шутку крикнул: «Солодова!» Раздался смех и крики: «Солодова! Солодова!»

Он тогда не в меру смутился, так как чувствовал, что те, кто кричал, издевались над ним. Так под смех и крик его избрали культоргом. Этот случай как бы

встряхнул его. На другой день он пришел в класс в глаженном костюме и вычищенных ботинках.

— Ребята, а Солодов-то подтянулся,— крикнула Галя, когда все уселись за столы.

В ответ раздался смех. Сергей окончательно убедился, что в классе над ним издеваются. В этот день он не выходил из-за своего стола. Ему было стыдно, а после занятий заспешил в раздевалку. Там к нему подошла Галя. Она взяла его под руку, проговорила:

— Сережа, поедem на спортивную базу. Надо договориться насчет лыжной прогулки.

— Никуда я не поеду... Зачем ты так — «подтянулся»!

— Ты не обижайся, Сережа. Я это по-доброму.

У него потеплело на душе:

— Ну, если по-доброму, тогда поедem.

Так началась их дружба.

Галя жила в общежитии. Там же, где и Николай Романов. На другой день после занятий Николай пригласил Сергея зайти к нему:

— Приходи. Галка на нашем этаже живет, увидишься с ней.

И действительно, не успел он заявиться, как его встретила Галя и пригласила к себе в комнату пить чай. Сергей чувствовал, что Галя ему нужна. Ее почти детская непосредственность и искренность притягивали к себе. Теперь Сергей после занятий не спешил из техникума, а толкался в раздевалке, поджидая Галю, затем вместе со всеми шел до общежития.

И вот теперь, находясь в деревне, он не в меру скукал о Гале, корил себя за то, что так глупо поступил, не понял ее, так же как в свое время не понял Сашку Петрова, который заходил к нему в лавку. Обиделся тогда Сашка, убежал. И ничем уже эту обиду не загладишь.

И вот снова он обидел его — по прозвищу назвал. Теперь Саша к нему даже не заглядывает. Неужели и Галя от него навсегда отвернулась?

И что бы ни делал Сергей, где бы ни был — эти мысли не оставляли его. Не раз он брался за карандаш, чтобы написать Гале письмо, но слова застревали и не ложились на бумагу. Да и точного адреса ее он не знал. Говорила она ему, будто живет в Нерехте, что отец и

мать ее работают на фабрике, а что это за фабрика, он спросить не догадался.

Отец Сергея по-прежнему мало интересовался тем, что печалит сына, хотя видел его невеселость и постоянную задумчивость. А вот мать, видимо, понимала, что с Сергеем творится что-то неладное, и не раз пыталась вызвать его на откровенность. Хотелось ей помочь сыну выйти из томившей его тоски, но это было не в ее силах. Воспитанный с детства в страхе и замкнутости, Сергей не раскрывал душу и ей.

— Сынок, съездил бы ты в город, что ли, погулял бы там. На пароходе по Волге прокатился, проветрился. А то уж очень ты о чем-то все задумываешься. Мучит тебя что-то. Скажи мне, что у тебя на душе-то творится?

— Ничего не творится. Просто скучно в деревне. Отвык я за зиму от нее. Да и радоваться-то нечему. Отец в колхоз не пойдет, об этом все в деревне говорят. Со мной почти не разговаривает, только ворчит да ругается. И тебе тоже нелегко. Ты только и знаешь, что вздыхаешь.

— Да полно тебе напраслину-то говорить. Отец всегда таким был. Не знаешь, что ли, ты его. Уж такой у него характер. А в колхоз и другие мужики не очень-то собираются. Вон Николай Петров и то, молвят, в колхоз идти не очень-то хочет. Если все пойдут, и мы вступим, куда денешься. Да не это, я вижу, тебя печалит, а что-то другое. Скажи мне, может, я тебе хороший совет дам.

— А другое это мое. И никакого совета ты мне дать не можешь.

— Да уж не влюбился ли ты в кого? Вроде бы еще и рано. Ведь тебе только шестнадцать минуло.

— Скажешь тоже — влюбился!

— А кому же ты все письма-то пишешь, а потом рвешь?

— Это я заявление в комсомол пишу, — засмеялся Сергей. — Ты ведь мне об этом говорила.

— А рвешь-то зачем?

— Потому что не знаю, как такие заявления пишутся, — снова засмеялся сын.

— Не знаешь, значит. Спроси Мишку Арсеньева. Он ведь комсомолец, скажет, наверное.

— И без него напишу, не беспокойся. Хватит, мам, об этом. Ты лучше о себе побеспокойся, а то ведь совсем изведешься. Кашлять-то все больше стала.

— Да, кашель меня мучает. Нехорошо что-то у меня внутри. Ну да, думаю, пройдет.

Уехал Сергей из деревни на два дня раньше срока. Галя, как сказала ему подруга, еще не приехала. Сергей зашел в общежитие к Николаю. Тот встретил его приветливо. После обмена шутками и расспросов, кто как отдыхал, Сергей заговорил о желании вступить в комсомол.

— Ну, а как же с богом? Прозрел или еще нет? — спросил, смеясь, Николай.

— Раз хочу вступить, значит, прозрел.

— Тогда подавай заявление. Ты ведь знаешь, что я в бюро. Так уж и быть, поддержу тебя.

В первый же день занятий Сергей написал заявление и передал его Николаю. Тот бегло пробежал глазами по бумажке и засмеялся.

— А знаешь, кто тебя принимать будет?

— Нет.

— Галка Голубкова. Ведь она секретарь бюро нашего курса. Только почему-то еще не приехала.

Сергей смутился, пожал плечами и сказал: «С Галкой я в ссоре. И она меня не интересуется».

— Думаю, ты ее тоже, — улыбнулся Николай.

— Почему ты так говоришь? — насторожился Сергей.

— Она мне об этом сама писала, — ответил Николай и направился в класс.

Сергей понял, что его надежды напрасны. На комсомольском бюро в этом он окончательно убедился. Галя Голубкова вела себя так, как будто совсем его не знала.

Правда, вопросов сама она ему не задавала. А когда он отвечал на те, что задавали другие члены бюро, слушала с подчеркнутым безразличием. При голосовании Галя тоже подняла руку «за», но, в отличие от других, Сергея не поздравила.

После этого события Сергей как-будто обрел крылья. К Галке он как-то сразу охладел: «Подумаешь, краля, чего я в ней нашел особенного, вертлявая коза,

а не девчонка», — размышлял он про себя. Хандра спала, появилось желание показать себя так, чтобы Галка пожалела о своем разрыве с ним.

11. Собрание

Шел 1930 год. Деревня Коростели бурлила, как горный поток. Нагорьевские мужики ежегодно по вечерам собирались у нового дома Николая Петрова и, разместившись на широкой завалинке, толковали, что происходит в округе. Каждый из них приносил на эти сходки какую-нибудь новость о том, что слышал о создании колхозов.

— В Репине вчера собрание было. Говорят, из города человек приезжал, на собрании наганом угрожал тем, кто в колхоз не пойдет.

— А в Плешкове никто на собрание не пришел. Походили, походили представители по деревне и отбыли восвояси.

— Зато в Орликах все, молвят, в колхоз вошли. Один Грибов остался в единоличестве.

Николай Иванович Петров в такие разговоры не вступал. Выждав, когда мужики выговорятся, он развертывал газету и читал сообщения о том, что в округе и стране делается по коллективизации. Его слушали внимательно, но реагировали на прочитанное по-разному. А потому к концу возникал такой спор и гвалт, что трудно было понять, кто чего хочет.

Сегодня в деревне Коростели тихо. Все ушли на общее собрание.

Изба Селивана Арсеньева была заполнена до отказа. Люди сидели на скамейках, подоконниках, на кровати и даже на полу. Собрались все — и малые и старые. За столом, накрытом красным полотнищем, трое: директор дома отдыха Лыково Шершневу, председатель сельского Совета Седов и учительница Зоя Сергеевна Лаврентьева.

Седов с Шершневым среди собравшихся выглядели необычно. Оба в костюмах, при галстуках. Зоя Сергеевна одета просто — белая кофточка, сверху — серый пиджачок. Увидев Сашу, она улыбнулась и приветливо качнула головой. Саша вспомнил, как она убеждала его отца, чтобы он учил сына.

Тоже кивнул головой своей учительнице и улыбнулся.

В избе было тихо. Мужики молча раскуривали самокрутки, а бабы, сгрудившись у порога, переговаривались шепотком.

— Что ж, товарищи, начнем,— сказал Шершнев, приподнявшись из-за стола.— К нам на собрание приехал председатель сельского Совета товарищ Седов. Есть предложение поручить вести собрание Павлу Ивановичу Петрову, а протокол будет вести учительница Зоя Сергеевна Лаврентьева. Как, не возражаете?

— Нет,— слышались женские голоса.

— А почему Петрову? Чем это он заслужил такой почет? — спросил Иван Солодов.

— Павел Иванович, как вам известно, был рабочим. Сейчас он решил жить в деревне. Человек он вам известный. Но если вы возражаете против него, можно избрать другого председателя.

— Пусть председательствует Василий Гужов,— предложил Солодов.

— Ну что ж. Есть два предложения. Будем голосовать. Кто за то, чтобы поручить вести собрание Павлу Ивановичу Петрову, прошу поднять руки.

Саша взглянул на отца. Тот сидел, опустив голову. Шершнев начал считать: «Раз, два, три, четыре, пять. По-моему, абсолютное большинство».

— Большинство, большинство,— раздались голоса.

— А кто за Василия Дмитриевича Гужова? Раз, два, три... меньшинство. Прошу, Павел Иванович, открывайте собрание.

Саша облегченно вздохнул, взглянул зло на Солодова и перевел взгляд снова на отца. Тот выпрямился и внимательно смотрел на брата.

— Граждане односельчане! На сегодняшнее собрание выносятся такая повестка дня: «О создании в нашей деревне колхоза». Докладывать по этому вопросу будет товарищ Седов.

Седов встал, провел рукой по рыжеватой шевелюре, неторопливо обвел всех присутствующих прищуренным взглядом. Саше показалось, что он волнуется. Лицо у Седова круглое, ни усов, ни бороды, подбородок широкий, нос крупный и к лицу будто прилепленный, брови густые и широкие.

— Как вы знаете, уже во многих деревнях нашего сельского Совета созданы колхозы,— спокойным баритоном заговорил Седов.— В целом же по стране в колхозы вошло больше половины крестьян. Колхозное движение вступило ныне в новый решающий период — в период сплошной коллективизации. В вашей деревне проходило в прошлом году собрание, но тогда многие почему-то не пришли. Сегодня, по-моему, явка стопроцентная. Стало быть, вопрос о создании колхоза у вас назрел. Деревня ваша небольшая, всего сорок дворов. Земли тоже не ахти сколько, немногим больше двухсот десятин, тридцать шесть лошадей, пятьдесят коров и телок, сто овец с ягнятами. Вот и все ваше богатство. Но и оно распределено неровно. Иван Матвеевич Солодов имеет две лошади, две коровы и две телки недавно продал. У него более двадцати овец, а Селиван Андреевич Арсеньев — хозяин этого дома, имеет одну лошадку, коровенку и только две овцы. А вот Павел Иванович Петров вовсе ничего не имеет. Земля хоть и распределена по едокам, но и она неодинакова. У Солодова есть купчая, а у пастуха Пахома Арсеньева и клочка земли нет. Возникает вопрос, как сделать, чтобы все крестьяне пользовались землей в равной мере. Видимо, один выход — надо объединяться и обрабатывать землю совместно. Конечно, сразу возникает вопрос: при объединении в одно хозяйство один сдаст в колхоз две коровы, а другой — одну, один — две лошади, а другой — ни одной, а пользоваться будут этим богатством все. Кто-то спервоначалу вроде бы как проигрывает, кто-то выигрывает. Действительно, это выглядит так, но после, когда колхоз будет развиваться, никто этого уже ощущать не будет.

Седова слушали внимательно. Саша ловил каждое его слово. Ему нравилось, как он говорит и что говорит. Кончил Седов свое выступление призывом записываться в колхоз. Саше показалось, что все мужики и бабы сразу закричат, чтобы их записывали. Но в избе слышались только тяжелые вздохи.

— Как же будем поступать, граждане? — спросил, приподнявшись из-за стола, председатель собрания.

Все молчали. Первым заговорил Петр Мухин.

— Подумать надоть. Ведь, поди, не сразу всем велено записываться? Товарищ Седов, ты сам сказал, что

в колхозы вошли только половина. А в соседних с нами деревнях, например в Пешкове, пока нет колхоза. Говорил ты о колхозе красиво. Спасибо тебе за это. Но ведь мужикам подумать надоть, я так понимаю.

Шершневу что-то зашептал Зое Сергеевне. Та кивнула головой.

— Думать, товарищ Мухин, до собрания надо было. Ведь о колхозах уже год как все газеты пишут. Мы приехали к вам колхоз создавать.

— Ну и создавайте, вступайте сами, сдавайте своих лошадей, коров, если они у вас есть,— проворчал Дмитрий Гужов.

— Может, кто еще говорить желает? — обратился председатель к собравшимся.

— А чего говорить-то. Все ясно,— отозвался Иван Солодов.— Деревня наша действительно маленькая, ты самолично это подтвердил, товарищ Седов. Нам такое дело не с руки. Мы в своей деревне все решаем по общему совету, никого не обижаем, у нас все равны, все почитаемы. А то, что у меня купчая есть, так это земля сторонняя. Я за нее деньги общине заплатил.

— Особливо Пахом у нас в почете,— раздался голос хозяйки дома Матвеихи.

У дверей засмеялись.

— И все живете одинаково? У всех по две лошади и по две коровы, у всех магазины? — улыбаясь, спросил Павел Петров.

— Лавка у меня давно на замке,— огрызнулся Солодов,— да и не моя она была, а жена. Все ведают, что она, когда за меня замуж шла, от своего брата в Чернолесье выкуп за свою долю получила. На эти деньги мы и дом возвели, и лавку открыли.

— Послухай сюда, мил человек,— перебила Ивана Матвеиха, приподнявшись со скамейки.— Здесь мы все можем сказать, что Иванушка истину говорит. До Софьи он заправду был все равно что плюнь и разотри. Отец его по кельям бродил, а мать на печи лежала и подающий вымаливала. Иванушка же у Митрия Гужова на мельнице батрачил.

— Хватит тебе брехать-то, чего людей-то смешишь,— безобидно заметил Иван.

— Из ума выжила, так и молчала бы,— нервно перебил Ивана Дмитрий Гужов.

— А ты мне, Митрий, рот не затыкай,— огрызнулась Матвейха.

— Говори, говори, Матвейха,— прокричала от дверей Дарья Плешкова.

— Так вот, в деревне всякий мужик и всякая баба знают, что в ту пору он у Митрия Гужова батрачил. Так, Иванушка, правду я говорю?

— Не то что батрачил, а рабочим на мельнице был,— с достоинством ответил Иван.

— Вот, вот. А потом война началась. Забрили всех с япошками воевать, а Иванушку вернули в деревню по чистой. Говорят, перед отправкой на фронт он в строю соседу по уху дал — и признали его полоумным.

Громкий смех прервал Матвейху. Шершнев, доселе не сказавший ни слова, сбросил с лица улыбку, повернувшись к Седову, сказал:

— Может, хватит старухе ерунду всякую плести?

Тот пожал плечами.

— Матвейха,— проговорил Шершнев,— ты говоришь не по существу. Садись.

Матвейха помялась, поскребла пальцами седую голову и, озорно взглянув на Шершнева, ответила:

— Твое существо, Платоныч, у Иванушки под столом в четверти стоит, а мое — правду сказать требует.

Изба затряслась от дружного хохота. Лицо Шершнева залилось розовой краской. Седов нахмурился.

— Слухай сюда, мил человек,— загорячилась старуха, видимо боясь, что ей не дадут договорить.— Так вот, стоял Иванушка, рассказывают, в строю как солдат чин по чину, а как только сказал командир, что завтра их рота на фронт идет, так он как вдарит своему соседу по уху, тот с ног — ковыль. Иванушку схватили, а он вырываться. Офицер из себя вышел, кричит: «Бунт, на виселицу мерзавца». Связали Иванушку, отправили куда следует. Мне он самолично рассказывал, как его мором морили, донимали, почему он соседа по уху трахнул. Но так и не дошли до правды. Признали его полоумным. Вернулся Иванушка домой по чистой и давай по округе искать богатую невесту. И попалась ему тогда в Чернолесье Софья — пароходчица. Она-то его в люди и вывела. Так что, право дело, истину он молвил. Хозяйство его — это все Софьино. И скотины он столько развел ради ее натуги. Ее и надобно в колхоз звать, а

Иванушку не пущать. Раз он притворился тогда половым, пусть таким и будет.

— Я не хотел за царя воевать, неужто ты этого, глупая не понимаешь. А что касасяемо скота, то Советская власть его размножение поощряла...

— Правильно, Иван Матвеевич, поощряла,— проговорил Седов.— Но вы ведь скот свой на общих пастбищах пасете, сено для него на общей земле заготавливаете.

— Я в лесах сено заготавливаю.

— А лес чей?

— Мне государством разрешено, как леснику.

— Сегодня вы лесник, а завтра может быть другой. Где тогда будете сено брать?

— Это моя забота.

— Вот-вот... Моя, мне, у меня... А как в общий котел — так это не мое, а женино. А до других вам и дела нет. А нам, коммунистам, есть. Мы обо всех заботимся и хотим, чтобы не только вы хорошо жили, а все. Для этого и колхозы создаем.

— Ну и создавайте. Только без нас. Покорнейше прошу. Я в колхоз не пойду, так как хозяйка моя полностью против.

— А мы вас и не приглашаем. Не о вас речь.

— Вона, значимо, оно как! — вспыхнул Иван.— Тогда зачем же меня наряжали. Стало быть, мне здесь и делать нечего. Прощевайте.

Надев шапку, Иван встал и начал пробираться к выходу. Но ему дорогу преградил Дмитрий Гужов.

— Постой, Иван Матвеевич. Не кипись. Так и впрямь начальники могут посчитать, что ты один в колхоз не желаешь. А ведь не тут истина. Я вот, уважаемый товарищ Седов, так бы поведал: ежели все мужики запишутся, и я запишусь. И Иван Матвеевич не супротив будет. Так я глаголю, Матвеевич? Пусть подходят к столу. Нам не более всех надобно.

— Что ж, Дмитрий Сидорович, раз ты призываешь, я первый согласен записаться,— проговорил Николай Петров.

— Кто следующий? — обратился к собранию Шершневу.

— Запишите меня,— от дверей прокричала Дарья Плещкова,

— Неясностей пока много, товарищ Седов,— заговорил Селиван Арсеньев.— Вот, к примеру, куда лошадей и коров сводить, где их содержать, кто за ними уход будет вести?

— Чем сеять весной станем,— перебил его Петр Мухин.— Должны ли сдать под метлу все свои семена или все поровну?

Затем посыпались вопросы от женщин.

— Нельзя ли телок себе оставить, а свести в общий двор только коров?

— Надо ли в один двор овец и кур сводить?

— Будет ли колхоз строить колхозникам дома?

— А жен тоже в один двор сводить станете? — раздался голос Василия Гужова.

— Василий! — крикнул Дмитрий. Но тот даже не повернулся, махнул рукой и вышел. Вслед за ним ушел и Иван Солодов, исчезли из избы и женщины, что толпились около порога. С каждой минутой в доме оставалось все меньше и меньше людей, несмотря на то что Седов подробно в это время отвечал на вопросы.

— Так кто же еще записывается? — спросил Шершнева после того, как Седов сел.

— Я записываюсь,— ответил Селиван Арсеньев.— И мой брат Пахом тоже записывается.

— А как вы, Петр Герасимович? — обратился к Мухину Павел Петров.

— Я пока обожду,— ответил тот.

— Видите, товарищи представители, не хотят люди бежать в ваш колхоз,— проговорил Дмитрий Гужов.— Так что извинения просим, прощевайте.

Павел Петров растерянно смотрел то на Седова, то на Шершнева. Когда в избе осталось всего несколько человек, Седов сказал:

— Ну, что ж, Павел Иванович, закрывайте собрание.

— Да оно вроде бы как само собой закрылось,— ответил тот.

* * *

Саша вышел из избы вместе с отцом. К дому шли молча. Саша чувствовал, что отец расстроен. Чем он недоволен? Может, тоже в колхоз идти не хочет, а записался так, для красного словца?

— Тять, а что ты, тоже не хочешь в колхоз?

Отец не ответил. Саша взглянул на него и понял: ему тяжело.

Ужинали молча.

«Сидим как чужие,— подумал Саша.— Интересно, за что Настенька: за колхоз или против?»

— Насть, а ты за колхоз? — нарушил молчание Саша.

Отец положил на стол ложку, внимательно взглянул на дочь. Та оторвалась от еды, пожала плечами, проговорила:

— Вам жить, вы и решайте,— и вышла из-за стола.

Мать погрозила пальцем Саше: «Молчи, мол, молчи».

— Иди спать,— сказала она,— завтра тебе рано вставать. Ведь в Чернолесье надо ехать.

— Не хочется и в школу-то возвращаться,— проговорил Саша.— Во всех деревнях колхозы, а у нас нет. Что мы, не советские, что ли? И из интерната могут исключить. Говорят, что его колхозы содержать будут.

— Будет, будет у нас колхоз, не ной,— донесся уже спокойный голос отца из кухни.— Только командовать-то им пока у нас некому.

* * *

На другой день председатель сельского Совета Седов вместе с Павлом Петровым пошли по дворам. Начали с Дмитрия Гужова. Тот встретил их сдержанно, но не враждебно. Усадил за стол, велел чай подать. Разговор шел сначала о делах домашних.

— Горе у меня шибкое. Помог бы ты мне, товарищ Седов, внука возвратить. По глупости малолетней в престольный праздник стрельнул он из ружья во время драки в Пахомку Арсеньева, ранил его. И вот страдает в колонии. А ведь он сирота у нас. Ни отца, ни матери не осталось. Все сердце издырявилось у меня, старика. Когда Веньку судили, Пахом в больнице пребывал и врачи пророчили печальный исход. А он выдюжил. Теперича о своей ране и не вспоминает. Пора бы и Венькушку освобонить. Помогите мне в этом. Век помнить буду...

Седов обещал поразузнать и походатайствовать. В это время вошел в дом Василий. Поздоровавшись с непрошеными гостями, сел за стол и с ходу проговорил: «Записывайте меня с Анной. Мы согласны вступить в колхоз, а отца не тревожьте. Ему, старику, не по силам будет жизнь менять. Работает он на мельнице, так дайте ему там свой век доколотать».

Дмитрий нахмурился, сделал вид, что слова сына его огорошили, но промолчал.

А Павел Петров от таких слов Василия аж рот раскрыл.

— Тут что-то не так,— сказал он Седову, когда они вышли от Гужовых.— Не верю я Василию, разве только Шершневу на него надавил. Припугнул, может.

— Возможно, и так,— улыбнулся Седов.— Только не будем сейчас в это вникать. Нам важно, что Василий сдался. Не идет против движения.

Узнав о вступлении в колхоз Василия Гужова, подал заявление и Петр Мухин. Деревня закипела. К вечеру уже в списке колхозников насчитывалось тридцать дворов. Вновь собрали собрание, но уже только тех, кто подал заявления. Василий Гужов на него не пришел, прислал жену.

Собрание прошло тихо. Председателем колхоза избрали Павла Петрова, бригадиром — Селивана Арсеньева.

Седов уехал из деревни довольный.

Но на другой день с утра Коростели словно замерли. Павел Петров сидел дома и обдумывал, с чего ему начинать свою председательскую деятельность. Вдруг в дом вошел Василий Гужов. Он с ходу положил на стол перед Павлом бумагу. Тот прочитал: «Прошу не считать нас с женой колхозниками». Павел прочитал и рассмеялся:

— Я так и знал, что ты, Василий, игру в прятки с Советской властью затеял. Можешь не вступать, без тебя обойдемся.

— А ты, Павел Иванович, не горячись! Прочитай сначала, что в газете написано,— распускаются ваши колхозы. Об этом сам Сталин пишет.

Павел нервно вскочил, лицо его залила краска. Придя в себя, он закричал:

— Врешь ты, кулацкий отродок! Я тебе за такие слова знаешь что сделаю!

— Не ори! Сходи к Солодову, у него газета есть.

Павел быстро оделся и выскочил из дома. Солодова он встретил на улице. В руках у него была газета «Северная правда».

— Вот читай, Павел, что Сталин пишет. Нельзя, говорит он, мужиков насильно загонять в колхозы. За такое дело он требует наказывать местных правителей.

Павел схватил газету, прочитал заголовок: «Головокружение от успехов».

— Почитаю,— сказал он зло Солодову и направился к дому.

* * *

Прошла неделя. Деревня Коростели находилась словно во сне. Первым очнулся от этого сна Николай Иванович Петров.

— Поезжай в город,— сказал он брату.— Узнай все как есть. Сталин пишет о перегибах, а не о роспуске колхозов. Иван же Солодов мутит деревню. Люди заберут свои заявления обратно, тогда спрос с тебя будет.

Павел поехал в город. Вернулся он через день расстроенным.

— С чем приехал? — спросил его Николай.

Павел развел руками. В городе тоже никто ничего толком сказать не может. Пожимают плечами и твердят одно: «Колхоз не распускать».

— «А как быть с теми, кто обратно выписывается?» — спрашиваю. «Насильно, говорят, держать не надо».

— А если все пожелают выйти?

— Этого допускать нельзя. Вот и пойми, что к чему. Надо, видимо, подождать.

— Нельзя ждать,— твердо проговорил Николай Иванович.— Ты что, не видишь, какую шутку с нами сыграли Гужовы? Или не знаешь, что творит в деревне Иван Солодов? Если их не унять, колхозу не жить. А если не будет колхоза в деревне, и тебя не будет. Ты работать в единоличестве не станешь. Опять в город подашься. Меня же одного здесь Иван Солодов с Гужовым съедят заживо. Нет, надо от имени колхозников

писать заявление и просить убрать из деревни Ивана Солодова, а у Дмитрия Гужова отобрать мельницу.

Павел подумал и согласился.

До поздней ночи сидели они за сочинением письма. Утром его подписали: Павел и Николай Петровы, Пахом и Селиван Арсеньевы, Дарья Плешкова и еще пять человек. Павел Петров снова уехал в город.

12. Катастрофа

Второй год учебы в техникуме изменил не только образ жизни, но и душевное состояние Сергея Солодова. Вступление в комсомол он воспринял как большой поворот на своем пути. В первые дни голова его была занята одним и тем же: «Я — комсомолец, я перестал верить в бога. Что скажет отец, когда узнает об этом?» Ему казалось, что в техникуме все только и говорят о том, что Солодова приняли в комсомол, а Галя Голубкова, наверное, раскаивается в том, что не поняла его, и теперь, видимо, страдает. Эта мысль была ему приятна. Он хотел как можно быстрее приобщиться к активной работе и все время ждал: вот-вот его пригласят в комитет комсомола и дадут какое-то серьезное поручение.

Но время шло, а его никуда не вызывали и, более того, даже на комсомольское собрание курса не пригласили. О собрании он узнал после уроков, когда уже выходил из здания. Случайно взглянул на доску объявлений и прочитал: такого-то числа состоится комсомольское собрание студентов второго курса. Явка комсомольцев обязательна. Сергея аж в пот ударило. Как же так?! Явка обязательна, а он чуть не ушел. Почему же ему никто не сказал о собрании? Быстро раздевшись, он направился в актовъй зал. Собрание уже началось. За столом на сцене стояла Галя Голубкова. Избирали президиум. Сергей сел в самом заднем ряду и внимательно стал наблюдать за теми, кто поднимался на сцену. Сердце у него защемило. Почему-то захотелось, чтобы все услышали его фамилию и увидели, как он поднимается в президиум. На повестке дня был один вопрос: доклад заведующего учебной частью об итогах успеваемости студентов второго курса за полугодие.

Сергей сначала старался не пропустить ни одного слова докладчика, ему казалось, что все, что он говорит, очень важно и его касается непосредственно. Но доклад был длинный. Одни студенты непрерывно разговаривали, другие дремали, а кое-кто даже читал книжки. Сергей тоже потерял интерес к докладчику и, наклонившись к соседу, спросил:

— Какой регламент установили?

— Не знаю,— ответил тот.— Об этом Голубкова не сказала.

И в это самое время Сергея как иглой укололо. Он услышал свою фамилию, вскинул голову, но докладчик уже говорил о чем-то другом.

— Докладчик сейчас фамилии называл. Я не понял, что он хвалил или критиковал этих студентов? Не разобрался.

Сосед пожал плечами и ответил:

— Какие фамилии? Я что-то пропустил.

После собрания Сергей все же узнал, что его фамилию называли в числе лучших студентов, сдавших все экзамены за полугодие на «хорошо» и «отлично». Сергей чувствовал себя в героях. И в этот же вечер написал письмо матери, в котором сообщил ей, что его приняли в комсомол и сегодня на собрании хвалили за хорошую учебу. А на другой день он пошел в комитет комсомола за советом, что ему надо делать как комсомольцу. Секретарь комитета — студент четвертого курса — удивился: «Ты что, устав не читал?» Но когда понял, что речь идет о комсомольском поручении, почесал в затылке и сказал: «Приходи, Солодов, завтра. Я подумаю, чем тебя загрузить». Но назавтра секретаря Сергей на месте не застал, а встретившись в коридоре после занятий с Николаем Романовым, хотел обратиться к нему, но тот куда-то торопился и на ходу бросил: «Ты, Солодов, почему на политзанятия не ходишь, или думаешь, что грамотнее всех?» Сергей был ошарашен. Он не знал, что, кроме уроков, комсомольцы еще занимаются в политкружке. После этого он не пропустил ни одного занятия и был самым активным на собеседованиях. Его избрали старостой.

И вот наступил последний экзамен. Заканчивался второй курс. На душе у Сергея было беспокойно. Он ничего не знал, что происходит в деревне. Знал только,

что его отец в колхоз не вступил. Его удрученность заметил Николай Романов:

— У тебя что, неприятности? Отец-то твой вступил в колхоз?

Сергей смутился и ничего не ответил.

— Что молчишь, а может, его раскулачили?

— С ума спятил,— рассердился Сергей.

— Да ты что, шуток не понимаешь,— рассмеялся Николай.

— Такими вещами не шутят,— ответил Сергей и тут же понял, что сам себя выдал. Николай хитро взглянул на Сергея и направился в класс.

«Почему Николаю пришла в голову такая мысль? Почему он завел этот разговор? Неужели с отцом что-нибудь случилось?»

После экзамена он заторопился на квартиру. Проходя мимо окон полуподвала, Сергей почувствовал, что в комнате, кроме Анисьи, кто-то есть. Он с тревогой перешагнул порог. На сундуке, со слезами на глазах, сидела мать.

Сердце его екнуло.

— Что случилось? — с ходу спросил он.

Мать неудержимо разрыдалась.

— Несчастье у нас, сынок. Раскулачили нас, дом и все имущество отобрали. Я кое-как укрылась и вот сюда приехала, а отца рестовали.

— Как арестовали?.. За что?..

— В колхоз не хотел вступать,— с упреком проговорила Анисья.

— Лавку, говорят, имел, торговал,— добавила мать.

Сергей стоял посреди комнаты, опустив голову.

— Не имели права! — вдруг встрепенулся он. — Это перегиб. Мы все своими руками делали, а раскулачивают тех, кто других эксплуатировал. Я в ОГПУ пойду.

— Полно тебе, полно. Пойдешь, и тебя рестуют,— проговорила Анисья.

— Знаю, рестуют. Нет, ты уж, Сереженька, никуда не двигайся и, главное — молчи, молчи, никому ни слова. Тебе ведь надо техникум окончить.

— А ты где жить будешь? — спросил Сергей.

— В Чернолесье поеду. Там и буду пока у брата.

— Ты тоже, Сережа, куда-нибудь перебирайся. А то придут и тебя заберут,— проговорила Анисья.

Горло Сергея пересохло. Он почувствовал, что случилось такое, что мало назвать несчастьем. Случилась катастрофа. Бросив на стол портфель, он выскочил на улицу. Как добежал до центра, не помнил. Очнулся от толчка в плечо.

— Сережка, ты что как чумовой? Случилось что? — услышал он голос Тольки Острова. Толька учился в одной группе с Сергеем. Занятия он часто пропускал. В городе он был известен по кличке Поп. Все знали, что он отпетый хулиган, чуть ли не глава какой-то шайки. Знали — и все молчали.

Сергей остановился, взглянул на Тольку и, махнув рукой, пошел дальше. Толька зашагал рядом.

— Говори, что произошло?

— Ничего. Так просто.

— Темнишь. Может, побил кто?

— Нет, не побили. Отца арестовали.

— Украл что?

— Украл! Скажешь тоже. Просто так, пришли из ОГПУ и арестовали.

— А-а... Значит, по политической, — понимающе протянул Толька. — Сболтнул что-нибудь?

— Не знаю. Да отступись ты, Толька.

— Ты мне нужен, лопух. Хочешь в одно место пойти?

— Не хочу. Отстань.

— Ну и дурак. Не знаешь еще куда, и отказываешься. Там, брат, любое горе сразу забудешь. Как Ноночка обнимет, так все из головы вылетит.

— Какая еще Ноночка?

— В компании нашей есть такая деваха. Пошли, познакомлю. Жалеть не будешь.

Сергей подумал секунду и ответил:

— Ну, пошли.

Ему было совсем безразлично, куда идти. Лишь бы только не возвращаться обратно к Анисье.

Ночевать он домой не вернулся. Мать Сергея всю ночь не спала. Чуть свет пошла она к техникуму, чтобы увидеть сына.

Что только она не передумала в минувшую ночь! Какие только страшные мысли не приходили ей в голову! И вдруг Сергей с каким-то парнем вынырнул из-за угла. Софья рванулась вперед. Хотела закри-

чать, но Сергей, увидев ее, махнул рукой и скрылся за дверью.

— Слава богу, жив,— прошептала Софья и ободренная поплелась обратно.

— Солодов! — услышал Сергей в коридоре свою фамилию. Повернувшись, он увидел Николая Романова. Он шел с каким-то мужчиной. Тот мельком взглянул на Сергея и пошел дальше. Николай остановился.

— Солодов, сегодня после уроков зайти в комитет.

— Зачем?

— Ты что притворяешься? Почему скрываешь, что отца арестовали?

— Ничего я не скрываю. Это ошибка.

— Ошибка?! — удивился Николай. — Ты этого на комитете не скажи. ОПТУ не ошибается.

— А я не пойду на комитет,— взъерошился Сергей и, повернувшись, побежал к выходу.

Только стоял в коридоре.

— Что, узнали, что ли? — спросил он.

— Узнали. На комитет вызывают. Я сказал — не пойду.

— Правильно. Подумаешь, комсомол. Очень он тебе нужен. Ты подожди меня, пойдем вместе.

— Хорошо,— ответил Сергей и вышел на улицу.

Поискал глазами мать. Не нашел. Значит, ушла. Вот и хорошо. В голове отчетливо встала картина вчерашнего вечера.

...Только, его рябой товарищ и он. Нонка и две ее подружки. Водка, какие-то закуски. Потом танцы, песни. Сергей был как в угаре. Ему хотелось забыться от постигшего его горя. Ему что-то наливали в стакан — он пил, его заставляли обнимать Нонку — он обнимал, его заставляли петь — он пел. Остальное как в тумане. Проснулся он от сильной головной боли, лежа на полу на кухне. И сейчас еще голова была как оловянная. В висках стучало, внутри мутило. Сергей впервые в жизни чувствовал себя так отвратительно. И, видимо, это недомогание в какой-то мере сглаживало душевные тревоги.

«Раскулачили. Теперь я — сын врага Советской власти,— эти мысли разрывали душу и мозг.— Как жить, как людям в глаза смотреть? И на что жить? Где деньги брать? Уехать, скрыться ото всех. Нет, надо подо-

ждать. Может, отца еще отпустят. А как будет жить мать? Федора тоже могут арестовать, пароходчик...»

— Куда пойдем? — прервал его размышления Толька.

— Не знаю.

— Пошли ко мне. А там решим, что делать?

— Пошли, — ответил Сергей. — А может, Толь, и жить мне у тебя можно будет? А то тетка боится, что и меня арестуют.

— Жить? — переспросил Толька и хохотнул: — Вместе жить, вместе кашу варить. Так, что ли?

Сергей пожал плечами.

Толька жил на улице Кооперации, на первом этаже старого трехэтажного дома. Перешагнув порог в полутемную комнату, Сергей чуть не натолкнулся на стоящего у двери мужчину. Было видно, что он только встал. Высокий, сутуловатый, с большими усами, в заношенной до пепельного цвета рубашке с засученными рукавами, с взлохмаченными длинными волосами на голове, мужчина чем-то напоминал Сергею пастуха Пахома.

— А, Толик! — прохрипел мужчина и, взяв серое полотенце со спинки стула, начал вытирать опухшее лицо.

Толька по-хозяйски прошел в другую комнату и крикнул:

— Сережка! Проходи, будь как дома.

Мужчина равнодушно взглянул на Сергея и, не сказав ни слова, начал одеваться.

— Это отец, — пояснил Толька. — Он сейчас уйдет. Ему работать с двенадцати, а после работы опять напиться и будет дрыхнуть до полудня.

— А мать где?

— Мать?.. На рынке деньгу зашибает. Ведь на его гроши не проживешь. Он сколько бы ни заработал, все равно половину пропьет.

— Зачем он так?

— Батя бывший моряк, работает кочегаром на фабрике. Когда плавал, тогда и спился, — равнодушно объяснил Толька.

Отец слышал все, но не обращал внимания. Тихо открыв дверь, он вышел. Вскоре пришла мать Тольки. Бросила какие-то тряпки под кровать, тяжело села около стола и, вздохнув, сказала:

— Ты, Толька, грабишь меня. Разве эту кофтенку купит кто за тридцать рублей? Нет, больше двадцати не дам. Сегодня никто даже не приценился.

— Ишь ты, какая жадюга. Да ты за нее пятьдесят схватишь. Можешь не брать. Сам продам,— ответил Толька, беря из рук матери кофту.

— Ладно уж, давай. Я себе ее оставлю. Получай свои тридцать. Все равно тебя, выродка, кормить надо.

Сергей сидел на Толькиной кровати, затаив дыхание.

— Мамк, а мамк, ты не возражаешь, если со мной в комнате товарищ жить будет? — спросил Толька.

— Какой еще товарищ? — устало проговорила мать.

— Из техникума. Он из деревни и жить ему негде. Вот познакомься,— Толька схватил Сергея за руку и потащил к матери.

— Здравствуй,— безразлично произнесла та и, мельком взглянув на Сергея, буркнула: — Пусть живет. Только я за вами грязь убирать не буду.

— Мы сами все уберем,— ответил Сергей...

И тут же отчетливо почувствовал, что с этих минут он опускается с головой в совсем неизвестный ему доселе мир. Но отступать было уже некуда.

Все лето Сергей прожил у Тольки. Сначала хотел устроиться куда-нибудь на работу, но тот отговорил.

— Ты что, лошадь. Ломить будешь за вшивые какие-то рублевки. Я вижу, что ты непригоден к большому делу. И не хочу тебя в него втягивать. Хочешь, заключим договор — сто пятьдесят рублей в месяц за то, что будешь от вокзала до дома приносить мой чемодан.

— А что в нем? — спросил с наивностью Сергей.

— Кирпичи. Простые кирпичи,— рассмеялся Толька.— Но запомни, что у Нонки тебе больше не бывать. Она, сука, в тебя влюбилась. А от любви девчонки портятся.

Толька снова рассмеялся. Сергей видел, что он попал в какое-то логово. Но что делать, он не знал.

Первый выход их на вокзал был страшен. Сергей стоял в сосновом лесу и ждал Тольку. Время шло мучительно медленно. Несколько раз он порывался уйти, но куда? К Анисье, но та ясно сказала: ищи другую квартиру. Нет, к Анисье нельзя. Может, его уже ищут. К Нонке? Попросить у нее защиты? Но Толька наложил запрет. Да и неизвестно, как она его примет. В де-

ревню показываться нельзя, в Чернолесье — тоже. Где выход? Сергей ходил по лесу, ломал себе до боли пальцы и чуть не плакал.

— Э... Сережка! — вдруг услышал он приглушенный голос Тольки. Сергей очнулся и увидел, что в лесу уже стало темнеть. Сколько же времени он здесь пробыл, часа три-четыре...

Толька подошел к нему вплотную. В руках у него был большой коричневый чемодан.

— На, тащи домой. Только пехом. Понял. И не через город, а кругом. Пройдешь к Татарской слободе, а оттуда на нашу улицу. Дома поставь чемодан под кровать. И не вздумай открывать. Понял?

Сергей молча взял чемодан и пошел. Чемодан оказался тяжелым. «Что в нем? — думал Сергей. — Где его Толька взял? Чей он?» — эти мысли терзали его. Хотя и догадывался Сергей, что Толька вовлек его в какое-то грязное дело, но точно не мог себе представить, с чем оно связано.

Толька вернулся поздно. Сергей не стал его ни о чем спрашивать. «Толька сам должен все сказать», — думал он.

Но тот молчал и вел себя, как будто ничего не случилось. Балагурил, смеялся и потом вдруг исчез. Сергей взглянул под кровать — чемодана не было. Утром Толька вручил ему сто рублей.

— На, лопух, — сказал он, улыбаясь. — Где еще мог бы ты так заработать? Теперь можешь жрать, пить, гулять, где хочешь. За мной не вяжись.

Сергей пожал плечами, посмотрел на пачку денег и подумал: «Видно, такая уж у меня судьба». Положил деньги в карман.

Каждую неделю ходил Сергей с Толькой на вокзал. В разные дни, в разные часы — и каждый раз приносил оттуда разные чемоданы. За каждый выход Толька давал ему пятьдесят — сто рублей.

Но на этот раз Толька из вокзала не вышел. Прождал его Сергей до поздней ночи, обошел весь вокзал и не нашел. «Значит, попался...» — решил Сергей и направился домой. Толькина мать, услышав рассказ Сергея, набросилась на него с кулаками. Обзывая всякими словами, она выбросила в коридор его вещи и захлопнула дверь.

«Вот и хорошо,— подумал Сергей.— Очень хорошо». Но куда идти? В кармане у него лежало несколько сотенных. Теперь можно куда-нибудь и уехать. Но куда? Да ведь и занятия скоро начнутся в техникуме. А может, меня из техникума уже исключили. Надо сначала узнать. Пойду на вокзал, там переночую. А завтра зайду в техникум. Если исключили, тогда уеду. Куда? А не все ли равно. Сяду на поезд и поеду.

Вокзал встретил Сергея обычным шумом. У закрытого газетного киоска он увидел белокурую девушку. Она увлеченно разговаривала с какой-то пожилой женщиной, видимо только что сошедшей с поезда. Рядом с девушкой стоял чемодан. Чей он? Женщины или блондинки? Не такие ли чемоданы принимал он от Тольки? У него появилась дерзкая мысль. Он тихо подошел и отодвинул в сторону ногой чемодан. Затем осторожно взял его и отнес за печку в конец зала.

«Что я делаю? — мелькнуло в голове.— Неужели буду вором? Нет. Я только проверяю — можно ли это сделать. Кажется, никто не заметил. Но все же надо понаблюдать...»

Женщина распрощалась с девушкой и пошла к выходу. Значит, чемодан этой блондинки. Сейчас она хватится.

Девушка оглянулась и побледнела. Покружившись на месте, она поняла, что чемодана нет. Подбежав к милиционеру у выхода на платформу, она выпалила: — Вы знаете, у меня украли чемодан!

Милиционер бросил равнодушный взгляд на девушку и, пожав плечами, спокойно ответил:

— Вы так говорите, девушка, как будто я и в самом деле это знаю. Пройдемте.

Они скрылись за дверью. Сергей протянул руку за чемоданом, но в дверях показался второй милиционер. Он встал посредине зала и внимательно начал ощупывать всех глазами. Сергей вышел на улицу. Вернувшись, он увидел опять около печки девушку. Она сидела на диване, опустив голову. Сергей встал в сторонке. Девушка вдруг вскинула голову, повернувшись в его сторону. Ее большие, подернутые влажной дымкой глаза светились какой-то удивительной теплотой. Сергею стало жаль ее. Он прошел за печку, взял чемодан и поставил его перед ней.

— Успокойтесь. В вашем чемодане все цело,— тихо сказал он.

Девушка несколько мгновений недоуменно глядела то на чемодан, то на Сергея.

— Почему? Зачем? — спросила она.

— Хотел украсть,— ответил Сергей и направился к выходу.

Девушка встала и пошла за ним.

Они вошли в автобус. На Советской площади сошли.

— Сергей, студент финансового техникума,— представился он.

— Нина,— ответила девушка,— студентка индустриального. Вы серьезно хотели украсть мой чемодан или пошутили? — спросила она после некоторого молчания.

— Серьезно.

— Не верю. Вы же — студент.

— И вор. Разве так не бывает?

Нина недоверчиво взметнула взгляд на Сергея и прошептала: «Странно, очень странно...»

— Разрешите, понесу,— протянул Сергей руку к чемодану.

— Пожалуйста.

Несколько минут они шли молча.

— Что же вас толкнуло на эту дорогу? — спросила Нина.

— Многое. Всего не расскажешь.

— Не надо все. Скажите главное.

— Главное? Арест отца.

— Давно?

— Несколько месяцев назад.

— Это большое несчастье, но зачем же воровать?

— Так уж сложилось. Жить негде, денег не было, компания. Все одно к одному.

— А что, если бы я сказала милиционеру, что это вы мой чемодан украли?

— Ну и что? Забрали бы меня. Переночевал бы я в милиции, а на другой день меня бы выпустили. Ведь доказательств никаких нет. Я бы сказал, что видел, как какой-то парень чемодан за печку поставил и как вы его хватились. Взял чемодан и вернул вам. Вот и весь разговор.

— О! Вон вы какой! Опытный. Мне даже страшно становится, что рядом со мной идет вор.

— Если бы я был настоящим вором, то вы не видели бы сейчас своего чемодана. Я еще ничего ни у кого не украл. Мне просто сегодня ночевать негде, вот я и пришел на вокзал. А тут вы на глаза попались. И как будто кто дернул меня за руку — возьми и спрячь ее чемодан. Я и спрятал.

— Так, значит, вы пошутили?

— Нет, не пошутил, я серьезно хотел его взять.

— Слушайте, Сергей. Я ничего не пойму. Тогда что же заставило вас мне его вернуть?

— Что? Ваши глаза. И вообще лицо. Жаль мне вас стало. Понимаете, жаль. И захотелось сделать вам что-нибудь приятное. А что в данном случае можно было придумать лучше, как вернуть чемодан.

— А почему вам сегодня ночевать негде?

— Так сложилось. И, видимо, не только на сегодня. Так будет и завтра, и послезавтра, и много-много дней, пока не найду выхода.

— А где же вы жили?

— Если хотите, расскажу все по порядку.

— Хочу... Только подождите несколько минут. Отнесу чемодан домой. Мне его из Москвы прислали. Мои родители там живут. А я здесь с бабушкой.

— Пожалуйста, я подожду.

Нина вышла быстро. Подойдя к Сергею, она коснулась его локтя рукой и проговорила:

— Пошли к центру, а потом обратно. Вам ведь все равно ночевать негде.

— Пошли,— ответил Сергей и почувствовал, как у него учащенно заколотилось сердце. Он волновался. Ему предстояла первая в жизни исповедь.

* * *

Раз в неделю после уроков Сергей по-прежнему держал путь к вокзалу, но уже не в пассажирский зал, а на погрузочно-разгрузочную станцию. Вместе с другими студентами сгружал уголь и дрова, таскал мешки с мукой и ящики с водкой. Деньги, что зарабатывал, отдавал бабушке Серафиме, а те, что получил от Тольки, дер-

жал про запас. Всю ночь проходили они с Ниной по улице в ту первую встречу. А утром вместе пришли в ее дом. Бабка Серафима не спала. Было видно, как она встревожена. Нина представила Сергея ей как студента, которому негде жить. Жил у тетки, но та выгнала. Бабка слушала внучку и качала головой. Сергей попросил сдать ему комнатку. Бабка Серафима с пристрастием допросила его и согласилась. Сердце старухи было отзывчиво. Так Сергей очутился рядом с Ниной.

Пока он жил у Тольки, свyksя с мыслью, что жизнь его сломана и ему ничего не остается делать, как плыть по течению событий. Сейчас же рядом с ним были хорошие настоящие люди. Сергей чувствовал, что Нина была потрясена его рассказом и готова была сделать все возможное, чтобы помочь ему.

— Я твоя опора, Сережа,— сказала она тогда.— Человек потому человек, чтобы понимать чужое горе и разделять его.

На другой день, ничего не сказав о своих намерениях, она пошла к директору техникума, где учился Сергей.

— Солодов с третьего курса? — переспросил директор.— Есть такой. В чем дело? Слушаю вас.

— Я хочу вам сообщить, что он в отчаянии. С ним случилась беда. Сергею надо помочь. Он должен закончить учебу. Его нельзя исключать.

— Постойте, постойте, девушка. Что произошло с его отцом, я знаю, но какое отношение имеет вы к этому?

Нина смутилась, затем улыбнулась и твердо сказала:

— Я его невеста.

Другой причины она не нашла.

— Ах, вот что! Значит, невеста пришла защищать жениха.

— Не защищать, а просить вас отнестись к нему по-человечески. Защищать его не надо. Он ни в чем не виноват. Какая его вина в том, что у него оказался такой отец.

— Солодова из техникума никто и не думает исключать, а вот из комсомола его исключили. И правильно.

Когда Нина рассказала Сергею о ее разговоре с директором техникума, он порадовался и огорчился одновременно. «Значит, буду учиться» — обожгла радостная мысль. И тут же другой голос: «Исключен из комсомола как сын кулака. Как показаться на глаза товарищам?»

Но, к его удивлению, когда он появился в техникуме, никто на него вроде бы и не обратил внимания.

«Наверное, еще не знают», — решил Сергей.

Но это было не так.

Вскоре к нему подошел Николай Романов и сказал:

— Не думал, что ты такой трус. Испугался прийти на комитет. Может, если бы пришел, тебя и не исключили, а теперь все, собрание утвердило решение комитета.

— Что ж делать, — ответил Сергей, — видимо, такая судьба моя.

— В судьбу, значит, веришь? — улыбнулся Николай. — А ведь это недалеко от веры в бога. Значит, ты меня обманул? Помнишь наш разговор?

— Нет, Николай, теперь я ни во что не верю: ни в бога, ни в черта, ни в судьбу. Я сказал это по привычке. Хотел бы только одного, чтобы ты и товарищи поверили мне. Я осуждал и осуждаю отца и за его дела не хочу отвечать.

После этого разговора Сергей почувствовал, как будто с плеч его свалилась огромная ноша. Он стал спокойнее спать и упорно заниматься.

Но даже маленькое прошлое не уходит с пути бесследно. Однажды, возвращаясь со станции, он увидел Нонку. Она торопливо подбежала к нему, схватила за руку и зашебетала:

— Сережа, где Толька? Ты его продал?

— Ты с ума спятила?

— Я все знаю. Мне рябой рассказал. Вот напишу в техникум, сообщу о том, что ты вор, по-другому тогда заговоришь.

У Сергея подкосились ноги. Минуту они стояли молча, отчужденно смотрели друг на друга.

Вдруг Нонка притворно заплакала, закрыв лицо руками.

Сергей стоял, не зная, что предпринять.

— Пошли! — Нонка взяла Сергея за руку.

— Куда?

— Ко мне домой. Да ты не бойся. Это я тебя Толькой поугать решила.

— Никуда я с тобой не пойду,— отдернул руку Сергей.

— Ну и дурак. Пропадешь ты без меня. Ты что думаешь, я с ними? Ошибаешься. У меня мама — врач, а сама я девять классов окончила. Пойдем, я тебя с мамой моей познакомлю.

— Пошла ты к... — с ненавистью крикнул Сергей, во весь дух побежал по тротуару.

* * *

— Что с тобой, Сережа? Ты бледный как мел. Случилось плохое? — спросила Нина, открыв ему дверь.

— Ничего особенного,— ответил Сергей и прошел в свою комнату, где раньше был кабинет отца Нины.

«Как быть? Что предпринять?» — молотком стучали тревожные мысли в голове. Нонка действительно может написать директору. И тогда — конец. Неужели не удастся окончить техникум? А как все хорошо пошло. Нина чудесная девушка. Бабка Серафима прекрасный человек. И вдруг такое. Что делать?»

— Сергей! — донесся из кухни голос бабки Серафимы. — Иди обедать. Суп на столе.

— Спасибо, я не хочу! — отозвался Сергей и повалился навзничь на диван.

— А у меня для тебя есть новость,— проговорила Нина, входя в его комнату.

Сергей взглянул на нее, как будто увидел впервые, и безразличным голосом спросил:

— Какая?

— Угадай.

— Не берусь.

— Я в Москву уезжаю. Пришел вызов. Меня переводят в Московский индустриальный техникум. Мама пишет, что они без меня дальше жить не могут. Так что тебе повезло: три комнаты будете вместе с бабулей занимать. Здорово, да?

Сергей сидел насупившись. «И почему я такой несчастный? Отчего мне так не везет?» — думал он.

— Ты слышал, что я сказала?

— Конечно, слышал.

— Почему же молчишь?

— А о чем говорить? Несчастный я человек — вот и все.

Нина засмеялась.

— А знаешь, мне твой ответ по душе. Я тоже не хотела бы сейчас ехать. Но все уже решено. Мы будем с тобой переписываться. Правда?

— Конечно, будем. Только это уже не то, совсем не то.

— Нет, то! Я хочу знать, как ты письма пишешь. Ты писал кому-нибудь письма?

— Вообще-то да.

— Кому?

— Домой, например.

— Нет, я спрашиваю о другом.

— ...Таких не писал.

— А мне будешь писать?

— Все равно это не то, — повторил Сергей.

— Да, наверно, не то, — согласилась Нина и села рядом.

Видимо, нет для человека ничего более притягательного, чем откровенность. Исповедь Сергея не только потрясла Нину безвыходностью его положения, но прежде всего подкупила своей искренностью. Будучи человеком чувствительным к чужому горю, она всей душой потянулась к нему и задалась целью во что бы то ни стало спасти его от падения.

И вот сейчас, после четырехмесячного знакомства с Сергеем, Нина почувствовала, что он ей дорог. В нем она, как в зеркале, открывала свое содержание, свою душу.

— Ты пойдешь меня провожать? — спросила Нина.

Сергей вздрогнул, как будто его укололи.

— Когда?

— Завтра у меня последний экзамен, а послезавтра — на вокзал.

— Пойду, конечно.

— Сергей! Нина! — послышался голос Серафимы. — Идите обедать. Все остынет.

— Ладно, Сережа, все будет хорошо. Окончишь техникум и в Москву приедешь.

Взяв Сергея за руку, Нина потянула его к двери.

13. Пожар

Сегодня Саша впервые зашел в правление колхоза. Он с любопытством осматривал большую, почти пустую избу, в которой когда-то жили Солодовы. В передней — два стола, деревянная скамейка около стены и несколько покосившихся венских стульев. На одной из стен, в деревянной рамке — портрет Сталина, на другой — плакаты и таблицы. Председатель колхоза, его дядя Павел Петров, сидел за столом и, склонившись над бумагами, о чем-то думал. Увидев племянника, он бросил карандаш и встал.

— Дядя Павел! А куда имущество Солодовых делалось?

— Имущество? — переспросил Павел. — Не знаю. Наверное, увезли в сельсовет. Я в тот день не был в деревне. Меня в город вызвали.

— А почему Дмитрия Гужова тогда не арестовали? Ты же говорил, что он вреднее Солодова?

— Дмитрий хитер. Мельницу он сдал до этого колхозу, а Василий с женой в колхоз вступили...

— А почему Дмитрий не колхозник, а работает на колхозной мельнице?

— Да так мы с ним договорились.

— А пряников много у Солодовых тогда отобрали?

— Пряников? Нет. Ведь они в последнее время не торговали. Ты что, забыл, что ли?

— Нет, не забыл. Это я так просто спросил. Может, где хранились?

— А... Ты что это сегодня в деревню-то притопал? Не случилось ли уж что?

— Случилось. Знаешь, кого я видел в Чернолесье?

— Кого?

— Ивана Солодова. Он, наверное, из ссылки убежал. Стоял он около дома Соколовых с Анфисой. Похудел, сгорбился. Меня они не видели. Вот я и подумал, что надо тебе об этом сказать.

Павел почесал в затылке, задумался. Убрав бумаги в ящик стола, сказал:

— А что нам? Убежал, так найдут. Если же выпустили, пусть живет на здоровье.

— А может он все обратно потребовать?

— О, нет! Это уж дудки. Что с возу упало, то пропало. Пусть теперь поживет, как другие жили.

— А в колхоз его примут?

— В колхоз? Может, и примут. Как народ скажет, так и будет!

— А может быть, он за Софьей и Сережкой приехал. Может, ему там квартиру дали?

Павел усмехнулся и ответил:

— Дали, с решеточкой...— Помолчав, спросил: — Ты дома-то еще не был?

— Нет.

— Тогда пойдем.

Саша шагал за дядей и думал: «Вот ведь как получилось. Жил Иван Солодов в деревне и был самым богатым. Все ему кланялись, все его боялись, а теперь он сам в деревню появиться боится. А ведь хочется, наверное, побывать, на свой дом посмотреть, людей поглядеть».

С этой мыслью он и перешагнул порог своего дома. Около печи, опустив голову, сидел Иван Солодов. У стола стоял отец. Было видно, что между ними шел неприятный разговор. Павел подошел к Ивану, поздоровался, спросил:

— Какими судьбами, Иван Матвеевич?

— Да все теми же. Бог милостив,— ответил тот.

— Проходи к столу, присаживайся,— по-хозяйски пригласил Павел.

Иван медленно приподнялся и тяжелой походкой подошел к столу.

— Ты, Павел Иванович, сомнения не имей. Я по всем правилам закона приехал: вот, взгляни на эту бумажку, в ней все прописано,— первым заговорил Иван.

— Я не сомневаюсь, Иван Матвеевич. Только надо бы тебе властям показаться. Ведь дело такое. Сходи в Совет и доложи все по правилам.

— Я уже доложил. Мне ведь свободное поселение там определили. Приехал же я сюда, чтобы Софью поглядеть. А потом хотел просить вас, чтобы походатайствовали за меня, чтобы вернуться разрешили и в колхозе работать. Что же касемо имущества, то по всем статьям дом мой вы мне вернуть должны. Нет такого закону, чтобы его отбирать. Такое мне объяснение начальство дало.

— Там, на севере, одни порядки, а здесь — другие, Иван Матвеевич.

— У Советской власти одни законы.

— Законы одни, да, видимо, пункты есть разные. Дом твой колхозу по всем правилам передан. На это есть специальное постановление, и обращаться тебе надо туда, где оно писалось. Предпишут возвратить — твое право, не предпишут — наше, колхозное.

— Это все твое самоуправство, Павел Иванович. Ты всю жизнь меня не любил и на мой дом косился. И теперь на моем несчастье свое благо делаешь. Бога бойся, Павел. Он ведь никого не помилует.

— Мне его милости не надо. Обойдусь и без нее.

— Не кощунствуй, Павел. Власть — властью, а бог — богом. Не простит он тебе этого.

— Я ни во власти, ни в боге не нуждаюсь. Не хотел быть председателем и теперь не желаю. Но раз народ решил, значит, так надо.

— Гордыня тебя обуяла, Павел. Несговорчив ты стал.

— А ты, Иван Матвеевич, очень сговорчивым был? — вмешался в разговор Николай Иванович. — Вспомни тот год, когда у меня корова пала. Как я тебя просил телку в долг продать, а ты одно зарубил: «Нет, и все». А когда я сказал, что летом в любую пору отработаю хоть неделю, хоть две, сразу согласился. И все-таки ты мне на слово не поверил, а расписочку взял. И всю жизнь ты такой был, а теперь о сговорчивости заговорил. Богом страшась. Нет, Иван Матвеевич, не найдешь ты у нас расположения. Душой вот мне тебя жалко, а умом в большой обиде за твои несправедливости к людям.

— Не получился, значимо, разговор. Не предполагал я, что за все мои добрые деяния вы, два брата, таким злом мне оплатите. Саша, ты свидетель нашему разговору. Запомни все и после не серчай на меня и на Сереньку.

Саша внимательно вслушивался в разговор дяди и отца с Иваном, и ему казалось, что они действительно жестоко разговаривают с Сережиным отцом. Но как только Иван упомянул его имя, в голове сразу промелькнули и горькая обида за то, что он тогда так хо-

тел пряников и не мог их купить, и лес — темный, страшный, в котором Солодов бросил его.

— Ты все слышал? — обратился Иван к Саше.

— Слышал. Ну и что?

— Да так, ничего. Видишь, как твой отец соседа в несчастье встретил? Видишь, как приветил, чаем напоил и ночевать пригласил...

— Это ты, Иван Матвеич, ни к чему, — перебил его Николай Иванович. — И ужин, и постель на ночь — все к твоему почтению. Да не об этом сейчас речь.

— Да нет уж, прошу прощения. После таковского разговора кусок в глотку не полезет. Хоть и голоден я, но твоего хлеба не понюхаю. Добрых людей на миру много. Бог милостив, умереть не даст. Прощевайте. И чтоб не перекрещивались наши пути-дороги больше.

Иван повернулся и направился к двери.

Саша сидел на кровати, думал: зачем дядя и отец так разговаривали с Иваном. И тут же вспомнил, как тот в лесу, когда гнал самогонку, сказал: «Ты, Саша, молодец, а твой отец — вонючка, но ты — в мать». От этого воспоминания на душе стало легче. Саша встал и, подойдя к столу, за которым сидели нахмурившиеся отец и дядя, сказал:

— Он, тять, тебя тоже не любил и даже всякими словами обзывал.

— О! Если бы его воля в то время была, он сожрал бы меня заживо, — отозвался отец. — Во всей деревне только мы, Петровы, правду ему в глаза резали. А сейчас, видишь ли, овечкой прикинулся, как будто люди все забыли.

Павел сидел за столом и о чем-то напряженно думал.

— Ты о чем, Павел, задумался? — спросил Николай.

— Да дела что-то мои председательские не клеятся. Не думал я, что так трудно будет. На скотном дворе тяжело. Кормов мало заготовили, и за коровами никто ходить не хочет. Помог бы ты мне, брат.

— Какой ты помощи ждешь от меня? — спросил, насупившись, Николай.

— Взялся бы за скотный двор.

— О! Нет! Избавь от такого почета. Летом ты меня

не слушал. Сколько раз я тебе говорил: выводи всю деревню в Гривенские заливы. Пусть косят исполу. А ты что?

— Не пойду я на такое. Пусть те, кто в колхоз не вступил, посидят зиму без сена. Тогда к весне все вступят.

— А оказалось, без сена-то колхоз остался. Для себя все по ночам накосили и свои дворы сеном набили. А теперь ты меня хочешь под удар поставить? За животноводство, мол, брат отвечает.

— Не говори не дело, Николай. Я хочу выход найти и не вижу его. Может, ты подскажешь?

— Выход есть. Надо забрать коров по своим дворам до весны.

Павел аж побагровел, настолько дикой показалась ему эта мысль.

— А ты знаешь, что это такое? Это развал колхоза! Как тебе в голову только мысль такая пришла?

— Не ори! — обрезал его брат. — Взялся ты не за свое дело и губишь колхоз на корню.

— Ты, Саша, слышал, что твой отец говорит. И это мне, рабочему, коммунисту, который за Советскую власть кровь проливал и жизни своей не жалел. Думаю, Саша, что ты не поступишь так, как отец. Не будешь на колхозные дела со стороны смотреть.

— Я учиться хочу. В техникум буду поступать.

— Вот видишь, и сын твой от колхоза бежит, — обратился Павел к брату.

— Я не бегу. Так я раньше думал. А теперь могу и передумать.

— Вот и молодец, Сашок! Приходи в колхоз. Будешь мне помогать бумажки писать. А то мне тяжело-вато с этим делом справляться, грамотенки маловато. А ведь семилетка — это образование! Таких в деревне пока нет. А там, глядишь, подрастешь и сам председателем станешь.

— Ты, Павел, не сбивай парня с толку, — словно очнувшись, заговорил Николай. — Если уж тебе так надо, чтобы я за животноводство взялся, я возьмусь, только ты уж не мешай мне.

— Как это не мешай? Не два ж колхоза у нас, а один. Ты что, хозяином скотного двора хочешь стать?

Эти слова больно ужалили Николая.

— Ну, тогда спасибо за милость. Уволь, братец. Работал в поле, так и буду работать. Вижу я, ты только тому в городе и научился, что кричать на людей. И на меня орешь, и тут же помощи просишь. Нет, не помощник я тебе.

Павел в сердцах плюнул и направился к двери.

Саша понял, что отец хочет помочь брату, но не может смириться с тем, что надо подчиняться ему.

После ухода Павла Николай Иванович минут пять сидел за столом молча и о чем-то думал. Саша тоже молчал.

— Павел — плохой хозяин, — вдруг заговорил отец. — Мужики в него не верят. И дела у него не пойдут. Председателя у нас настоящего в деревне нет. А без председателя и колхоза не будет.

— А ты разве не можешь быть председателем?

— Я?.. — отец помолчал несколько секунд, ухмыльнулся и ответил: — Наверное, не могу. Грамоты у меня тоже маловато. А там надо и арифметику знать, и бумажки разные писать. А я к этому не приучен.

— Я помогать тебе буду.

— Ты?.. Решил, значит. Ну, что же, дай бог. Только председателем меня не изберут, говорят, теперь партийной ячейкой командует Шершневу, а меня он пуще Павла ненавидит, да и беспартийный я.

Из этого ответа Саша понял, что отец, хотя и говорит так, но он был бы не против председательства в колхозе. А дядей Павлом действительно колхозники недовольны. Об этом он слышал от Мишки Арсеньева. Да и мать не раз рассказывала, как ей трудно на скотном дворе и что доярки не хотят работать потому, что председатель ничего не понимает в их деле, не заботится как надо.

Вот и сейчас мать вернулась со скотного двора чуть не плача.

— Не пойду и я больше к коровам. Одно мученье. Кормов нету, воду таскать из колодца некому, да и подогреть ее негде. Сегодня весь день непоеными коровы стояли. И о чем только Павел думает, — жаловалась она.

Отец молчал, о разговоре с Павлом ничего жене не сказал, а о встрече с Солодовым сообщил коротко.

— Иван Матвеев объявился. К нам заходил. Гово-

рит, вольное поселение ему там дали и он к Софье приехал.

— Дай им бог здоровья,— ответила Марья.— Софья-то, поди, совсем извелась. Хоть бы увез он ее с собой. Вдвоем-то все же легче.

* * *

Ночь Саша спал беспокойно. Встреча с Иваном Солодовым, неприятный разговор отца с Павлом о неполадках в колхозе разволновали его. Так уж он был устроен. Ничего не пропускал мимо сердца. Все его касалось, все он старался понять и на все возникшие вопросы найти ответ. Но сложные колхозные дела были не для его юношеского разума. Он никак не мог понять, почему раньше все в деревне заготавливали в достатке кормов для своего скота, а сейчас в колхозе оставили коров без сена. И что теперь будет, где сено доставать, он тоже на это не мог найти ответа. И это мучило его, видимо, не менее, чем его дядю Павла и отца. Чем старше он становился, тем непонятнее для него становилась жизнь. Отец уже не казался ему самым умным и самым справедливым в деревне, он готов был с ним спорить, отстаивать свое мнение. А окрик со стороны отца вроде того, что «ты, Саша, еще молод» или «что ты понимаешь в этом деле», не только не убеждал его, а раздражал, вызывал внутренний протест.

Саша все чаще и чаще задумывался над тем, почему отец не любит Шершнева. Вот и сегодня он так сказал, как будто Шершнев какой-то ему враг. А ведь он секретарь партячейки, известный в округе человек. Хотя он и сам почему-то недолюбливал Шершнева, тем не менее считал, что отец излишне задирается, не умеет ладить с людьми. Надо бы отцу об этом сказать, думал он, но куда там, разве он будет его, Сашу, слушать. Так, размышляя, он и забылся. Ночью Саша не просыпался: то ему слышалось, что кто-то кричит на улице, то казалось, кто-то стучит на дворе, то слышался чей-то плач. И только под утро он крепко уснул.

* * *

— Сынок! Вставай! Деревня горит! — услышал он вдруг тревожный голос матери.

Саша вскочил с постели, выбежал из сеней на крыльцо, увидел мать.

— Смотри, сынок, что делается...

Огромное пламя ослепило глаза. Показалось, что горит соседний дом, но, всмотревшись, Саша понял, пожар на другом порядке — горит правление колхоза, бывший дом Солодова.

— А где отец?

— Убежал. Ведь правление горит.

Она схватила лежащий на сундуке отцовский пиджак, бросила сыну:

— Оденься, сынок. Может, чем поможем.

Саша, накинув на плечи пиджак, выскочил из дома. По деревне бежали люди. В темноте они выглядели теньями. Саша обогнал несколько человек и оказался в толпе, из-за которой никак не мог увидеть, что творится впереди. Отбежав несколько шагов в сторону, он увидел, что из окон горящего дома мужики выбрасывали связки бумаг, папки. Их подхватывали женщины и складывали в кучу на дороге. Ветер дул прямо на старую березу. По крыше соседнего дома бегали несколько человек. Саша узнал среди них Селивана Арсеньева и отца. Они принимали ведра с водой, разливали воду по крыше, на которой не было уже ни снежинки. Саша взглянул на старую березу, и ему стало жаль ее. С одной стороны она уже обгорела и даже обуглилась, а с другой — тревожно трепетала сучьями.

«Значит, там терпимо», — подумал Саша и кинулся к дому.

Отец подал руку. Саша взобрался на крышу. Невиданное доселе зрелище поразило его. Пламя поднялось над бывшим домом Солодова на несколько метров. Огромные снопы искр разлетались в стороны, угрожая окружающим постройкам. По крышам домов другого порядка тоже бегали люди. Мычали коровы, блеяли овцы, лаяли собаки.

— Принимай, Сашка, — услышал он голос снизу.

По лестнице с ведром воды взбирался Мишка Арсеньев.

Саша нагнулся и схватился за дужку ведра. Из его рук ведро подхватил Мишкин отец — Селиван и бросился по крыше к тому месту, где упала головешка.

В это время дом Солодовых рухнул. Огонь постепенно стал уменьшаться.

— Кажется, отстояли,— проговорил отец.— Ты молодец, Саша, не струсил. Давай, спускайся вниз.

Саша шагнул к карнизу.

— О...о...у...у...— прокатился гул по деревне.

Саша повернулся и увидел огромное пламя за деревней: горела гужовская мельница. Толпа рванулась к новому пожару. Селивана и Николая Петрова как ветром сдуло с крыши, а Саша никак не мог приладиться к лестнице.

Мельница стояла недалеко от крайних домов. Ветер дул на деревню. Искры и дым долетали почти до оврага. Мужики и бабы бросились к своим домам, вытаскивали на улицу скарб, забирались на крыши, бежали с ведрами к колодцу и пруду.

По улице бежали люди из других деревень. Пламя на мельнице постепенно стало стихать. Люди со склоненными головами медленно начали расходиться.

— Пошли, Сашок. Давай собирай бумаги-то,— проговорил появившийся сзади отец.

— А почему пожар-то возник? — спросил Саша.

— Думаю, что это дело рук Ивана Солодова. Говорят, нет его в деревне. Значит, скрылся.

— Есть еще одно подозрение,— проговорил подошедший к ним Павел.— Видели в лесу вчера «святую» Матрену. Может, она опять в свою келью вернулась и мстит за Ивана. Он ведь с ней сожительствовавал. Поискать бы надо ее жилище.

Саша взглянул с удивлением на дядю и отвернулся. Он вспомнил, как просила его Матрена никому не рассказывать, что он был в ее домике.

«Старый черт, чтоб ни дна тебе, ни покрышки. Ведь весь вечер вчера с Иваном-то на мельнице пропил. Куда он исчез? Могли бы и мы сгореть»,— причитала Гужиха.

Отец насторожился:

— Ты слышишь, Павел, о чем Гужиха-то кричит?

— Слышу. Сбесилась баба. Вот и орет.

— А где все же Иван-то?

— Говорят, он вечером ушел в Чернолесье,— ответил Павел.

Днем позвали всех на сход. Дмитрий Гужов на соб-

рание не пришел. За ним послали Селивана Арсеньева. Но Дмитрия дома не оказалось. Его сын ответил, что отец собрал кое-какие пожитки и сразу же после пожара куда-то ушел. Ни с кем даже не простился.

Собрание было бурным. И больше всего упреков было в сторону председателя колхоза — Павла Петрова. Ему ставили в вину и то, что сторожа в деревне нет, и то, что пожарная машина оказалась неисправной и что пруд обмелел и вода в нем вымерзла.

Павел сидел молча. Только в конце собрания встал и сказал:

— Граждане односельчане, колхозники, я прошу задержаться. Просьба у меня к вам есть. Освободите меня от председателей. Вы видите, что я в хозяйстве смыслю мало и руководить колхозом не в состоянии. Отпустите меня снова на волю, а председателем выберите брата Николая. Он лучше меня управлять вами будет.

Колхозники притихли, начали переглядываться, кое-кто заулыбался. Первым заговорил Петр Мухин.

— Я согласный с Павлом, Николай Иванович — мужик хозяйственный, и, если он не супротив, лучшего председателя нам в деревне не найти.

— Правильно, пусть Николай будет председателем, — раздалось сразу несколько голосов.

Николай Иванович хотел сказать, что он отказывается от такой чести, но, взглянув на брата, понял — Павел искренне просит освободить его. А кому же тогда делом править? Ведь оно общее. Промолчал.

Так неожиданно в послепожарной суматохе в Коростелях переизбрали председателя колхоза. Им стал Николай Иванович Петров.

На другой день новый председатель рано утром направился прямо на скотный двор. А вскоре провел по деревне к себе во двор двух коров.

И взбурлила деревня. Бросились к скотному двору бабы. Каждая хозяйка свою корову к себе во двор потащила.

— Что же это происходит? Ты что, решил колхоз распустить? — закричал прибежавший Павел.

— Хватит свой яр показывать, — спокойно ответил Николай. — Сам ведь довел дело до того, что коровы гибнут. Сегодня утром еще одна подохла, а четыре не

встают. Корма нет, ухода никакого. Вода холодная, прямо из колодца. Так все стадо сгинет.

Павел опешил. Почесал в затылке, хотел что-то возразить, но, видимо, решил, что бесполезно, махнул рукой и ушел.

Вечером новый председатель стоял посреди дома Селивана Арсеньева, в котором временно расположилась контора, и горячо объяснял колхозникам:

— Нет у нас сейчас другого выхода, кроме как коров по дворам своим взять. Дарьи Плешковой корову с ее согласия я к себе свел. За двумя будем мы с женой уход до весны вести. А весной с первым подножным кормом всех коров снова в стадо и на общий двор.

— А как же молоко?

— С каждой коровы по три литра в сутки в общий котел, остальное себе за уход,— ответил председатель.

На том и порешили. Да другого выхода и не было.

Но напрасно думал новый председатель, что таким решением он спас колхозных коров. Через два дня его вызвали в сельский Совет. В его отсутствие в деревню приехал Шершнев. От имени сельского Совета и партийной организации он приказал Павлу Петрову собрать собрание колхозников. На собрании он обрушился на бесчинства Николая Петрова, который, по его словам, решил развалить колхоз. Предыдущее собрание, где переизбирали председателя, проходило без представителей, потому, заявил Шершнев, оно незаконно. Павел не согласился с этим и наотрез отказался от председательства. Он заявил, что спервоначала был несогласен с братом, а теперь понял, что брат правильно решил коров по дворам развести.

Шершнев нахмурился и вспылил:

— Значит, ты тоже за развал колхоза! Хороши братцы. Советскую власть обмануть решили!

— Это ты, мил человек, обманываешь Советскую власть,— вдруг заговорила Матвейха.— Мы лучше, мил человек, знаем, что к чему. Ты вот тут сено обещал к нашему двору из дома отдыха подвезти, но насколько его хватит? На полмесяца. А что потом делать? А до весны еще ох как, мил человек, много дней. Ты вот коров вновь согнать в сарай хочешь, сгонишь и уедешь, а кто их кормить, поить, доить станет. Ты нашел людей, кто это делать будет? Нашел?

— Это не мое дело. Это дело правления,— ответил небрежно Шершневу.

— Вот, вот, и я про то толкую. Дело правления. Стало быть, мил человек; и их дело, где коров держать и как кормить. Николай Иванович не станет наобум ничего делать. Коров по дворам развести мы все решили, а ты приехал и стращать начал.

— Это не совсем так, Матвейиха,— вмешался в разговор Петр Мухин.— Николай, конечно, дал маху. Он сначала всех коров по дворам велел развести, а потом собрание созвал. Так ведь я говорю? — обратился он к собранию.

— Так,— раздалось несколько голосов.

— А надо бы сначала обсудить, как быть, а потом и к делу приступать. Так я говорю? В этом, конечно, есть вина нового председателя,— закончил Петр Мухин.

Шершневу воспрял духом. Ухватившись за слова Петра Мухина, он настоял записать в протокол, что новый председатель самолично решил коров развести по дворам, собрание собрал только после этого, в чем есть его вина.

Николай Иванович Петров вернулся из сельсовета не в меру расстроенный. Узнав, что коров снова решили в общий двор свести, он заявил колхозникам:

— Вот что, граждане, я председателем быть отказываюсь. Рав с первого шага мне от вас веры нет, избирайте другого председателя.

— Да что же это такое творится? Коровыдохнут, ухаживать за ними никто не хочет. Председателем тоже быть никто не хочет. Какой же это колхоз? — затрещала Гужиха.— Мы свою корову обратно в общий двор не отдадим и в колхозе отказываемся быть.

— Ты не шелуши, жена. Не твоего ума энто дело,— прервал ее Василий Гужов.— От колхоза все равно ныне не уйтить. Если власть так порешила, деваться некуда. Нам же сподручнее всего попросить бы Илью Платоновича Шершнева присоединить нас к своему подсобному хозяйству. Будем мы у него работать, а он нам деньги станет платить.

— Открывай рот шире, станет,— закричали с мест бабы.

Но многие мужики за эту мысль ухватились. Разговор пошел серьезный. После долгих пересудов поре-

шили просить Шершнева присоединить колхоз Коростели к подсобному хозяйству в Лыкове. Послать от имени собрания к Шершневу делегацию в лице Василия Гужова и Селивана Арсеньева.

Узнав о решении собрания, Шершнев восторжествовал и на другой день отправился в город. Из города он приехал в Коростели с каким-то человеком. Высокий, с поседевшими висками, средних лет мужчина в кожаном реглане выглядел хмуро. В деревне сразу прошел слух — приехал человек из ОГПУ. Шершнев и человек в реглане прошли в дом Селивана Арсеньева. Через час туда пришел сначала Павел, а затем и Николай Петровы. Все ждали, что вот-вот будет наряд на собрание. Но часы шли, а наряда не было. В правление вызывали то одного, то другого. Уже побывал там Петр Мухин и Василий Гужов, Пахом Арсеньев, Дарья Плешкова. Возвращались люди молча, на вопросы не отвечали, а лишь махали рукой. К вечеру Николая Петрова человек в реглане увез в город. Шершнев отбыл во свояси. А через день уехал из деревни и Павел Петров. На удивление всем, он забил окна своего дома досками, погрузил на телегу кое-какие пожитки и вместе с женой Таисьей отбыл, никому не сказав ни слова.

Деревня застыла в молчании. Никто не знал, что будет дальше.

Саша понял, что его отца, видимо, арестовали. И раз человек из ОГПУ приехал в деревню вместе с Шершневым, значит, и арест его отца — дело рук Шершнева. Саша долго думал о том, как помочь отцу. Вспомнил об учительнице Зое Сергеевне и направился в школу.

Зою Сергеевну встретил он в коридоре. Увидев Сашу, она остановилась, приветливо поздоровалась и спросила:

— Ты что, Петров, ко мне?

— К вам, Зоя Сергеевна. Несчастье у нас.

— Что случилось?

— Отца какой-то человек в город увез, и с тех пор он как в воду канул. Говорят, что ОГПУ его арестовало.

— Это я слышала. Зачем же он коров-то развел по дворам? Разве такое можно делать?

— Такдохнут коровы. Корма нет. Ухаживать за ними никто не хочет.

— Чем же тебе помочь?

— Скажите, как найти в городе ОГПУ? Я туда хочу поехать.

— А Павел-то что думает обо всем этом? — спросила Зоя Сергеевна.

— Дядя уехал из деревни, и никто не знает куда.

— Что ты говоришь? Кто же теперь председателем?

— Никто. Селиван Арсеньев пока заменяет.

— Поезжай тогда в город вместе с матерью.

— С матерью я не могу. Она плачет и боится куда-либо обращаться.

— Да... нехорошо получилось. Ну что же, попробуй съезди один. Только иди не в ОГПУ, а в горком партии. Найди там Капралова. Расскажи все ему. А мне, извини, Саша, надо на урок.

— Зоя Сергеевна, — остановил ее Саша, — я еще хочу спросить вас: почему Шершнев против моего отца идет?

— Не знаю, Саша. Ты такие вопросы задаешь, что я ничего тебе не могу ответить. Я плохо знаю Шершнева.

— Неправда. Вы его знаете. Вы ведь вместе с ним в нашей деревне на собрании были.

— Знаю, конечно, но плохо. Расскажи все, что тебя тревожит, Капралову. Если же ты хочешь знать мое личное мнение, то он мне тоже не нравится. Вот все, что я тебе могу сказать.

— Спасибо, — сказал Саша.

Слова Зои Сергеевны его ободрили.

На другой день Саша был уже в городе. Горком партии он нашел быстро. Но Капралова в кабинете не было. Саша прижался к стенке в коридоре и стал ждать. Через несколько минут какой-то мужчина в серой гимнастерке вышел из другой комнаты и, проходя мимо, остановился:

— Ты, мальчик, к кому?

Саша взволнованно ответил:

— Я к Капралову. Я — из Коростелей, сын Пегрова Николая Ивановича. Мне к вам наша учительница посоветовала обратиться, Зоя Сергеевна Лаврентьева.

— Ах, вот как. Заходи, заходи. Рассказывай, зачем пожаловал?

Саша так волновался, что не знал, с чего начать. Хотя до этого мысленно несколько раз все по порядку излагал, а вот сейчас слов не находил.

— Ты не волнуйся. Как тебя зовут? — спросил Капралов.

— Саша я, сын Петрова Николая Ивановича из Коростелей.

— Это я уже слышал, — улыбнулся Капралов. — Расскажи, зачем прибыл?

— Отца ОГПУ арестовало.

Капралов насторожился. Улыбка с лица слетела.

— Когда? За что?

Саша глубоко вздохнул и заговорил уже более спокойно.

Капралов слушал внимательно, не перебивал. Когда Саша рассказал о решении собрания просить Шершнева присоединить Коростели к подсобному хозяйству в Лыкове, Капралов закачал головой и не удержался:

— Ох, уж мне этот Шершнев!

— Я вот тоже хочу вас спросить: почему Шершнев раньше дружил с Иваном Солодовым, а теперь идет против моего отца?

Капралов улыбнулся и сказал:

— А ты, я вижу, политик, — но на вопрос не ответил. — А где дядя-то твой сейчас? — спросил Капралов.

— Не знаю. Он уехал в город и в деревне не появляется. И даже окна забил в своем доме.

Капралов снял телефонную трубку и спросил кого-то, сняли ли Павла Ивановича Петрова с партийного учета. Ему ответили: «Сняли».

— А куда он уехал?

— Завербовался в Сибирь на стройку. Туда и уехал вместе с женой.

— Хорошо, — произнес Капралов и нервно бросил на рычажок трубку.

— Дядя твой в Сибирь на стройку уехал. А ты, Саша, поезжай домой и успокой мать. Пусть она не волнуется. Никуда твой отец не денется.

Саша поблагодарил Капралова и вышел.

Но ехать домой ему не хотелось. Сдержанная беседа с Капраловым его не успокоила. Ему казалось, что Капралов должен был, так же как и он, возмутиться, позвонить в ОГПУ и приказать, чтобы его отца немед-

ленно освободили. Но Капралов туда не звонил. И самое удивительное — интересовался он не его отцом, а дядей. Значит, Капралов тоже отца за председателя не признает. «Пойду сам в ОГПУ, — решил Саша. — Если не выпустят, пусть и меня сажают вместе с отцом».

Выйдя на улицу, он остановился и стал искать глазами, кого бы спросить, как пройти в ОГПУ.

— Дяденька, — обратился Саша к проходившему мимо в речном кителе мужчине.

Тот повернулся. Саша взглянул на его лицо и узнал Федора Богомолова.

— Дядя Феля, это я, Саша Петров. Сын Николая Ивановича Петрова, — обрадовался такой встрече он.

— Ты что, отца ждешь?

— Нет. Отца забрали в ОГПУ, и мне надо туда пройти.

— Значит, еще не выпустили его?.. Ну, что ж, наперед умнее будет, — ехидно бросил Федор и торопливо зашагал через площадь.

Саша было рванулся за ним, но тут же понял, Федор ему ничем не поможет.

Около кинотеатра он остановил мужчину, который, как показалось ему, должен все знать:

— Товарищ, скажите, где ОГПУ?

— ОГПУ? — удивился мужчина. — А зачем тебе ОГПУ?

— Отца у меня забрали. Хочу повидаться.

— Отца? За что?

— Избрали его председателем колхоза, а он взял да всех коров с общего двора по частным и развел. Вот его и забрали.

— Какой колхоз?

— Коростели. Может, слышали? А фамилия отца Петров... Николай Иванович Петров.

— Так... так... — посочувствовал мужчина. — Ну, что же, идем, так и быть, покажу я тебе ОГПУ. Только едва ли тебя туда пустят.

— Пустят. А не пустят — и меня пусть вместе с отцом сажают!

Мужчина улыбнулся и зашагал вдоль Советской улицы. Саша заспешил за ним. Более квартала прошли молча. Вдруг мужчина остановился, подумал и подошел к глухому деревянному крыльцу трехэтажного кир-

пичного дома, постучал в закрытое окошечко двери. Окошечко открылось. Мужчина вынул из потайного кармана пиджака какую-то книжечку и протянул руку в окно.

— Здесь со мной один мальчуган из Коростелей. Он говорит, что ОГПУ забрало его отца — Петрова Николая Ивановича и хочет с ним встретиться. Вы можете чем-либо помочь?

Саша не услышал ответа из окна, но по лицу мужчины понял, что просили подождать. Мужчина отошел от окошечка, закурил, посмотрел внимательно на Сашу и проговорил:

— Ты вот что, Петров, если ничего здесь не добьешься, зайди ко мне в редакцию на улицу Симановского. Спроси Гусева. А сейчас — жди. Как окошечко откроется, объясни дежурному, чего ты хочешь. Понял?

— Понял. Спасибо.

Мужчина ушел. Саша посмотрел на окошечко, сел на приступки. Прошло десять — пятнадцать минут. Саша встал, тихо постучался. Окошечко открылось. Показалась голова в военной фуражке.

— Петров? — обратился военный.

— Да.

— Чего ты хочешь?

— Хочу увидеть начальника. За что забрали моего отца?

— У нас твоего отца нет. Иди отсюда и больше не стучи. Понял?

— Это неверно. Отца забрало ОГПУ, значит, он здесь. И я никуда не пойду, буду стучать в окно до тех пор, пока не пропустите к начальнику.

— Ишь ты какой, — буркнул дежурный и захлопнул дверцу.

Саша снова сел на приступки. Через несколько минут окошечко открылось.

— Здесь. Сидит на приступках, — проговорил кто-то.

Саша вскочил и подошел к окошечку. Дверь открылась. На верхнем приступке появился высокого роста молодой мужчина в серой гимнастерке.

— Почему ты, парень, порядок нарушаешь? Тебе сказано, что у нас нет твоего отца. Иди отсюда, пока в милицию тебя не отправили.

— Вы меня не гоните. Я к своему отцу пришел. Если его здесь нет, тогда скажите, где он? Я все равно никуда без него не пойду.

Военный пожал плечами, взглянул на дежурного и, подумав, сказал:

— Выпишите ему пропуск.

Часа два просидел Саша в узком полутемном коридоре на первом этаже. Мимо то и дело проходили военные, но на него никакого внимания не обращали...

И вот, когда ждать стало уже совсем невозможно, он вдруг услышал свою фамилию:

— Петров?

— Я,— вскочил Саша.

— Иди за мной,— проговорил военный, который встречал Сашу на улице.

— Сколько тебе лет? — спросил сидящий за письменным столом, черненький военный с двумя шпалами на петлицах.

— Пятнадцать.

— Так... Пятнадцать. Неплохо. А откуда тебя знает Гусев?

— Какой Гусев?

— А тот, что привел тебя к нам?

— Ах, этот. Я его встретил на тротуаре и спросил, где ОГПУ. Он меня и привел.

— Так... Понятно... Ну и что же ты хочешь?

— Хочу, чтобы вы выпустили моего отца. Он ни в чем не виноват. Приезжайте в колхоз, и вы увидите сами. Сена нет... Коровы не встают, три коровы уже подохли. А вы отца забрали...

Зазвонил телефон.

— Чумачев слушает,— ответил в телефонную трубку сидящий за столом военный...— А, привет, товарищ Капралов... Да... он у меня... Видать, настойчивый.

Чумачев долго слушал Капралова. Затем ответил:

— Я уже разобрался. Глупостей наделали тут наши. Мы бы его, конечно, скоро освободили. Но теперь все ясно. Да... Хорошо...

Вечером отец и Саша были уже дома. До поздней ночи не потухал огонь в доме Петровых. В деревне тоже не спали. Кое-кто порывался зайти к Николаю Ивановичу порасспросить, что и как, но Марья отвечала, что он устал с дороги и спит.

А Николай сидел за столом, беседовал с женой, сыном и дочерью. Настя недавно вернулась из больницы и с интересом слушала, о чем рассказывал отец. Но в разговор не вступала. Саша же чувствовал себя почти на равных. Однако тоже больше слушал и лишь изредка соглашался с отцом или качал головой и говорил:

— Ты, тять, подумай еще над этим. Посоветуйся с Селиваном Арсеньевым или еще с кем.

Отец соглашался и продолжал рассуждать, как будто он на заседании правления колхоза.

На семейном совете решили, что Николай должен остаться председателем, если городские не потребуют от колхозников его замены.

А на другой день в Коростели приехал представитель горкома вместе с Шершневым. Открывая собрание, Шершнев вновь упрекнул председателя в своевольничестве, но тут же не преминул добавить:

— Николай Иванович Петров, конечно, честный человек. Все вы его знаете. И я знаю. Только прежде чем что-либо решить, советоваться с людьми надо. И я во все не против того, чтобы он был председателем, так и товарищам в городе говорил. Пусть работает, налаживает хозяйство, я чем могу — помогал и буду помогать колхозу. Но...

Шершнев помялся, пытаясь подыскать подходящие слова, и, видимо, не найдя такого, вдруг сел.

Все поняли: Шершнев не только не договорил того, что хотел сказать, а попросту находится в растерянности. Наверное, его в городе здорово поправили, и сейчас он вертится и туда и сюда. И потому, когда он кончил говорить, мужики переглянулись и громко засмеялись.

Представитель горкома, видимо, понял это и тоже засмеялся. Шершнев побагровел, но, преодолев себя, тоже захохотал, делая вид, что ничего не понял.

Затем говорил представитель горкома. Он не оправдывал председателя и не обвинял его, но все поняли, что и Шершнева в расчет он не брал. Его речь была о том, каким путем надо укреплять колхоз, что хозяева всему в колхозе только сами колхозники. Что они порешат, тому и быть.

На этом собрании Саша впервые увидел улыбки на лицах мужиков и впервые услышал, как они хлопали в ладоши.

После этого собрания Коростели как будто ожили. Коров оставили, как порешили колхозники, до выпаса на своих дворах. Одновременно приступили к строительству скотного двора. Бригаду строителей возглавил Петр Мухин.

Оживленно началась подготовка селян к севу, вывозка навоза из старого скотного двора на поля. Его впервые стали укладывать в штабеля. До этого никому в голову не приходило, что навоз можно вывозить в поле зимой. Тревожные дни, связанные с заменой председателя и его арестом, как-то отдалились. Всех теперь снова занимал недавний пожар.

В деревне все упорнее шел разговор о том, что Иван Солодов еще до пожара ушел из деревни. В Чернолесье его видели люди. Значит, поджечь он свой дом не мог. Трудно было поверить, что и самый приближенный к богу человек в деревне — Дмитрий Гужов мог решиться на такое злодеяние.

«Заела его Гужиха, вот он и скрылся», — толковали бабы.

«Дмитрий давно по примеру своей сестры Феклы в келью собирался, от греха подальше», — говорили некоторые мужики.

Николай Иванович Петров, занятый по горло колхозными делами, пропускал бабьи сплетни мимо ушей. Но вот однажды в его дом пришел Селиван Арсеньев и без обиняков завел разговор о слухах, что распространяются по округе. Слух пустили, будто бы пожар — это дело рук жены Павла — Таисьи. Ее, мол, в ту ночь видели около своего дома. А раньше она якобы прямо говорила, что найдет способ, как вытурить своего мужа из колхоза.

— Ведь эти сплетни, Николай Иванович, и на Павла — брата твоего тень кладут, и на тебя тоже. Как ты миришься с ними? Что касаясь моего мнения, то думаю, что пожар — дело рук Гужовых. И Васька, сын Дмитрия, к этому делу причастен.

«И в самом деле, — подумал Николай Иванович, — люди меры не имеют, нельзя дальше оставлять причины пожара нераскрытыми». Загадочное исчезновение Дмитрия Гужова Николай Петрович объяснил просто: Дмитрий поджег по сговору с Иваном Солодовым сначала контору, а затем мельницу и ушел в лес, в сторож-

ку «святой» Матрены. Но там долго без еды не прожить. Кто-то, значит, к нему ходит. Но как это установить?

Беспокоил Николая и Шершневу. Он не мог понять этого человека, но где-то подсознательно чувствовал, что Шершневу хитрый и подлый человек. Подозрительно было и то, что Дмитрий Гужов относился к своему племяннику почему-то очень холодно, а иногда и враждебно. А Шершневу, бывая в деревне, старался не замечать не только Дмитрия, но и своих двоюродных братьев Василия и Тимофея. Он вроде и за людей их не считал.

Эти размышления и привели Николая Ивановича в сельский Совет, к его председателю Седову. Он до революции работал в городе на текстильной фабрике, был на фронте. Вернулся с гражданской с орденом. Проживал Седов в деревне Орлики, что рядом с Лыковым. Когда открыли там избучитальню, был ее заведующим, а потом избрали его председателем сельского Совета. Слыл он человеком дельным, порядочным. Николай Иванович пошел к нему с уверенностью, что тот поймет его тревоги.

Седов слушал Николая Петрова с интересом, не перебивал. А когда тот закончил, покачал головой, встал из-за стола, прошелся по кабинету и, остановившись перед собеседником, заговорил:

— Не думал, Николай Иванович, что ты так на сплетни податлив. Следствием установлено, что Дмитрий Гужов мельницу поджечь не мог. Когда она загорелась, он дома был. Это видели. Насчет Шершнева все твои подозрения тоже выведенного яйца не стоят. Его в горьком партии хорошо знают. Он в революционных делах Царицына участвовал, в Красной Армии воевал, я его документы сам видел. Так что не туда ты свои стрелы мечешь.

— А по-моему, Шершневу — личность темная. Он приехал к нам из Царицына. Кто-нибудь проверил, чем он там занимался? — спокойно возразил Николай Иванович.

— У него документы есть, характеристики, — улыбнулся Седов.

— Ну что ж, будем считать, что я ошибся, — вставая, проговорил Николай Иванович.

— В ком ошибся? В Шершневе или во мне?

Петров улыбнулся и пожал плечами.

Седов помолчал, примирительно сказал:

— Ты бы подумал, Николай Иванович, не пора ли тебе в партию вступить? Мужик ты правильный, в деревне пользуешься уважением, председатель колхоза. Кому же еще в партии быть, как не таким, как ты.

Николай удивился резкому повороту разговора, спросил:

— А кто принимать меня будет,— Шершнев?

— И Шершнев, и я, и Зоя Сергеевна, и другие. У нас сейчас в ячейке уже двенадцать человек.

— Да нет, пожалуй, подождать надо. Во-первых, в грамоте я не силен, во-вторых, в одной ячейке с Шершневым мне быть не с руки. Не верю я ему, а он — мне. Да и вы, я вижу, не очень-то верите мне. Стрелы, говорите, свои я не туда мечу.

Седов потер рукой подбородок, покашлял в кулак и сел за стол.

— Не так ты, Николай Иванович, меня понял. Не так,— тихо проговорил он.

Николай вышел из сельсовета.

По пути домой он припомнил весь разговор с Седовым и расстроился: Седов может рассказать об их разговоре Шершневу. Тогда тот будет считать его своим врагом. А от Шершнева всего можно ждать. Николай Иванович был в этом уверен. Дмитрий Гужов и Шершнев. Один открытый противник Советской власти. Другой — с партийным билетом, известный человек в округе. И вот пожар. Дмитрий Гужов исчез, а Шершнев повел атаку против колхоза. Сердце Николая Ивановича чувало, что все это неспроста. И он решил во что бы то ни стало найти Дмитрия Гужова.

Стояло уже лето. В один из воскресных дней еще затемно Николай Иванович с сыном вышли из дома с корзинками и направились в лес.

— Петров с сыном в лес пошли,— сообщила мужу Гужиха, увидя их в окно.— Я тоже сегодня в поле не пойду. Раз председатель гуляет, то и нам отдохнуть можно.

Василий ничего не ответил жене. Про себя же подумал: «Нет, не гулять пошел председатель. Не зря он на днях в сельсовет ездил. Задумали что-то руководители».

Саша напрягал свою память, отыскивая путь к месту, где он был в тот тревожный для него день с Иваном Солодовым. Он хорошо запомнил полянку, где Иван гнал самогонку, но найти было ее нелегко. Впереди уверенно бежал Султан.

Вскоре Саша увидел пенек около тропки. Вспомнил, что сидел тогда на таком же. Султан повернул влево.

— Сюда, сюда,— закричал Саша отцу.

На поляне они нашли остатки от костра и куст, под которым лежала железная бочка. Сомнений не было. Это было то место, которое они искали. Отсюда Саша повел отца в глубь леса, туда, где, как ему казалось, стоял домик Матрены. Султан сновал туда-сюда по лесу. Дважды выходили к речке Кешке, что отделяла Гривенские угодья и леса от мест болотистых, непроходимых. Саша то и дело повторял: «Нет, я здесь не был. Нет, это не здесь. Нет, это не то». И вдруг остановился и тихо сказал: «Пошли сюда»,— показав рукой направо. Николай быстро пошел в том направлении, куда показал сын.

— Вон она,— вдруг крикнул Саша.

Отец увидел в зарослях маленький деревянный домик. Сомнений не было: они нашли пристанище Матрены. Николай Иванович присел, показав жестом Саше, чтобы тот сделал то же самое. Прошло минут пятнадцать в томительной тишине. Султан лежал рядом. Саше показалось, что они сидят вечно.

— Там кто-то есть,— проговорил отец.— А вот кто? Пожалуй, сейчас нам об этом узнавать негоже. Как знать, может, там какие-нибудь ворюги или бандиты. Пойдем обратно. Теперь мы знаем, как сюда пройти.

— Давай подождем еще немного. Может, кто выйдет,— сказал Саша. Ему очень хотелось узнать, кто же в домике. Думал он и о том, почему отец определил, что там есть люди.

— Тять, а как ты определил, что там кто-то есть?

Но отец не успел ответить. Дверь домика скрипнула и открылась. Султан заворчал. Саша на него шикнул. На улицу вышел Шершневу. Саша не удержался:

— Тять, это Шершневу!

— Вижу. Тише ты. Молчи.

Султан, видимо, узнал Шершневу, успокоился. Тот отошел несколько шагов от домика. Закурил. Поднял

вверх голову, посмотрел на небо. Затем сделал свое дело и тихо направился обратно в домик. Дверь закрылась.

— Ну, что ж, Сашок? Все ясно. Раз Шершневу здесь, значит, и Дмитрий тут. Думаю, что нам можно зайти в домик. Скажем, что заблудились. Вышли случайно сюда, подумали, что домик пустой, решили отдохнуть.

— А вдруг там не Дмитрий, а кто-нибудь другой? Может, Шершневу в какой-нибудь банде состоит? — сказал Саша.

— Нет. Шершневу здесь по другому делу. Не может быть ничего страшного. Вставай, пошли.

Шершневу и Матрена словно окаменели, когда открылась дверь сторожки.

— Надо же такое, — проговорил смущенно Шершневу. — Испугали вы нас до смерти. Милости просим, проходите, присаживайтесь. Мы как раз обедаем. Угощать особо нечем, но что бог послал.

Матрена сидела с широко открытыми глазами, не двигаясь. Она в упор смотрела на Сашу. Одета Матрена была в то самое серое платье, в котором была и тогда. Голова была не прикрыта. Длинные волосы спускались на плечи.

— Спасибо, Илья Платоныч, — поклонился Николай Иванович и присел к столу.

Матрена встала. На лице у нее появились белые пятна. Было видно, что она поражена...

— Как это вы здесь оказались? — спросил Шершневу.

— Думаю, Илья Платоныч, у нас больше права спросить вас: как вы здесь оказались? Что касается Анфисы, то нашего удивления нет. Всем известно, что она отшельница и в лесу свою жизнь загубляет. А вот о вас, Илья Платоныч, мы не слыхали, чтобы жили вы в лесу, да еще в таком дремучем. И на столе, вижу, у вас все есть: и мясо, и яички, и сметанка. Чем же теперь, Анфиса Петровна, вы занимаетесь? — спросил Николай Иванович.

— А это вас, Николай Иванович, не касается, — гордо ответила Анфиса. — Хоть Илья и пригласил вас к столу, но думаю, что это он сделал от растерянности. В гости мы вас к себе не просили.

Николай Иванович встал со скамейки и взглянул на Сашу, который стоял у двери, не осмеливаясь сделать вперед и шага. Шершнев расценил это по-своему: «Ишь, караулит».

— Как, Саша, узнаешь, где ты ту ночь провел? — спросил сына Николай Иванович.

Анфиса как будто очнулась от шокового состояния, взглянула на Шершнева. Она вспомнила разговор с Сашей и данное им ей обещание.

— Ну, что ж, выкладывай, Николай Иванович, зачем пожаловал? — оправившись, спросил Шершнев, пропустив слова Николая Ивановича мимо ушей.

— В гости вы нас, действительно, не звали, и делать нам тут нечего. Просим извинения, что по причине заблуждения в лесу нечаянно натолкнулись на вашу обитель. Сами видите, какая вещь получается. Теперь придется властям докладывать, что живет в лесу Анфиса Соколова, скрывается от людей и невесть чем занимается. Посещает ее директор дома отдыха, коммунист Илья Платоныч Шершнев и тоже невесть чем в лесу занимается. А теперь — пока. Приятного вам аппетита.

— Нет, постой, Николай Иванович, так не пойдет. Ты уж раскрой свои карты. Зачем искал Анфису? Или знал, что меня здесь встретишь и хочешь на провокацию взять? Так скажу тебе: мне бояться нечего. Человек я известный, сомневаться во мне никто не посмеет. А то, что я к Анфисе Петровне завернул, так это случайно, как и вы. Вы заблудились, и я с охоты возвращался и на ее обитель наткнулся. Как, Анфиса, Николай-то Иванович к тебе не впервые, вижу, зашел?

Анфиса сразу поняла, куда клонит Шершнев, и засмеялась:

— Ну и ревнивец ты, Илья. Да теперь ничего не делаешь, раз так нескладно получилось. Признаюсь: Николай здесь частым гостем был. Только последнее время он меня позабыл. А сегодня вспомнил, да неудачно.

— Вот видишь, Николай Иванович, как может дело-то повернуться, — засмеялся Шершнев. — Чего ты добьешься своей оглаской? Хочешь опозорить меня? Так я тебе говорю: сам опозоришься. Так что лучше давай оба помолчим. Не встречались мы с тобой здесь, и пути ты сюда не знаешь.

Николай Иванович покачал головой и вышел из дома.

Саша так был удивлен разговором отца с Шершневым и Анфисой, что, выйдя из избушки, не мог даже слова вымолвить. Отец шел не оглядываясь. Саша чувствовал, что он взбешен наглостью Шершнева и Анфисы.

— Какой же негодяй этот Шершнев,— вдруг проговорил Николай Иванович.— Только не пойму: или он просто спутался с этой Анфисой, или их какие-то темные дела связывают. Дмитрия здесь нет. Он здесь лишний. Подался куда-то далеко. И поджог, видимо, его рук дело?

— А может, Анфиса.

— Может, и она.

— Тять, а что ты делать думаешь?

— О чем ты, сынок?

— Ведь надо сообщить кому-то, что Шершнев с Анфисой в лесу живут.

— А кому это надобно? Всем известно, что Анфиса — непутевая женщина. Сначала с Федором Богомоловым жила, потом с Иваном Солодовым путалась, а теперь вот с Шершневым связалась. Этим, сынок, никого не удивишь. Да ведь и не докажешь ничего. Слышал, что Шершнев сказал: я, мол, тоже случайно сюда попал, с охоты возвращался. Вот и весь сказ. Анфиса на все пойдет — у нее ни стыда ни совести нет. Видел, как она взъярилась, что мы их накрыли. Так что лучше пока помолчать.

— Помолчать? — удивился Саша.— Их в тюрьму сажать надо, а ты — помолчать.

— А за что сажать-то? Какое они преступление сделали? Ты можешь сказать?

— Я чувствую, что нехорошие они люди.

— А я это не только чувствую, но и знаю, а вот доказать нечем. Ну да придет время — докажем,— уверенно проговорил Николай Иванович.— Только ты не вмешивайся, а то напортить можешь.

— Ты сам себе все портишь. Дождешься, что Шершнев опять добьется твоего ареста.

— Нет, уж теперь не добьется. Тот раз меня задержали только потому, что следователь, который в деревню приезжал, показания Пахома, Дарьи и Селивана

Арсеньева подделал. Они говорили одно, а он записал— другое.

— А зачем ему это?

— А черт его знает зачем! Наверное, отличиться хотел: вот, мол, смотрите, какой я умелый — вредителя нашел.

— А тебя что, во вредительстве обвиняли?

— Да не то чтобы во вредительстве, но вроде этого — в подрыве колхозного движения.

Саша замолчал. А перед Николаем Ивановичем зримо встал первый и последний день его пребывания в ОГПУ.

Вот он шагнул в полумрак и остановился. За спиной тяжело скрипнула железная дверь.

Камера метра два в ширину и три в длину. «Одночка», — мелькнуло в сознании. Через небольшое окошечко под потолком, прикрытое снаружи дощатым козырьком, свет доходил только до половины.

— Садись, дружище, — проговорил мужской бас из темноты.

Николай вздрогнул. Он только теперь заметил сидящего на топчане человека.

— Будем знакомы: Свиридов.

Николай машинально сел. Ничего не ответил Свиридову. Его мучила мысль: за что его посадили?

В голове уже в который раз проплывали картины последних минут пребывания дома: испуганные, полные слез глаза жены, суровый взгляд чекиста, огромные, блестящие глаза Султана около дома.

— Не стоит так убиваться, — врезался в тишину камеры стальной голос Свиридова. — Откуда будешь?

— Из Коростелей, слышали такую деревню?

— Что же это ты, мужик, с правдой-то расстался?

Николай почувствовал в голосе Свиридова иронию. Промолчал...

— Чего молчишь? Иль и впрямь за дело посадили?

— Какое дело? Ничего не пойму. Как снег на голову.

— По моему разумению, троцкисты стали оговаривать честных людей. Расчет их прост: чем больше оклеветали, тем больший вред Советской власти нанесли.

— Вы так считаете? — поднял голову Николай.

— А как иначе? Мне на допросе следователь предъявил показания бывшего директора нашего завода Сухаревского. Он троцкист. Так вот что он показал: я, мол, в свою контрреволюционную группу вовлек начальника инструментального цеха Свиридова. Ему было поручено развращать молодежь в цехе. Кто мог такую нелепицу выдумать? Конечно, враг.

Свиридов встал с топчана и начал ходить по камере. Три шага к двери, три — обратно. Привыкнув к потемкам, Николай увидел в углу еще одного человека, прижавшегося лбом к стене.

— Сталину надо писать, — проговорил человек.

— Сталину? — раздумчиво протянул Свиридов. — Да разве до него дойдут наши письма?

— Не сейчас, когда выйдем, — отозвался сидящий у стены человек.

— А это еще вопрос: выйдем ли?

— Не может быть, чтобы безвинно человека посадили надолго. Разберутся — и выпустят, — проговорил Николай.

За дверью послышался скрежет засова. Все напряжились.

— Наверное, меня, — прошептал сидящий в углу человек.

Дверь тяжело открылась. Показался надзиратель.

— Петров, на выход, — тихо проговорил он.

Николай поспешно встал и направился к двери.

В небольшой прохладной комнате за небольшим столом около окна Николай увидел военного. Высокий лоб, прямой острый нос, прищуренные глаза.

— Вы подтверждаете свои первые показания? — спросил он.

— Подтверждаю. Никакой вины за собой не чувствую.

— А вот Селиван Арсеньев показывает, что вы первым забрали свою корову с колхозного двора и предложили другим забирать своих, и сделали вы это намеренно, чтобы распустить колхоз.

— А как я мог распустить его? — непонимающе спросил Николай.

— Прикидываетесь, Петров. А кто на собрании доказывал колхозникам, чтобы они взяли своих коров по своим дворам? Разве не вы?

— Я. Но ведь их кормить нечем было и ухода никакого.

— А почему своих коров по своим дворам? Почему не люблю корову в любой двор?

— Потому что за своей коровой бывший ее хозяин лучше уход вести стал бы, чем за чужой.

— Так, стало быть, вы коров не считали колхозными?

— Нет, не так. Коровы все уже были колхозные, но чтобы их сохранить до выгона, я посчитал, лучше на время отдать их бывшим хозяевам.

— А вот послушайте, Петров, что по этому поводу показала колхозница Дарья Плешкова. «Пришел ко мне новый председатель колхоза Николай Иванович Петров и предложил взять с колхозного двора мою корову обратно. Я спросила: зачем? Он ответил: все требуют своих коров обратно. И я с этим согласен. Коров объединять в колхозе пока рано. Нет для этого условий. Я ему ответила, что мне корову нечем кормить, так как летом я для нее сена не запасла. Тогда он сказал, что возьмет мою корову к себе. Этим поступком Петров нанес большой вред колхозу, и сделал он это сознательно». Что вы на это скажете?

— Дарья так показать не могла,— ответил Николай.

Следователь встал, походил около стола, взял из серой папки новый лист бумаги и начал читать:

— «Я, пастух Пахом Арсеньев, показал: на скотном дворе я был сторожем. Сено там было, новый же председатель колхоза Николай Иванович Петров этим не интересовался. Он пришел на скотный двор и приказал мне всех коров раздать бывшим хозяевам. Так, мол, надо. Свою корову увел со двора вместе с коровой Дарьи Плешковой. Я был против этого. Были против и другие колхозники. Но Петров хотел нанести ущерб колхозу, его развалить, потому так и поступил». Что, и Пахом Арсеньев не мог так показать?

— Думаю, что нет,— ответил Николай Иванович.

— Я вас предупреждал, Петров, что за ложные показания будете нести дополнительное наказание.

Николай понял, что следователь не хочет знать правды.

В комнате установилась мертвая тишина. Следовательно, стоя у окна, курил.

— Вы подпишите показания о том, что нанесли большой ущерб колхозу тем, что раздали коров колхозникам?

— Нет, такие не подпишу. Я не нанес колхозу никакого ущерба. Наоборот, я хотел спасти колхозных коров.

Следователь склонился над бумагами. Николай понял, что его надежды на скорое освобождение напрасны. Сердце заныло.

— Гражданин следователь, я мужик честный, преданный Советской власти. Воевал в Красной Армии. Был депутатом от деревни в волости. Первым вступил в колхоз. Вы ведь сами чувствуете, что я ни в чем не виноват. Это же все неправда, что у вас написано. Поезжайте в деревню, послушайте, что скажут вам колхозники.

Следователь молчал.

— Если же так не сделаете, я буду жаловаться,— твердо добавил Николай.

Следователь поднял голову, улыбнулся.

В комнату вошла женщина. Искоса взглянув на Николая, положила перед следователем какие-то бумаги. Тот быстро пробежал по ним глазами и протянул Николаю: «Подпишите».

— Можно прочитать?

— Здесь написано то, что вы говорили.

Прочитав, Николай положил листочки на стол.

— Ну, что? — спросил следователь.

— Я подписывать это не буду. Здесь записано все не так.

— Говорите, что надо исправить?

— Все равно ничего подписывать не буду,— ответил Николай.

— Вы что, Петров, комедию разыгрывать вздумали? — повысил голос следователь.

— Я требую встречи с вашим начальником. До этого больше говорить с вами не буду. Понятно? — повысил голос и Николай Иванович.

Следователь опешил. Уставившись в упор на Николая, он забарабанил пальцами по столу. Затем вдруг засмеялся.

— Вы почему, Петров, так себя ведете? Неужели уверены, что вас нельзя ни в чем обвинить?

— Уверен,— твердо сказал Николай Иванович.

— Вот что, Петров, подумай хорошенько,— перешел на «ты» следователь.— Протокол советую подписать. Только в этом твое спасение.

— Я уже сказал, что не буду,— ответил Николай.

Следователь подошел к Николаю вплотную. Несколько секунд смотрел в упор в его глаза.

— Иди! — он махнул рукой.

Николай ощутил в этом движении руки какую-то неуверенность. В голове мелькнула мысль: наверное, поверил. И вышел. Через два дня его освободили.

Какая это радость, что все кончилось хорошо. Но кончилось ли? Будет ли такое доверие теперь со стороны мужиков, как раньше? Может, лучше отказаться от председательства?

С этими мыслями Николай и встретил на улице сына. Он так растерялся от этой встречи, что не знал, как и поступить. Саша же подошел и тихо сказал:

— Ну, пошли, тять. Дома ведь мама ждет.

Шли они тогда по городу молча. Каждый думал о своем.

Вот и сейчас идут они по лесу и молчат. Кажется, ничего особенного не случилось, а нехорошо на душе. Почему? Да, наверное, потому, что он опять не знает, как ему поступить.

14. Встреча с Москвой

Поезд плавно подошел к Ярославскому вокзалу Москвы. Нина прильнула к окну и внимательно осматривала платформу, надеясь увидеть мать с отцом. Сергей стоял сзади, держал в руках два чемодана. Он никак не мог представить, какой будет его встреча с родителями Нины. Поспешно вышли из вагона. Остановились. Нина то и дело порывалась вперед. Но каждый раз тихо произносила: «Нет, это не он. Нет, это не она».

На платформе — поток людей. Одни торопились к выходу, другие, наоборот, спешили от вокзала к вагонам.

— Нас никто не встречает, Сережа. Я не знаю, как быть, куда идти? Странно. Папа обязательно должен был меня встречать.

— Ничего не случилось. Доберемся одни,— как можно спокойнее ответил Сергей.— Далеко эти Покровские ворота?

— Я ж тебе говорила, что не знаю. Покровские ворота, и все. Где это? Понятия не имею. И что случилось? Ведь в телеграмме сказано: будем встречать. Значит, что-то случилось.

— Будет тебе. Сразу же и случилось. Может, проспали или еще что.

— Нина! Нина!

— Папа! — радостно воскликнула Нина и бросилась вперед.

— Ох,— целуя отца, облегченно вздохнула дочь.— Я совсем растерялась. Ни тебя, ни мамы. Куда идти, как ехать? Ничего не знаю! Стоим мы с Сергеем на платформе как дураки.

— С каким Сергеем? — насторожился отец.

— Вон он стоит с чемоданами. Идем, я вас познакомлю. Это мой товарищ. Он меня провожает,— смутившись, пояснила Нина.

— У него тоже родные в Москве или так, по делам?

— Да нет! Я же тебе сказала, что он меня провожает. Не могла же я с такими вещами одна...

— Вещи надо было в багаж сдать. Мы тебе писали об этом.

— Знаю, что писали. Но так удобней. Да и он захотел Москву посмотреть. Тебе что, жаль?

— Почему жаль? Пожалуйста! Только где он останется?

— Как где? У нас. Он ведь не надолго.

— Кто он такой, твой Сергей? — недовольно спросил отец.

— Во-первых, он никакой не мой, папа. Во-вторых, напрасно ты думаешь, что я такая дуручка и буду приглашать в Москву первого встречного. Сергей учится в финансовом техникуме и у нашей бабушки снимает комнату. Вот мы с ним и познакомились.

— Вот оно что...— протянул отец.— Значит, жилец у бабушки появился. Быстро она жилплощадью торговать стала. А что же ты нам об этом не написала?

— А зачем? Лишние вопросы, и только. Бабушка просто пошла навстречу человеку, которому негде жить. Ладно, папа, идем. Ведь неудобно все же — человек стоит один и бог знает что может подумать.

— А как ты прикажешь мне себя с ним вести?

— Очень просто. Я вас познакомлю, и мы вместе поедем домой. А где мама, почему она не пришла?

— Видишь ли, я и опоздал потому, что мать заболела. Позавчера была температура тридцать девять, лежала, не вставала. Видимо, простудилась. Сегодня уже получше.

— Что же мы стоим? Идем быстрее.

Сергей встретил отца Нины с нескрываемой тревогой. Глаза его блестели, руки не находили места.

— Ну-с, молодой человек, — начал первым разговор отец Нины, — будем знакомы! Тимофей Никитович Светлов.

— Сергей Солодов.

— Спасибо вам за помощь дочке и за такой смелый шаг. Ведь не каждый молодой человек решится провожать девушку в Москву.

— А что тут особенного. Мы ведь друзья, — ответил Сергей.

— Да? И давно дружите?

— Не очень, но не все временем определяется.

— Папа! — вмешалась в разговор Нина. — Я же тебе сказала, что Сергей квартирант бабушки и я его сама попросила, чтобы он меня проводил. Прошу тебя, не надо больше об этом.

— Ну, ну... — примирительно прогудел Тимофей Никитович. Он внимательно осмотрел Сергея и улыбнулся. Нина поняла по его лицу, что Сергей ему понравился.

Сергей взялся за чемоданы.

— Нет, нет... Зачем же так? Давайте мне один. Да не этот, а который побольше.

В трамвае ехали молча.

«И надо же было ей тянуть меня с собой, — думал Сергей. — Как он смотрел на меня, как прожигал глазами, но все же под конец улыбнулся. Может, и ничего, обойдется...»

«Молодец, Сережа. Хорошо ты ему ответил: не все временем определяется, — думала Нина, не спуская глаз с Сергея. — И о чем ты сейчас думаешь? Наверное, стра-

даешь, мучаешься, что так тебя отец встретил. Ничего, все будет хорошо. Придем дѣмой, там мама. Она меня поймет».

«И что у них за дружба такая, что она его в Москву притащила,— рассуждал про себя Тимофей Никитович.— И он хорош—едет к незнакомым людям. Сколько ему лет? Пожалуй, постарше Нины будет на годок. Видимо, лет восемнадцать. А что? Все могло случиться. Вот и оставили... Всего-то полгода прошло, и уже друг, и вместе в Москву. Ну и дела...»

— Покровские ворота! — прокричала кондуктор.

Тимофей Никитович вздрогнул и, махнув Нине рукой, заторопился к выходу.

Встреча Сергея с родителями Нины и его пребывание в их доме было для него не меньшим испытанием, чем в свое время встреча с родителями Тольки Шаркова. Тогда он увидел людей павших, грязных и измученных. Здесь же наоборот. Он видел, что отец Нины человек умный, интеллигентный. Мать ее производила впечатление женщины сильной, но доброй. Ее ласковые глаза, голос, открытая улыбка сразу располагали к себе.

Сергей сидел за столом и боялся поднять глаза. Он боялся увидеть еще раз на лице отца Нины отчужденность и недоумение. Нина же вела себя так, как будто Сергея и не было в комнате. Она сидела около матери, которая лежала на кушетке, и что-то говорила, говорила... Тимофей Никитович стоял около окна и молчал. Он вроде бы как ждал, когда дочь выговорится.

«Зачем я здесь? Кому я нужен?» — думал Сергей. Он готов был убежать, но продолжал сидеть, сознавая, что другого выхода у него нет.

— Сережа... Сережа,— вдруг услышал он голос Нины.— Ты, наверное, думаешь, что мама с папой тебе не рады?.. Да?.. Ты так думаешь?..

Сергей смотрел на ее лицо и не понимал, о чем она говорит.

— Мама! Ну скажи ты ему, пожалуйста, что ты рада видеть Сергея. И ты, папа, скажи. Ну, я прошу вас. Пожалуйста.

— Да успокойся ты,— тихо проговорила мать.— Сергей все понимает. Мы действительно рады, Сережа, что ты приехал к нам. Нина говорит, что вы подружились за это время, и она будет даже скучать без тебя.

— А я, думаете, не буду! — проговорил Сергей, не совсем понимая, что говорит.

— Дети вы еще, настоящие дети, — повернувшись к окну, проговорил Тимофей Никитович.

— Ты ошибаешься, папа, — подошла к нему Нина. — Ты просто не заметил, как я выросла... А Сергей даже старше меня. И мы уже оба взрослые. Да... да... Не перебивай. Я пригласила Сергея затем, чтобы с вами познакомиться.

— А разве мы против, — проговорил отец. — Мы ни тебя, ни Сергея за это не упрекаем. Только неясно, как вы будете продолжать свою дружбу. Ты в Москве, а Сергею, как я понял, надо еще заканчивать техникум в Костроме.

— А так вот и будем, — засмеялась Нина. — Будем, Сережа, правда?

Нина подошла к нему и положила руку на плечо.

— Вот что, Тимофей, накрывай на стол. Ведь соловья баснями не кормят. Нина с Сергеем, наверное, голодные, — мягким, но в то же время каким-то повелительным голосом проговорила мать Нины.

— Пойдем, Сережа, на кухню, я помогу папе, — взяла его за руку Нина.

За столом Сергей почувствовал себя свободнее. Ему даже показалось, что все страшное позади...

* * *

Уезжал Сергей из Москвы в воскресенье. Утром Тимофей Никитович пригласил его пройтись до магазина. Сергей понял, что ему хочется с глазу на глаз продолжить с ним разговор, начатый в день приезда.

— Ты, Сергей, близко к сердцу свои невзгоды не принимай. Время такое, сам видишь. Пройдет год, два, все на свое место встанет, — заговорил размеренным, низким баритоном Тимофей Никитович. — Окончишь техникум, будешь работать, все восстановится. У каждого жизненного явления есть две стороны: положительная и отрицательная. И порой трудно бывает понять сразу, что хорошо и что плохо. Взять, к примеру, мой переезд в Москву. Сначала я думал, что повезло. Из Костромы в Москву, повышение по службе. А сейчас с

удовольствием бы обратно вернулся. Там я был хозяином своего положения. А здесь чувствую себя потерянным человеком. Даже в наркомате, где работаю, меня знают только несколько человек, а наркома еще в глаза не видел. Казалось бы, положительное явление — повышение по службе, а взглянешь на него с другого конца — и повертывается оно обратной стороной, отрицательной.

Сергей слушал своего спутника, не перебивал.

«Действительно, — думал он. — Сначала я решил, что сделал глупость, приехав в Москву. А теперь вот рад, Тимофей Никитович показался мне при первой встрече сухарем и малопонимающим человеком. А оказалось, что он совсем другой — чуткий, внимательный и добрый человек. Вот и сейчас старается меня успокоить, обогреть, приободрить. Надо сказать ему спасибо».

— Спасибо вам, Тимофей Никитович, за все. Спасибо!

— Что ты, что ты, Сережа, — забеспокоился Тимофей Никитович.

Они на секунду остановились и, внимательно взглянув в глаза друг друга, все поняли.

— Ну, мы с тобой, братец, далековато ушли. Давай возвращаться. Нина и Оля, наверное, уже заждались. Так вот, если решишь после техникума куда-то поближе к Москве перебраться, напиши.

— Я, Тимофей Никитович, про себя давно решил. Куда Нина, туда и я. Конечно, до окончания учебы нам с Ниной часто встречаться не придется. Но бывать нам врозь тоже нельзя. Я боюсь за нее. Москва — не Кострома. Забудет она меня, и буду я всю жизнь тогда несчастным.

— Уж так и будешь, — иронически произнес Тимофей Никитович. — Мужчины, братец, менее устойчивы в любви. Женщины в этом отношении более долговечны. Годы твои такие, еще разлюбишь и опять полюбишь.

— Нет, Тимофей Никитович, у меня так не будет. Клянусь вам.

— О, как горячо, — засмеялся Тимофей Никитович. — Только напрасно ты мне это говоришь. Я ведь от тебя никаких признаний не требую. Ты лучше эти клятвы по другому адресу направь.

— Стесняюсь я ее. Говорили мы с ней обо всем, обо всем, а об этом как-то не приходилось. Вернее, говорили, но несерьезно.

— Что ж, еще не поздно. Вот приедешь еще раз в Москву, тогда и поговорите.

— Уже не потребуется. Я все слышала,— раздался голос Нины сзади.

Тимофей Никитович и Сергей обернулись. Перед ними стояла раскрасневшаяся Нина, в черной бархатной куртке, белой пушистой шапочке, из-под которой замысловато торчала прядь волос.

— Поверьте, не пыталась подслушивать ваш разговор,— начала объяснять она торопливо.— Только хотела вас окликнуть, а Сергей как закричит: «Клянусь вам...»

Сергей стоял, не в меру смутившись. Тимофею Никитовичу даже стало жаль его.

— Видишь, Сережа, Нина смелее тебя. Ну, вы идите домой, а я в магазин заверну.

Сергей взглянул на Нину, покачал головой.

— О чем же договорились? — бойко спросила Нина.

— Ни о чем. Я только сказал ему, что врозь долго нам с тобой нельзя.

— Конечно, нельзя, Сережа. И я это говорю. Хорошо бы тебе побыстрее в Москву перебраться. Но вот как? До окончания техникума, видимо, не получится.

— Лучше было бы тебе в Костроме остаться.

— Теперь это невозможно, Сережа. Ты только верь, верь мне. Я буду тебя ждать каждый день, каждый час, понимаешь?

15. Нелегкий день

Когда Саше приходилось раньше спускаться в овинную яму, она казалась ему загадочной и немного страшной. Он никак не мог понять, как это получается, что разложенный в яме костер, пламя которого поднимается чуть не до потолка, не поджигает овин. И куда уходит дым, когда нет у овина никакой трубы.

Сегодня он вместе с Селиваном Арсеньевым укладывал в овин снопы и подробно осмотрел его изнутри. Пол глиняный, над полом колосники, на которых устанавли-

ваются снопы. В каждом углу в полу дыра. Значит, теплый дым от костра, что горит под полом, идет через дыры внутрь овина и пробирается через снопы к потолочному отверстию. Раскаленный от костра глиняный пол надолго сохраняет тепло в овине и подсушивает колосья с зерном.

«Все просто,— подумал Александр.— А я столько лет проживаю в деревне и не знал этого».

Вечером он спустился в овинную яму, чтобы сменить Селивана Арсеньева. Костер горел ярко, разбрасывая искры во все стороны. Селиван сидел около лестницы и длинной палкой шевелил угольки. Александр понял, что тот печет картошку.

— Что тебе не спится, Александр Николаевич? — спросил его Селиван, назвав по имени и отчеству, желая тем самым подчеркнуть его равноправное с ним положение.

— Я пришел вас сменить, дядя Селиван. Отец сказал, что еще часа два надо здесь быть, а вам отдохнуть велено. Ведь завтра рано вставать придется.

— Для нас это дело привычное — рано вставать. Это, наверное, чернолесенские до высокого солнышка спят, а мы каждый день с первыми петухами просыпаемся. Вот картошечки печеной поедим и пойдем. Незачем тебе здесь одному оставаться. Я вот мужик, и то чувствую в овине всегда себя каким-то беспомощным. Не дай бог, думаешь, вдруг кому-нибудь придет в голову на тебя сверху камень сбросить. Стукнет — и не выберешься, и помощи попросить не у кого.

— Что вы, дядя Селиван! Кто это на вас камень бросать будет?

— Как кто? Да тот же Васька Гужов возьмет да и сбросит.

— А вы что с ним, в ссоре, что ли?

— В ссоре не в ссоре, а и облизываться не облизываемся. Он на меня обиду с тех пор еще носит, как я его в троицын день однажды по голове вдарил. Да и не только это. Мужик он таковский. Никогда не знаешь, что ему в голову взбрести может, особенно когда пьяный.

— А кого еще вы в деревне боитесь?

— Боюсь? Ты что? Никого я не боюсь. Это я говорю, какие мысли мне приходят, когда я один в овине сижу.

Селиван пошевелил палкой угольки и начал из-под них выкатывать картофелины. Взял одну в руки, пощупал и, улыбнувшись, проговорил:

— В самый раз. Мягкая. На-ко, бери.

Саша взял. Разломил картофелину пополам и понюхал. От нее шел необъяснимо приятный запах. Сколько раз Александр наслаждался этим запахом, когда вместе с мальчишками, находясь в ночном, с жадностью ел испеченную в костре картошку. И каждый раз она казалась ему вкуснее и ароматнее прежней.

— Ешь,— сказал Селиван.— Лучше печеной картошки, по моему разумению, только колбаса может быть. Другие огурцы, помидоры любят, а для меня нет продукта вкуснее, чем картошка.

Селиван повалил картофелину о землю, поперекидывал ее из одной руки в другую и начал снимать с нее кожуру.

— Я тоже люблю печеную. Уж очень она ароматная.

— А ты как, Александр Николаевич, насовсем решил в колхозе остаться или так, временно? — вдруг переключил разговор Селиван.

— Хотелось мне в техникум поступить, да вот по химии двойку отхватил, не приняли. Буду в колхозе работать.

— Отец мне твой жалился на это. А я ему сказал, что это к лучшему. По моему разумению, все, что ни делается, все к лучшему. Зачем тебе этот город сдался. Скучно там жить, Саша. Людей — что тараканов, и все друг другу чужие. В деревне все друг друга знают. За стены дома вышел, видишь — сосед идет. Поздоровался, перебросился словечком, и смотришь — на душе потеплело. Утром вышел за огород, огляделся — и как не бывало просонья. Свежесть в тебе сразу такая входит, что плясать хочется. А в лес за грибами пойдешь, сколько всякой живности насмотришься. Я вот очень люблю на муравейники смотреть. Любопытно, как муравьи себя ведут. Бегут от своего гнезда пустые, а обратно обязательно что-нибудь тащат. Один, смотришь, иголочку волочет, другой — листик, а если какой не справляется, ноша тяжелая, смотришь — к нему на помощь другие приклинаются. И далеко убегают, оканные. Порой метров за двадцать тропу пробьют. Где ты в городе такое увидишь? А птицы разные... Разве

таких птиц в городе увидишь? Ты наблюдал, как журавли в теплые края осенью летят? Видел, как они свой полет строят? Впереди — вожак, а от него треугольником на равном расстоянии друг от друга все остальные. Я вот все думаю и никак постигнуть не могу: почему они треугольником летят? Утки там и другие птицы ведь не выстраиваются так, а журавли обязательно в треугольник.

— Это потому, дядя Селиван, что им лететь легче. Журавли — птицы крупные, и когда летят, сопротивление воздуха большое. Вот они и выстраиваются в треугольник, острым углом вроде бы как разрезают воздух. Вожаку, конечно, лететь труднее всех, потому у него помощники есть, они его сменяют.

— Вона что? — удивился Селиван. — Скажи на милость, значимо, у птиц тоже мозги варят. Они тоже думают, как лучше да как легче?

— А как же? Только они не думают так, как человек, у них это по инстинкту происходит.

— А что это такое «инстинкт»?

— Инстинкт, дядя Селиван, то, что животное постигает опытом, такая привычка, значит, у них вырабатывается и из поколения в поколение передается.

— Скажи на милость. Не слыхал я доселе ни от кого такого. Много ты, Саша, знать стал. Хорошо это. Оставайся-ка в деревне, не уезжай никуда. Подрастешь — и будет из тебя хороший мужик, грамотный, сознательный. Изберем мы тебя своим председателем вместо отца, и станешь ты нами командовать... Разве в городе ты такое получишь?..

— Скажете тоже, председателем. Ведь мне еще только пятнадцать. Хотел я в строительный техникум поступить, да нет в нашем городе такого, подал в индустриальный, а там — конкурс. Вот и провалился. Теперь деваться некуда. Буду в колхозе работать.

— Ну вот, наконец и идти можно. Догорела наша теплица. Сейчас мы на угольки брызнем — и вылезать можно.

* * *

Саше показалось, что он только что уснул, а его уже будят.

— Мам, ведь я только что пришел, зачем так рано всполошилась, — сказал он матери, которая его будила.

— Пора, Саша... Все уже ушли на гумно. Я и так повременила маненько. Одевайся да и иди, а если не можешь, то я пойду. Только хотелось мне печку пораньше сегодня истопить.

Саша сел на кровать, потер руками лицо и встал.

На гумне он увидел баб, таскающих от овина снопы. Селиван Арсеньев с отцом выбрасывали их из овина, а бабы расстилали по гумну. Снопик к снопику, колосьями вовнутрь, в два ряда. Около конной молотилки копошился Мишка Арсеньев. А у самого овина стояли четверо мужиков с молотилами. Вот они встали в станок по двое с той и с другой стороны. И пошли стучать: тук-так, бух, бух. А Мишка ждал, когда снопы уложат до конца гумна. Тогда он встанет на молотилку. Лошадь побежит посередине снопов, молотилка загрохочет, запрыгает и будет выдавливать деревянными зубьями, что наколочены на катках, зерна из колосьев.

Саша подключился к работе никем не замеченный. Он начал таскать снопы, как и все. Но вот гумно застлано. Мишка завел лошадь как надо и погнал ее по снопам. Саша взял молотило. Он встал в станок с бабами. Было когда-то у него маленькое молотильце, специально сделанное для него отцом. Где оно теперь? Наверное, мать сожгла в печке. Сейчас у него молотило, как у всех взрослых, и молотит он, как и все, с отверткой. Только от его удара еще пояса на снопах не рвутся, как у отца или у Селивана Арсеньева. Саша старается изо всех сил. Хочется ему хотя бы разок так стукнуть, чтоб сноп подпрыгнул и рассыпался, но не получается. Снопы подскакивают, а пояски на них остаются. Пройдя с конца до конца в бабьем станке, Саша почувствовал, что руки у него как бы онемели. Он хотел бросить молотило и присесть отдохнуть, но бабы повернулись и пошли в станке обратно. Саша понял, что если он не сбавит свой пыл, то не выдержит. Он стал поднимать молотило пониже.

Затем он вместе со всеми снимал обмолоченную соломку с гумна, носил ее к стогу, сгребал зерно в ворох, но эта работа была уже полегче. Домой он шел устал. Ноги и руки ныли. На столе его ожидали блины со сметаной. После завтрака Саша, не раздеваясь, прилег в сенях на кровать. Он знал, что через час или два придется идти в поле картошку копать. Ему хо-

телось хоть немного подремать до этого. Проснулся он от сильного звонка. Кто-то бил в рельсину. Это был наряд.

— Сколько же я проспал? — спросил он мать.

— Да немногим побольше часу, — ответила та и попросила его сходить во двор и взять там две корзинки.

— Что, картошку подбирать пойдем?

— Да, Селиван уже давно проехал. Наверное, уже напыхал.

В поле Саша увидел все тех же, кто был утром на гумне. Только Мишка Арсеньев проехал верхом на лошади куда-то дальше. Зато появилась Линька Савельева. Она уже собирала картошку. Увидев его, замахала рукой: иди, мол, сюда. Но Саша не пошел к ней. Он встал в борозду вместе с матерью. Земля была сырая, тяжелая. Подкопанные плугом кусты с картошкой не рассыпались. Приходилось брать их за ветку, трясти, а затем разгребать пальцами землю и доставать оттуда оставшиеся картофелины.

— Плохая нынче картошка, — услышал Саша голос Дарьи Плешковой. — И мелкая, и клубней мало.

— А откуда ей быть хорошей-то. Ведь навозу-то почти ничего под нее не положили, — ответила Дарье Гужиха.

— Да и погода нынче была не для картошки. В самый разгар ее роста дождей не было.

Саша слушал этот разговор и думал: «Плохая... Но зато для всех одинаковая. Раньше у одних картошка, что твои тыквы, а у других мелочь, как горох».

Об этом он и сказал матери.

— На Дурандинских полях, говорят, покрупнее, — ответила та. — Там обложной дождь в июле прошел.

— Нет, Маша, Дурандинские поля пожирнее. Ты за-памятовала, что там ведь купчая Солодовых была, — проговорила Дарья Плешкова.

«Купчая Солодовых, — думает Саша. — Только это и осталось от Ивана Солодова. Даже Сережка и тот в деревне не появляется. Что с ним?»

— Саш, а Саш, иди высыпь из корзинки картошку-то. Что ты мучаешься? Ведь в ней больше меры. Ты почаще высыпай, тогда полегче будет.

Саша распрямился и чуть не вскрикнул от боли в пояснице. Он знал, что боль эта скоро пройдет, и поэто-

му подхватил корзинку и потащил к месту, где стояли мешки.

Около мешков он задержался и посмотрел вокруг. Селиван Арсеньев продолжал подпахивать борозды с картофелем. Участок был не велик — метров двадцать шириной и метров сто длиной. Но и он показался Саше огромным.

«До самого вечера хватит», — подумал Саша.

На вспаханном участке, что показался спервоначала Саше очень большим, картошка была собрана до обеда. Селиван Арсеньев отмерял еще такой же и продолжал копку.

16. Трактористы

— Значит, сын Николая Петрова, говоришь. Так... так... А сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Какой же из тебя тракторист? Через полгода окончишь курсы, а кто тебе трактор доверит, несовершеннолетнему?

— Вы и доверите, — спокойно ответил Саша.

Директор МТС поднял голову, внимательно взглянул на Сашу и покачал головой:

— Парень ты, видно, бедовый!

— Никакой не бедовый, обыкновенный.

— Очень хочешь быть трактористом?

— Очень.

— Ну, что ж, зачислим тебя на курсы. Учись. Только после них с полгодика придется тебе в мастерской поработать. Согласен?

— Согласен и на это, — широко улыбнулся Саша, довольный.

Через неделю он уже был в городе. В первый же день в комнате общежития, в которую его поместили, за столом собрались курсанты. На столе появилась водка, черный хлеб, соленые огурцы. Молодые мужики не обращали на Сашу никакого внимания. Разговаривая, они густо приправляли речь солеными словечками и громко смеялись.

Саша сидел на койке и делал вид, что читает.

— Петров! А ты что там один? Иди, присаживайся.

Давай приобщайся, братец, к нашей науке,— проговорил под одобрительный смех высокий, черноволосый парень, который сидел с Сашей на занятиях за одним столом. Его звали Юрка.

— Спасибо. Я не хочу,— ответил Саша.

— Наверное, деньжонок отец не дал? — спросил снова черноволосый.

— Деньги есть. Пожалуйста,— Саша вынул из кармана пять рублей и подошел к столу.— Вот, нате...

— Да он шутит. Возьми свои деньги и садись. Вот здесь, со мной рядышком,— проговорил коренастый, с рыжей щетиной на подбородке мужик.

Саша сел. Ему налили полстакана.

— Итак, за науку! — закричал Юрка и опрокинул стакан в рот.

Саша пригубил, нарочито закашлялся и отставил стакан в сторону.

— Какой же из тебя тракторист, если ты полстакана водки осилить не можешь,— хрустя соленым огурцом, сказал Юрка.

— Я зарок дал — не пить,— ответил Саша.

— Зарок?! — удивился Юрка.— Что это еще за зарок?

— Слово сам себе дал — вот что.

— Скажи пожалуйста. Он слово дал. Слышите, ребята, не успел еще опериться, и уже — слово.

— Что ты к нему пристал? — раздраженно заговорил рыжебородый.— Правильно делает малый. Решил не пить! Дай бог. Что еще может быть лучше.

— А ты, рыжий, заткнись, ни с тобой говорю. Умным хочешь быть. Может, учить меня станешь?

— Хватит вам! — вступил в разговор кряжистый белокрысы детина, который до этого не произнес еще ни одного слова.

Все замолчали. Выпили еще...

— Неизвестно, что еще из этих колхозов получится,— первым нарушил молчание Юрка.— В нашей деревне пока дела не ладятся. Председателем избрали Мирона Кожухова. Может, слышали? Он свой пряничный курень раньше в городе имел. Ему этот колхоз в самой печенке сидит. Но хитрый, бестия. Прослышал про раскулачивание и подал заявление: хочу вместе со всеми коллективно трудиться.

— Ну и пусть трудится. Может, всерьез так решил,— отозвался рыжий.

— Ишь ты— всерьез. Нет. Сейчас все видят, что он вступил для того, чтобы тянуть для себя все из колхоза.

— Не бренчи зря, парень! — пробасил белобрысый здоровяк. — Я Кожухова знаю. Серьезный мужик.

Юрка выпучил глаза и часто, часто заморгал.

— А откуда ты его знаешь?

— Знаю, стало быть, если говорю. Я у него пекарем работал.

Саша смотрел на малознакомых ему мужиков, слушал их разговоры и думал: «Вот ведь, только встретились, а сидят, пьют вместе, как будто давно знакомы. И каждый хочет показать свою силу, свое превосходство над другими. Юрка выдает себя за такого, которому все нипочем. Вон как на рыжего набросился. А тот тоже себе на уме, и бровью не повел — плевать, мол, я хочу на твой крик. Но белобрысый из всех — самый сильный. Недаром этот балагур против него слово боится сказать. А те двое — молчат. Хрустят огурцами и молчат. Что они за люди? Вот Кожухов курень имел и пошел в колхоз. А Сережкин отец почему-то не захотел. Жил бы сейчас, как все, в колхозе... Нет, захотел по-своему. Ну и прозябает теперь где-то на Севере».

— Не любят твоего Кожухова у нас люди. Все — в поле, а он — на лошадке в город. Всем по трудодню, а ему два записывают.

— Дурак ты, паря! — забасил снова белобрысый. — Коммуны, значит, сразу хочешь. Чтоб все были равны, всем поровну. А небось сам учиться на тракториста пошел для того, чтобы побольше других зарабатывать. Так, что ли?

— Откуда знать, какой еще заработок-то будет? Послали, и пошел.

«Послали, и пошел, — думает Саша. — Вот и я также, хотел в контору, а пошел на курсы. Отца послушал. А может, трактористом лучше быть, чем в конторе? Может? Откуда знать?!»

Его размышления прервал Юрка:

— Э! Сашка, иди допивай свое пойло, чего стакан опоганил?!

— Не неволь, говорят тебе! — пробасил белобрысый. — Допей сам. Вижу, что давно на стакан косишься. — Встав из-за стола, он направился к двери.

Рыжий мужик медленно, будто нехотя, поднялся из-за стола потоптался немного и подошел к Саше. Присел на кровать.

— Хорошо делаешь, сынок. Рано тебе еще к такому делу привыкать. Откуда будешь-то?

— Из Коростелей. Может, слышали?

— А как же, знаю, знаю. Я в вашей деревне по троицам гуливал. Как фамилия-то?

— Петров.

— Петров? — удивился мужик. — Не сын ли Николая Ивановича, председателя колхоза?

— Сын.

— Ишь ты. С твоим отцом я знаком. Мы с ним вместе в волисполкоме заседали. Правильный мужик, прямой.

Саша взглянул на рыжего, посветлел. Ему было приятно, что нашелся человек, который знает его отца и говорит о нем хорошо. В комнате как будто стало теплее.

Зима в этом году была крутая. Морозы доходили до тридцати градусов. В общежитии, где жили курсанты, температура по ночам снижалась до десяти.

Саша не привык спать в холоде. Дома он спал на полатах рядом с печкой, а здесь его койка стояла около окна, от которого постоянно тянуло холодом.

С вечера он завертывался с головой в одеяло, поверх которого набрасывал полушубок, и засыпал. А под утро просыпался от озноба и уже не мог уснуть. То зяб один бок, то другой, а главное — ноги, которые оставались под одним одеялом и замерзали.

Свернувшись калачиком, Саша силился согреться своим же дыханием, под одеялом, но вскоре высовывал голову, не выдерживая духоты. А его товарищи по курсам — взрослые мужики — почему-то не мерзли и спали с завидным храпом. Саша вглядывался в их лица и невольно старался представить себя вот таким же взрослым, сильным. Белобрысый здоровяк спал под одним одеялом, которое небрежно набрасывал на свое огромное тело, и мгновенно засыпал. С того вечера, когда курсанты впервые сели вместе за стол, чтобы распить

водку, этот здоровяк проникся к Саше каким-то особым уважением и старался опекать его.

Саше тоже он понравился. Одного только не мог он понять, почему здоровяк никогда не улыбается. Какие только смешные истории не рассказывает Юрка, никто не удерживается от смеха,—а он хотя и слушает со вниманием, но не улыбнется.

— Буйвол, и только,—злился на него Юрка.—Тебя ничем не проймешь.

— Не по твоему уму эта задача. Все, что ты мелешь, я сотни раз слышал, хотя ты и выдаешь эти небылицы, как будто бы это с тобой лично случалось. Знаешь, как твои побасенки называются? Анекдотами. Так вот, пусть будет тебе известно, все они уже с бородой.

Юрка хитро улыбался и тут же начинал рассказывать очередную историю, которая якобы приключилась с ним совсем недавно. Здоровяк слушал, не перебивал, а когда все начинали хохотать, пожимал плечами и махал рукой.

Вчера он ходил вместе с Сашей к Насте в больницу. Саша ежедневно навещает сестру, сообщает ей новости из деревни, что узнает из писем. Вчера, когда он зашел в палату, Настя стояла у окна и внимательно смотрела на улицу.

— Настя, к тебе брат...—проговорила пожилая женщина.

Настя быстро повернулась. Зарделась. Саша подошел к ее кровати. Настя взяла его за руку и повела в коридор.

Они сели на диванчик, в стороне от других. Настя разговаривала тихо, чтобы никто их не слышал. Хотя и стала она заикаться меньше, но стеснялась этого еще больше, чем раньше.

— Н... ну, что пишут из дома? —спросила она.—Как там?

— Все хорошо. Отец сообщает, что скоро приедет тебя навестить. Мама и он передают тебе поклоны. Спрашивают, что тебе привезти?

— Напиши, чтобы меду купили. Врачи советуют чай с медом пить.

— А как у тебя, Настенька, дела? Ты лучше стала выглядеть. На щеках румянец появился.

Настя взглянула потускневшими глазами на брата и покачала головой.

— Нет, Саша, не лучше. Это температура. Я чувствую, что с каждым днем теряю силы и все-все мне становится почему-то противным. А как у тебя с учебой?

— Хорошо, на днях трактор самостоятельно вел. Знаешь, как здорово! И отметки по всем предметам хорошие...

— А ты не хвастайся,— перебила его Настя.

— Я и не хвастаюсь. Я правду говорю.

— И правдой не хвались. А то будешь, как Сережка Солодов, нос кверху задирать.

— Не буду, не беспокойся. Мне пока еще задаваться нечем. Ты спросила, я тебе ответил, как есть.

— Еще что пишут из дома?

— Больше ничего, все живы, здоровы, к весне готовятся, семена сортируют. Да, чуть не забыл. Есть одна новость. Кузницу открыли. Мишка Арсеньев там молотобойцем.

Настя взглянула мельком на Сашу и опустила голову. Пальцы ее нервно задрожали. Почувствовав это, она положила руки на колени.

— Вот и все новости,— постарался было продолжить Саша разговор, но Настя встала и тихо пошла к палате. Дойдя до двери, она повернулась и тихо сказала:

— Ну, ты иди. Спасибо. Напиши домой сегодня же и передай от меня поклон.

Саша стоял перед сестрой и чувствовал себя так, как будто он в чем-то провинился. Настя кивнула ему головой и скрылась за дверью. Саша почувствовал, как он сильно любит сестру и жалеет ее. Ему стало почему-то неудобно, что он здоровый, а она больная. Лучше бы он болел, а она была здоровая... «Неужели умрет Настя?.. Неужели умрет?..» — думал он.

— Ты что меня с сестрой-то не познакомил? — услышал Саша позади голос.

— А я и забыл, что ты со мной пришел.

— Плохи у нее дела, значит. Молодая такая, красивая — и на тебе, пожалуйста, такая болезнь. Давай ей от нашей комнаты что-нибудь купим. Что ей надо?

— Мед врачи советуют.

— Вот, вот, мед и купим.

— Нет, не надо. Я отцу напишу, он придет,— смутился Саша.

— Не дури, Сашка. Мед мы купим, а отец что-нибудь другое пусть привезет.

Саша проникся еще большей благодарностью к беклобрысому.

Саша знал, что зовут его Степаном. Отчество он своего не назвал. Его так все и звали — Степан. Хотя лет ему было уже за тридцать. Родом он из Чухломского района. Работал одно время в городе по кондитерскому делу. Когда же создали колхоз в его деревне, вернулся домой. Саша как-то спросил его:

— Вы, наверное, пряников сколько хотели, столько и ели, если их сами делали?

— Мне эти пряники вот где сидели,— ответил Степан, показав на горло.— Я на них даже смотреть не мог. Так, детишкам привозил, а сам не ел.

Зато водку пил Степан с каким-то особым наслаждением. Подносил стакан ко рту, обнюхивал его, затем долго смотрел на прозрачную жидкость и проглатывал одним глотком, но пил Степан только по субботам и почти не хмелел. А вот Юрка чернявый пил через день и обязательно с кем-нибудь заводил ссору, ругался и рвался в драку. Степан в таких случаях брал Юрку за плечи, заглядывал ему в глаза и говорил:

— Если еще пикнешь — придушу. Понял?

Юрка сразу успокаивался и валился в постель. Поворачиваясь несколько минут, он засыпал. А на другой день всех уверял, что пьяным не был и ни на кого в драку не лез, все это выдумки. Саша никак не мог понять: или Юрка врал, или в самом деле все забывал.

Рыжий мужик — Еремей Чурбаков — после первого вечера ни разу больше водку не пил. Держался он от Степана и Юрки в стороне, как бы и не замечал их. Когда Юрка к нему приставал, он просто выходил из комнаты — и возвращался, когда тот уже спал. Только один раз не вытерпел и сказал ему:

— Если будешь хулиганить и пить, уберу тебя с курсов.

Так и сказал: уберу. Саша тогда подумал: «Почему Чурбаков так говорит? В чем его сила?» А потом узнал: Чурбаков — член партии и коммунисты-курсанты избрали его парторгом. К Саше он относился тепло, по-от-

цовски. И Саша отвечал ему тем же. Будучи малограмотным, Чурбаков не вел на занятиях никаких записей и пользовался Сашиными. Он подолгу сидел вечерами за его тетрадями, пытаясь постигнуть, как ему казалось, недоступные премудрости. Саша ему помогал.

После окончания курсов Сашу взяли в Чернолесенскую МТС в мастерские. Но трактористов в МТС не хватало, и через несколько месяцев, после того, как он у эмтээсовского начальства на глазах проехал на тракторе несколько раз по кругу, послали на тракторе в колхоз Коростели — вспахивать луг.

Саша сидел на тракторе как на пьедестале. Гордо подняв голову, он твердо держал в руках рычаг, показывая всем своим видом, что это очень непросто вести трактор, особенно когда он тянет за собой двухлемешный плуг.

Вся деревня вышла на поле посмотреть на то, как железный конь будет пахать землю. Мужики следили за тем, с какой легкостью перевертываются широкие пласты дернины, как превращается зеленый ковер в темную, маслянистую землю.

— Мил человек, Никола, на наших лошадях здесь, поди, месяц бы мы проковырялись. А Сашкиной лошадию раз-два — и готово, — прокричала Матвейха.

— Молодец, Сашок! Здорово получается, — похвалил сына Николай Иванович, не отрывая глаз от плуга.

— Артист, да и только, — захихикала Матвейха.

— Артист не артист, а заправский тракторист, — срифмовал Мишка Арсеньев.

— А я что говорил? Нет у него канцелярского нюху. Не для стола он создан. Его сызмальства ж машинам тянуло. Помнишь, Николай Иваныч, когда Солодов молотилку купил, так Саша от нее целый день не отходил, все колесики, все винтики перещупал, — проговорил Селиван Арсеньев.

Трактор вдруг остановился. Саша ловко спрыгнул с сиденья, подошел к мотору.

— Что случилось, Сашок? — с тревогой спросил отец.

— Что-то с подачей.

Все сделали несколько шагов в сторону. Николаю тоже почему-то показалось, что вот-вот трактор взорвется.

Саша быстро что-то отвернул, куда-то подул и, взяв ручку, начал заводить. Но мотор, сделав один-два вдоха, замолкал.

— Дай-ка я вертану,— сказал отец.

«Тук... тук... тук...» — повторял уже в который раз трактор и снова замирал.

Вытерев со лба пот, Николай Иванович крепко выругался и бросил ручку на землю.

— Это тебе, мил человек, не лошадь,— захихикала Матвейха.— Той «сказал «тпру!» — встала, шумнул «но!» — пошла. И никакой тебе подачи.

— Придется в МТС ехать. Свечу менять надо, зажигания нет,— сказал Саша, обращаясь к отцу.

— А как же с трактором? Не оставлять же его на лугу? — спросил Николай Иванович.

— К вечеру вернусь,— на ходу крикнул Саша.

Мужики переглянулись, посмотрели на замолчавший трактор и зашагали к деревне.

— Рано, наверное, его за трактор посадили. Еще бы надо годок подождать,— проговорил Селиван Арсеньев.

Николай Иванович промолчал. Потом вдруг спросил:

— Так говоришь, Матвейха, «но!» — и лошадь пошла?

— Именно так. Бывает и такое, мил человек, что и стегануть ее надо для прибавления шагу. А то одно слово — и весь завод.

— Нет, не скажи, Матвейха. Ты, наверное, помнишь, когда у моего отца была кобыла с норовом.

— Как, мил человек, не помнить. Иван тогда почти целый день в тулупе в дровнях просидел. И ведь пошла все-таки, окаянная! Пошла, не переупрямила человека.

— А ты говоришь: одно слово — и завод.

— Так то ненормальность лошадиная,— возразила Матвейха.

— А это ненормальность тракторная,— ответил Николай Иванович.

— И то верно,— согласилась Матвейха.

Николай Иванович шел широким шагом. Мужики и бабы не успевали за ним. Стараясь умерить шаг председателя, Матвейха заговорила:

— А ты не слышал, Никола, рассказывают, Митрий Гужов в лесу объявился.

Николай Иванович остановился. Взглянул недоверчиво на Матвейку и спросил:

— Кто видел?

— С Венькой вместе его на Гривине видели.

«Вот это новость»,— подумал Николай Иванович и тут же вспомнил свой разговор в лесу с Шершневым и Анфисой. Никому он тогда об этом разговоре так и не рассказал. Анфиса с тех пор в деревне не появлялась. Вспомнил он и разговор с матерью Анфисы — Варварой, к которой специально как-то зашел, чтобы узнать, где обитает ее дочь.

«Не нашел Федор-то в своей семейной жизни утешения,— рассказывала Варвара со слезами на глазах.— Жена ему была нелюба, а к тому же и бесплодна. Вот он и мотался по Волге, как лютый зверь, выискивая свою жертву. Анфису заприметил он в церкви. Прямо там к ней и подошел. В Чернолесье Федор был человеком почтенным, а как мужик, сам знаешь, батюшка, он кровь с молоком. Анфисе его внимание было лестно. Было ей тогда двадцать, а ему уже за сорок. Как дальше у них все складывалось, Анфиса мне не поведала, а когда случилось с ней неминуемое, Федор обратился за помощью к своей сестре Софье, та поведала напасть брата своему мужу Ивану. Он-то и поместил мою дочь в лесную сторожку. Слышала я тогда, что бывает в Коростелях какая-то святая Матрена, да не навел меня господь на догадку. Не думала я, что это моя Анфиса. Считали мы со стариком, что уехала наша Анфиса куда-то далеко. Ждали весточки, мучились за ее судьбу,— и вдруг Анфиса объявилась в селе у Федора Богомолова. Тогда-то моего деда и ударило в одночасье. Не мог он перенести такого позора. А мое дело, сам понимаешь, батюшка, материнское. Приняла я Анфису, выведала у нее, что смогла, приласкала ее и внучку, а она внучку мне оставила и опять сбежала. Не видел ты, батюшка, Леночку-то, копия — мать. Гуляет сейчас она. Может, забежит, так полюбуешься. Так мы с ней вдвоем и живем. В школе она уже учится. Федор-то заходит иногда, подарки приносит, да и деньжонок кой-когда дает. Спасибо ему. Я, батюшка, на него не в обиде. Судьба, значит, такая и ему, и дочке моей. На все ведь воля господня. Где сейчас Анфиса? Не знаю, батюшка. Как перед богом перед тобой клянусь, что не знаю.

Слышала от людей, что уехала она куда-то далеко. А куда — не знаю. Жду каждый день весточки, да, видимо, господу богу не угодно душу мою успокоить. Так, наверное, и заберет он меня, грешницу, не раскрыв ее второй тайны».

Не знал Николай Иванович, что Илья Шершнев после их встречи в сторожке познакомил Анфису с одним речным капитаном, который отдыхал в доме отдыха, и отправил ее с ним в Астрахань. «От греха подальше», — решил он после того, как Анфиса открылась ему во всех своих прегрешениях.

«Не дали мои родители вовремя выхода моей душе на волю. Держали они меня словно птицу в клетке. И не было силы сдержать себя, когда увидела, что Федор Богомоллов вяжется за мной. Вспыхнуло все во мне и запылало горячим пламенем. Ни спать, ни есть я спокойно не могла, только о нем и думала, а когда насладились его силой и лаской, почувствовала, что погибла. Знала, что отец не простит мне этого. Знал это и Федор. Да и сам он боялся огласки пуще меня. Тогда-то и предложил он мне жизнь скиталицы. В лесной сторожке мне не оставалось ничего, кроме чтения книг Священного писания. Читала я и молилась, молилась и читала. Федор попервоначально хотя и редко, но все же навещался, а потом вдруг охладел. Полгода прошло, а от него ни слуху ни духу. А Иван Солодов каждую неделю на глазах. То молока принесет в баню, то яиц, то хлеба. Присядет, поговорит, душу вроде бы как мою успокаивает, а сам меня всю глазами обшаривает. А однажды ночью вдруг появился он в бане в одном нижнем белье. Встал в дверях словно привидение и уставился на меня своими сальными глазами, а я только что помылась и была в чем мать родила. Я поняла, что Иван через дверную щель ножом отомкнул крючок и пришел ко мне, чтобы предложить себя. Что было делать? Я знала, что наступит такой момент, видела и чувствовала это. Не было у меня к нему никакого чувства, но обида на Федора перетомила душу — и я отдалась Ивану. С тех пор и начал он навещать мою сторожку. И как ни пытались мы скрыть нашу связь от Софьи, та все же поняла, что тешит меня ее муж не одним господним словом. Но хранила она тайну мужа пуще его. А все же до конца не выдержала, намекнула

своему брату о том, что я неверна ему. «Думала,— говорила мне после Софья,— что Федор не смирится с этим, увезет тебя из сторожки, а он только зубами скрипнул и буркнул: «Знаю, не слепой...» Тогда-то и решила я поссориться с Иваном. Выгнала его из сторожки. Иван взбесился. А я только этого и ждала. На этом наше грехопадение и кончилось. Иван пытался через какое-то время вернуться к прежнему, но я пригрозила ему, что расскажу обо всем старосте — Дмитрию Гужову или Федору. Он перепугался этого и больше уже не приставал ко мне. Я видела, что бедная Софья мучается от ревности, и все рассказала ей, а сама пождала, пождала Федора, да и решила вернуться в Чернолесье и заявиться прямо к нему. Так и сделала. Но Федор принял меня не как отец своей дочери, а как попечитель. А после смерти отца проводил меня подброду из своего дома и пригрозил, что если стану слух о нем разносить, то не жить мне долго на свете. А его жена поедом меня съедать стала. Не могла я даже на улице показаться, а тут заехал в Чернолесье ты, Илюша, и надо уж было так случиться, что пришлось нам с тобой в город на одном пароходе ехать. Вот теперь и торчишь ты вместо Федора, как острый гвоздь в моей душе. Теперь я снова в лесной сторожке — и уж не Федора жду, а тебя, мой ненаглядный Илюша».

Шершневыслушал чистосердечное признание бывшей «святой» Матрены и понял, что попал как кур во щи. Тогда-то и пришла ему мысль сплавить Анфису куда-нибудь подальше. Подвернулся ему под руку вдовец капитан в доме отдыха, за него-то и сосватал он Анфису.

Николай Петров сразу понял, где обиталище Дмитрия с внуком. Конечно, в сторожке. Но почему Дмитрий прихватил с собой Веньку? Видимо, отбыл тот свой срок в колонии. Значит, нужен Венька Дмитрию. Так, пожалуй, можно и еще какого-нибудь происшествия дожидаться. Надо принимать меры. Николай совсем уверовал в то, что поджог — дело рук Дмитрия Гужова.

Саша вернулся из МТС затемно. Около трактора сидела Матвейха. Саша с фонариком в руке начал копать в моторе. Матвейха поспешно встала и, ни слова не сказав, поплелась в деревню. Вскоре ночная тишина огласилась мерным постукиванием тракторного мотора.

Шум его донесся и до деревни. Николай Иванович стоял около своего дома и внимательно прислушивался к тракторному голосу. «Молодец, Сашок,— думал он.— Исправил».

Вдруг трактор замолк. У Николая Ивановича замерло сердце. Неужели опять поломка? И тут он вспомнил, что недавно вырыли около деревни пруд, а Сашка не знает об этом. Переждав минуту, он заспешил туда, откуда ранее доносились звуки тракторного говора. Выбежав в гуменники, Николай уже не сомневался, что произошло что-то неладное. Ведь именно там, откуда доносился стук мотора, и находился новый пруд.

— Сашка, Сашка! — крикнул Николай Иванович, надеясь, что сын отзовется. Но ответа не последовало.

Не добежав нескольких шагов до пруда, он увидел в воде перевернутый трактор. С противоположной стороны доносился стон.

— Только бы жив был, только бы жив,— повторял он про себя, поспешно обогнув пруд.

Саша лежал в воде, уткнувшись лицом в глину. Отец приподнял его за плечи и потащил на сухое место. Александр стонал. Положив сына на землю, Николай закричал во все горло: «Помогите!»

17. На больничной койке

Красная Армия! Сколько хороших книг написано о ней, сколько песен сложено. Читал эти книги, вместе со всеми пел боевые песни о грозных походах Красной Армии и Сергей Солодов. Читал, пел и ни разу как-то всерьез не подумал, что придет такое время и его призовут в армию.

И вот сейчас он сидит в душной, до отказа набитой молодыми парнями комнате, ждет очереди на призывную комиссию.

«Нина, Нинка, моя милая, как же теперь все будет? — думает Сергей. — Конечно, наверное, сразу не заберут и я смогу съездить в Москву. Но все равно придется потопать под ружьем. Ушлют куда-нибудь к черту на кулички, и прощай тогда, моя любовь, мое счастье. Ну, почему так не везет мне в жизни?»

— Солодов!..

Сергей нехотя встал и шагнул к дверям. Десятки глаз смотрели ему вслед. Вышел Сергей с призывной комиссии ободренным.

— Куда? — раздались голоса.

— Здесь, в связисты определили.

— Повезло! — воскликнул худощавый курносый парнишка.

— Кто как считает. Я вот, например, здесь ни за что бы не остался. Какая это к черту служба — дома! То ли дело где-то на границе, в сопках или около моря, — возразил курносому, одетый в засаленную телогрейку, с рябинами на лице, крепыш.

Сергей повернулся — знакомое лицо.

«Кто же это? Где я его видел? — думал Сергей. Рябой парень безразлично взглянул на Сергея, отвернулся. — Значит, меня не знает. Откуда же я его... Постой, постой... Да ведь это Толькин дружок. Мы вместе у Нонки были», — вспомнил Сергей. Тяжелым сном было для него это воспоминание. И все же Сергею захотелось спросить парня, не знает ли он, что стало с Толькой? Но в этот момент знакомый голос назвал фамилию: Лёдов. Рябоватый встал и быстро юркнул в дверь.

Сергей вышел на улицу и направился через сосновый бор к центру города. «Надо зайти на почту, послать Нине письмо. Напишу: оставлен в Костроме. Перед армией обязательно приеду в Москву». Сергей шел медленно, мечтая о счастливой встрече.

— Э... Солодов! — услышал Сергей голос сзади. Он оглянулся и увидел Тольку. Тот шел вместе с рябоватым крепышом.

— Ну, что, лягавый, попался?! — прошипел Толька, остановившись в двух шагах от Сергея.

— Толька, где ты пропадал? — спросил Сергей.

— Прикидываешься, было. А кто меня продал?

— Никого я не продавал. Вы что, ребята, — робко проговорил Сергей, ничего не понимая.

— Отпираешься, лягавая сволочь? — рябой подошел к Сергею вплотную.

— Честно говорю, ничего не знаю...

Сергей не договорил фразы. Сильный удар в подбородок свалил его с ног. Он потерял сознание.

Очнулся Сергей в больнице. Лицо забинтовано, подбородок остро ноет. Он понял, что рябой ударил его ножом. Видимо, метил в горло, но нож скользнул по подбородку.

«Все складывается против моего счастья»,— подумал Сергей.

На другой день в палату пришел милиционер, стал расспрашивать о случившемся. Сергей не мог назвать ни рябого, ни Тольку. Слишком неприятны были ему воспоминания о тех днях.

* * *

В больничной палате пять коек. Ночью на одной из них появился новичок. Вот он проснулся и, приподняв веки, обвел комнату тусклым взором и снова закрыл глаза. В его памяти зримо возникла деревня, огромный зеленый луг.

— Саш, а Саш...— слышит он голос матери.— Болит голова-то, а?

— Сынок, взгляни, какой я тебе подарок привез,— врезается голос отца.

— Хочешь пряника? — спрашивает Сережка Солодов.

— Султан! Султан! — слышатся разнобойные голоса мальчишек.

Александр открывает глаза, медленно поворачивает голову и внимательно ощупывает взглядом каждую из кроватей. Две из них пусты, но не заправлены. Видимо, больные вышли. На одной сидит мужчина в серой потертой пижаме, читает книгу. Узкий длинный подбородок покрыт щетиной. На горбатом носу висят очки.

Александр лежит на спине. Его правая рука и плечо в гипсе. Он пытается вспомнить все по порядку. Вот он подходит к трактору, освещает мотор электрическим фонариком, меняет свечи зажигания. Заводит трактор: вертит ручкой раз, другой, третий — и мотор зарычал знакомым ровным размеренным звуком. Александр забирается на сиденье трактора и берется за рычаг. Трактор трогается. Он направляет его в сторону деревни. И вдруг проваливается. На него наваливается что-то очень тяжелое. Он чувствует, как хрустнуло плечо. Преодолевая страшную боль, старается высвободиться из-под тяжести. Рывок, отчаянный стон от боли. Голова

вынырнула из-под воды. Он карабкается к берегу и теряет сознание. И вот... больница. Он жив, но изувечен.

Александр закрывает глаза и старается ни о чем не думать. Но мысли одна за другой вьются в голове: вытащили ли из пруда трактор? Что говорят в деревне и МТС? Сможет ли он снова работать? А может, его будут привлекать к ответственности за поломку машины?

И вдруг рядом знакомый голос. Александр вздрагивает и смотрит на кровать, что стоит напротив. На ней лежит человек с перевязанным лицом, видны только глаза и нос. Человек, приподнявшись с подушки, глядит на него. Александр чувствует, что глаза человека ему знакомы.

— Сашка, это ты? — спрашивает человек.

— Я. А ты кто?

— Не узнаешь? Трудно, конечно. Вот встреча. Надо же так... в больнице.— Человек встает и подходит к Александру.

— Сережка! — обрадованно кричит Александр.

— Он самый. Когда тебя сюда привезли?

— Ночью. Я только проснулся.

— А что случилось?

— Покалечило. Трактор перевернулся. Видишь, в гипсе. А с тобой?

— Еще хуже. Плечо и рука заживут, а вот изуродованное лицо уже не поправишь.

— Кто тебя?

— Долгая история. Расскажу как-нибудь после. А сейчас давай о себе. Ведь мы не виделись, наверное, года три.

— Пожалуй... Ты совсем забыл деревню, как в воду канул.

— Забудешь...— задумчиво проговорил Сергей.— Сколько раз собирался—и все как-то не получалось. Зимой—учеба, летом—практика, да и работать надо было. Мне ведь никто не помогал.

У Александра заныло сердце. Ему стало жаль своего старого дружка, у которого так несуразно сложилась жизнь.

— Как отец, мать? — спросил Саша.

— Мать недавно умерла,—вздыхнул Сергей. На глазах у него появились слезы.—А отец вроде как бы

освоился там, сошелся с какой-то женщиной, работает.

— А ты?

— Окончил техникум, старался в Москву попасть, там мои хорошие знакомые живут, но не получилось. Распределили меня в Сусанино. Заведую сберкассой. Хотел уехать, но пригрозили, так что не посмел. Так там и работаю. Неделю тому назад призывную прошел. Скоро, значит, в армию. Здесь, в Костроме буду служить.

— Сережка, а помнишь, как я шишку съел?

— Помню, конечно. Ничего не забыл. А как там, в деревне?

— Все так же. Только колхоз теперь. Мой батя — председателем. На курсах был, подучился малость.

Сергей, опустив голову, молчал. Александр вспомнил разговор отца с Иваном, и ему показалось, что заговорил он об отце некстати.

— Да,— задумчиво произнес Сергей.— Отец у тебя мужик правильный, а вот мой и себе, и матери, и мне жизнь искалечил. Жила мать с ним не в радости и умерла в страданиях. Я ему написал, что знать его больше не хочу. Обиделся. Прислал письмо — богом страшает. Погубил его этот бог.

Александр почувствовал, что на душе у Сергея тяжело. Захотелось сказать ему что-нибудь приятное, успокаивающее.

— Линька Савельева о тебе часто спрашивает. Недавно подошла ко мне и говорит: «Ты не знаешь, где Сережка и как он живет?» А я ей в ответ говорю: «Женился он». Это я в шутку. Встретишь — говорит — передай ему привет. Вот я тебе его и передаю.

— Ей тоже передай. Ведь она, кажется, сестрой мне приходится по отцу,— криво улыбнулся Сергей.

— Хватит тебе мучить себя, Сережка, всякой ерундой.

— Да не ерунда это, Сашка. Не притворяйся, что не знаешь.

Оба помолчали.

— Не клеится у меня пока жизнь,— первым заговорил вновь Сергей.— Любовь — и то рушится. Надо было такому случиться. Встретил девушку, полюбил, а она в

Москву уехала. Вот теперь и мучаюсь. Увидит, как меня изуродовали, отвернется.

— Если любит, не отвернется. Подумаешь, рубец на лице,—старался успокоить друга Александр.

Сергей пожал плечами, улыбнулся и начал читать стихи:

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.
Никнут шелковые травы.
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы,—
Я одурманен весной.
Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.
Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птицы, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

— Чьи это стихи, твои? — удивленно спросил Александр.

Не ответив на вопрос Александра, Сергей спросил:

— Превосходно, правда?

Александр кивнул головой и попросил прочитать еще. Сергей стал читать.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем...

Сергей читал почти шепотом, с полузакрытыми глазами. Саша заметил, что каждое слово стихов он произносит с каким-то упоением, и невольно сам впал в это же состояние. Когда Сергей закончил читать, Саша лежал с закрытыми глазами — и ему не хотелось их открывать.

— Ты что ж, уснул? — спросил Сергей.

— Скажешь тоже. Ты знаешь, Сергей, это просто здорово. Неужели это ты написал?

— Нет. Это стихи моего тезки — Сергея Есенина. А знаешь, кем он был? Деревенским мальчишкой. Отец его — рязанский мужик. Тридцати лет он повесился.

— Повесился? — удивился Александр. — Почему?

— Кто знает почему. О нем ведь совсем мало писали, еще меньше издавали.

— Почитать бы...

— Да не так просто найти его стихи,— с сожалением произнес Сергей.— О нем и говорят-то мало. Больше о Маяковском рассуждают все.

— Маяковского я читал,— проговорил Александр.— Мы его в седьмом классе изучали. А вот Есенина не привелось, но теперь обязательно почитаю.

— Да не найдешь ты его стихов. Они теперь мало печатаются,— ответил Сергей.— Его некоторые считают поэтом крестьянским, чуть ли не кулацким. А я вот его люблю. Может, потому, что я — сын кулака,— усмехнулся Сергей.

— Перестань, Сережка, кривляться. Я хоть отца твоего и не любил, но кулаком его не считал,— проговорил Александр.

— Но отец твой считал. И дядя твой — Павел — тоже считал. И раскулачили его они.

Александру стало неудобно. Он понял, что Сергей знает о разговоре отца и дяди с Иваном, когда тот приезжал с Севера. Спросил:

— Он тебя видел, в то время, когда приезжал с Севера-то?

— Нет. Мы с ним не встречались. С матерью я виделся перед ее отъездом, а его не захотел видеть. Но мать мне все рассказала, а потом он в письмах писал. Но я его не защищаю. Он плохой человек. Но кулаком не был. И я страдаю за него напрасно. Ты знаешь, что меня из комсомола исключили?

— Откуда? Я даже не знал, что ты и вступал.

— Вступал. И вот исключили. Тяжело это. Очень тяжело. А ты комсомолец?

— Да, я в седьмом классе вступил.

— Правильно сделал. А отец вступил в партию или нет?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Мы с ним об этом не говорили.

— А кто дом-то наш поджег, не выяснили?

— Нет. Думали сначала, что твой отец. Но потом узнали, что он ушел из деревни вечером, за несколько часов до пожара.

— Чудаки,— улыбнулся Сергей.— Разве он станет поджигать то, что сам создал. Я его лучше знаю. Если бы дом был, он еще стал бы бороться за него. А теперь все. Хотя и освободили его совсем, куда хочешь, туда и поезжай, но ехать некуда. Решил там, в Сибири, жить.

— А как ты думаешь, кто мог поджечь ваш дом? — спросил Саша.

Сергей помолчал. Подумал и ответил:

— Трудно сказать наверняка. Но думаю, что здесь не обошлось без Дмитрия Гужова. Вредный старик. А может, его сын Василий? Этот под пьяную руку что угодно может сделать. Ты помнишь, как он в деревне скандалил?

— Помню.

— Да, Веньку-то освободили или нет?

— Нет. В деревне он не появлялся. А Дмитрий тогда скрылся. Где теперь — никто не знает.

— Появится. Куда ему деваться,— уверенно проговорил Сергей и, помолчав, добавил: — Передавай привет отцу и всем там в деревне. Может, еще жизнь меня и приведет туда.

Через неделю Сергей выписался. Оставил Александру свой адрес, просил писать.

18. Еще раз увидеть солнце

Александр пролежал в больнице около двух месяцев. Неделю назад приезжал в больницу отец, но врачи тогда задержали Александра. А сегодня утром он услышал голос няни:

— Петров, ты выписываешься. Можешь получить свою одежду.

Александр быстро попрощался с соседями по палате и, обрадованный, выскочил в коридор. И вот он уже спускается с Муравьевки. До отхода парохода еще часа четыре. К пристани еще рано. И Александр решает пройти к торговым рядам. Около гостиницы, на углу Советской площади, он увидел яркий плакат: молодой парень в белой рубашке с засученными рукавами, широко улыбаясь, показывал на огромный строящийся дом. Надпись гласила: «Приглашаем на нашу стройку».

Александр невольно остановился.

— «Андарск. Большое строительство! Требуются: каменщики, маляры, штукатуры, шоферы, бульдозеристы, электрики, сварщики, чернорабочие. Выплачиваются подъемные, оплачивается проезд. Оформление по адресу: ул. Симановского, дом 12, во дворе».

Александр прочитал объявление дважды. Постоял с минуту, почувствовал, как сжимается от волнения сердце. «А что, если поехать. Но кем?.. Можно бульдозеристом, да и на шофера не так уж сложно подучиться». Круто повернув, он заспешил через площадь.

Во дворе около небольшого особнячка стояло несколько парней и девушек. Они внимательно ощупали Александра глазами и рассмеялись. Видимо, их рассмешил его вид.

В просторной комнатке стояли два столика, около одного толпились несколько человек. Александр встал в очередь, прислушался.

— Специальность? Где работаете? Когда можете выехать?

«Тракторист. В МТС... В любое время...» — мысленно отвечал он. Но как отнесутся к его решению отец с матерью. Мать, конечно, будет против, да и отец, наверное, взбунтуется. После такого случая, прямо из больницы, и куда-то в тартарары — на Север. Но, видимо, и не сразу можно. Недельку-две побуду дома, поправлюсь, тогда и скажу, что хочу ехать на стройку.

— Сколько вам лет? — задал первый вопрос ему мужчина, когда подошла его очередь.

— Восемнадцатый, — ответил Александр.

— Где работаете?

— В МТС, трактористом.

Мужчина недоуменно взглянул на его лицо и взял ручку.

— Нет, вы пока не пишите, я только узнать зашел, — поспешил предупредить Александр.

— Что вас интересует?

— Во-первых, когда ехать? Во-вторых, как там погода — очень холодная?

Мужчина пожал плечами и, откинувшись на спинку стула, проговорил:

— Откровенно говоря, молодой человек, погода там не для вас. Я вижу, что здоровьице у вас не ахти. А там ведь стройка, работа, прямо скажу, нелегкая.

— О моем здоровье вы не беспокойтесь,— с обидой ответил Александр.— А про погоду я так просто спросил. Все же интересно.

— Ну, что же, дело ваше. Если желание есть, берите вот эти два бланка, заполните их и подойдите ко мне. Что же касается отъезда, то можно в течение месяца.

— А можно бланки с собой взять и привезти вам их недельки через две?

— Нет, это поздно. Через пять дней — последний срок.

— Хорошо. Я приду через пять дней.

— Приходите.

Александр взял бланки и вышел.

Пароход снизу пришел с запозданием. Александр сидел на корме пристани и мельком оглядывал сходящих пассажиров. Мелькнула знакомая фигура... Александр невольно крикнул:

— Отец!

Действительно, это был он. Увидев сына, Николай Иванович быстро зашагал ему навстречу. По его походке, выражению глаз Александр почувствовал — дома произошло несчастье.

— Вот те на. Хорошо, что не разминулись. Я ведь хотел прямо в больницу,— проговорил скороговоркой отец.

— Случилось что? — спросил Александр.

— Горе у нас, Саша... горе... Настя вчера померла...

У Александра зарябило в глазах, внутри словно все льдом обложилось.

Отец вынул платок и стал вытирать покотившиеся по щекам слезы.

На пароходе молчали. Разговор был лишним. Когда сошли с парохода, поднялись на берег, поравнялись с церковью и кладбищем, отец простонал:

— Вот где теперь ее дом будет,— и ускорил шаг. Саша заспешил за ним.

— Вчера утром она уже поняла, что умирает. До самого последнего вдоха была в сознании. Я подошел к постели, спрашиваю: «Насть, а Насть, не хочешь ли

попить?» А она глаза открыла и говорит: «Нет, не хочу. Солнце бы еще раз увидеть. Приподними меня, я на улицу взгляну». У меня так все внутри и оборвалось. Приподнял я ее, она взглянула в окно и простонала: «Прощай, белый свет». Глаза закрыла и скончалась. Вот ведь в каких муках человек помер. У меня, у мужика, и то слезам никакого удержу нет, а мать — так та совсем себя потеряла.

Саша шел за отцом как тень. И ни одной слезинки на его глазах не выступило.

«Солнце бы еще раз увидеть!» — звенел в его ушах голос сестры.

19. Вольно

— Смирно!

Красноармейцы замерли. Сергей стоял в первой шеренге, во главе своего отделения. От штаба части шел твердым шагом, круто подняв голову, командир Ярцев. В ногу с ним шагали комиссар Драчев и начальник штаба Тимошин. Командир первого батальона четко повернулся и, отбивая шаг, направился им навстречу. Не доходя нескольких шагов, остановился и отапортовал:

— Товарищ командир, вверенная вам часть выстроена для следования на стрельбище.

— Здравствуйте, товарищи красноармейцы! — крикнул звонким баритоном Ярцев.

— Здравсьте, товарищ командир! — отозвались сотни голосов.

— Вольно! — бросил небрежно командир части и повернулся к начальнику штаба. По рядам покатился гул.

— Солодов! — услышал Сергей голос командира взвода. — Можете выйти из строя. Вы от стрельбы освобождаетесь. Занимайтесь своим делом.

— Есть остаться в лагере! — выпалил Сергей и, повернувшись, пошел к своей палатке. Там стояла Нонка.

— Я попросила мать, — сказала она, когда Сергей подошел к ней, — чтобы она тебя освободила. Ты, надеюсь, не возражаешь?

— Нет, конечно. Спасибо, Нона. Ты просто меня выручаешь.

- Чем сегодня займемся?
- Тригонометрией. У меня это самое узкое место.
- Согласен. А где?
- Лучше у нас. Там все под рукой.

Когда Сергей и Нонка медленно подходили к одноэтажному домику, что стоял метрах в двухстах от палаток в основном бору, часть строевым шагом с песней выходила из ворот лагеря.

Встреча с Нонкой произошла у Сергея еще ранней весной, когда часть была в городе. Он зашел в курсантскую библиотеку взять учебник по алгебре.

Из-за стеллажей вдруг вышла Нонка.

— Какая встреча,— проговорила она удивленно.— Ты не узнаешь меня, Солодов?

— Почему? Узнаю. Рад тебя видеть.

— Да, какая метаморфоза,— рассмеялась Нонка.— И давно ты в части?

— С прошлой осени.

— В какой роте?

— В первой. А ты как сюда попала? — в свою очередь, задал вопрос Сергей.

— Очень просто. Ведь моя мать — военврач.

— Вон оно что! Не ожидал встретить тебя здесь. Но, видно, от судьбы не уйдешь.

Нонка рассмеялась.

— Что тебя интересует? Какую книжечку тебе дать? — с иронией спросила она.

— Хотел бы алгебру взять,— ответил Сергей.

— Ты что, куда-нибудь готовишься поступать?

— Угадала. Готовлюсь в финансовый.

— А я решила сдавать в институт связи. Может, вместе готовиться будем?

Сергей пожал плечами и покачала головой.

— Ничего не получится. Я ведь командир отделения. Все время занят. Готовлюсь урывками. В основном после отбоя в старшинской каморке.

— А ты попроси, чтобы тебя от занятий освобождали. Ну, хотя бы часа на три в день.

— Кто же освободит? Ведь я на службе.

— Попроси меня. Я попрошу маму. Она попросит Ярцева. Вот и все.

Сергей улыбнулся и, разведя руками, сказал:

— Считай, что попросил.

— Хорошо,— ответила Нонка и подала Сергею учебник по алгебре.

Сергей выскочил из библиотеки как из жаркой бани. Сердце его стучало.

«Вот это встреча,— думал он.— Теперь от Нонки не уйдешь. Неужели она по-прежнему связана с Толькой и с рябым? Не может быть! Она сказала, что готовится сдавать в институт связи».

Больше Сергей в библиотеку не заходил. Учебник по алгебре сдал через товарища.

Вторично Сергей встретился с Нонкой уже в лагерьном клубе перед просмотром кинофильма. Она стояла между командиром части Ярцевым и толстой женщиной. Увидев Сергея, крикнула:

— Товарищ командир отделения, можно вас на минутку?

Сергей подошел, козырнул и нетвердым голосом обратился к Нонке:

— Слушаю вас.

— Здравствуйте,— протянула она ему руку.— Как ваша подготовка к экзаменам?

— Готовлюсь помаленьку.

— Мам, это тот самый Сергей Солодов, помнишь, я тебе рассказывала?

— Помню, помню,— проговорила женщина, прощупывая Сергея острым взглядом.

— Что ж, товарищ командир отделения, не хотите, значит, готовиться вместе с моей дочерью?

— Почему же не хочу? С удовольствием. Только ведь я занят.

— А вы что, готовитесь для поступления в институт? — спросил командир части.

— Так точно, товарищ командир части! — отчеканил Сергей, вытянувшись в струнку.

— Я дам указание, чтобы вас на полдня от занятий освобождали,— сказал Ярцев.

— Спасибо, товарищ командир части! — улыбнулся Сергей.

— А можно с завтрашнего дня? — спросила Нонка.

— Думаю, что да,— ответил Ярцев и пальцем помаанил командира роты.

И вот Сергей уже в который раз входит в половину домика, где живет Нонка с матерью, а во второй — сам

командир части. И всякий раз, когда он перешагивает этот порог, невольно думает: неужели в конце концов ему повезло. Ведь без Нонки он едва ли имел возможность готовиться. Мысль поступить в институт вначале просто-напросто была мечтой, связанной с Ниной. И вдруг теперь она превращается в близкую реальность. А что хочет она, Нонка? Видимо, ей я необходим лишь как напарник для занятий. О прошлом она не говорит ни слова. Как будто его и не было. Правда, во вторую встречу Сергей напомнил ей об их встрече в городе и ее угрозе. Ему хотелось узнать, знает ли Нонка о том, что сделали с ним Толька и рябой и где они сейчас?

Нонка посуровела и тихо сказала:

— Давай не будем об этом вспоминать. Для меня то время — как кошмарный сон. После встречи с тобой я почувствовала, что надо вырваться из этой компании. Я рассказала все матери. Она обратилась к Ярцеву. Он дал нам квартиру в части, а меня взяли на работу в библиотеку. Год я не выходила в город. И теперь, поверь мне, стала другой. Вот и все, больше об этом ни слова. Хорошо?

Сергей качнул головой.

— Ты располагайся и приступай к занятиям, а я приготовлю чай,— проговорила Нонка, когда они вошли на веранду.

— Не теряй времени, Нонна. Я чаю не хочу.

— А я для себя. Ты же знаешь, что я люблю чай.

Сергей сел за стол и уткнулся в учебник тригонометрии. Но мысли его были в Москве. Он думал о предстоящей встрече с Ниной.

Нонка подошла тихо к столу, поставила перед собой чашку с чаем, спросила:

— Может, все-таки выпьешь чашечку?

— Нет, спасибо.

— Тогда рассуждай вслух. Ты знаешь, как эта формула выводится? — ткнула она пальцем в учебник и, качнувшись, коснулась его плеча.

— Попробую,— ответил Сергей и начал выводить формулу.

— Ой, вспомнила! — воскликнула Нонка. — Дальше не надо. Хочешь, я доведу ее до конца?

— Пожалуйста!

Нонка придвинулась к Сергею и снова коснулась своим плечом его плеча.

* * *

Вернулся Сергей от Нонки поздно. Солдаты после утомительного дня спали как мертвые. Дневальный по роте, увидев подходящего к грибку человека, насторожился, но, узнав Сергея, успокоился:

— Ты откуда, Солодов, так поздно?

— Занимался. Я ведь к экзаменам готовлюсь,— ответил Сергей, узнав солдата из своего взвода, Гордеева.

— Везучий ты, Сережка. У самого командира части в доме был, да? Как командир-то в домашних условиях, такой же сухарь или помягче?

— Я его не вижу. Мы ведь занимаемся в другой половине дома,— ответил Сергей и зашагал к палатке. На топчане, аккуратно закрытом серым одеялом, лежало письмо. Схватив конверт, Сергей снова вернулся к грибку.

— Письмо получил? — спросил Гордеев. — Я тоже. Мать прислала, пишет, что сестренка замуж вышла. Вот пигалица! Еще девятнадцати нет — и уже замуж.

Сергею было не до словоохотливого Гордеева. Письмо было от Нины. Разорвав конверт, он впился в написанные четким почерком строки.

«Сережа, милый, когда ты будешь в Москве? Жду очень, считаю не только дни, но и часы. Ведь прошел год, как мы не виделись. Как все нескладно получилось. Мы дома часто говорим о тебе. Отец вспоминает твой с ним разговор в первый приезд. Ты тогда его заверил, что не сможешь быть без меня, а прошло уже более трех лет, и виделись мы с тобой за это время всего три раза. У меня жизнь проходит скучно. Учеба, дом, иногда кино и театр со своими. Была я знакома с одним парнем из Бауманского. Вскружил он голову моим родичам. Веселый, остроумный, красивый. Не могла я тогда тебе этого сказать, помнишь, когда приезжала в Кострому, но не могла и не увидеть тебя, не посмотреть в твои душевные глаза. Уехала я из Костромы разбитая. Ждала, что ты вот-вот напишешь, будешь бороться за меня. Но ты не написал. И, видимо, быть бы

мне его женой, все к этому шло, но одна встреча с его товарищем открыла мне глаза. Он сообщил, что в их институте у одной студентки от Бориса есть девочка, но он ее не признает. Это оказалось правдой. Борис при объяснении вел себя так нагло, что я даже заболела. Вот видишь, Сережа, не зря я тогда тебе сказала, что со мной случилось несчастье. Сейчас уже все в прошлом. Мать и отец теперь как пайныки. Конечно, они хотели для меня счастья. В наше счастье с тобой они не верят. А я пока верю. Думаю, что ты простишь меня.

Целую. *Твоя Нина*».

Сергей перечитал письмо дважды. Аккуратно сложил листочки вдвое и положил в карман гимнастерки.

— Что пишет? — спросил Гордеев.

Сергей не ответил. Но уходить в палатку ему не хотелось. Уж очень взволновало его письмо Нины. Получал он письма от нее и раньше, но они были обычно сухими, и Сергей чувствовал, что Нина в них что-то не договаривает. И только сейчас он все понял.

— Не возражаешь, Гордеев, если я посижу? — спросил он дневального.

— Наоборот. Быстрее время пойдет. Но если увидишь дежурного по части, сразу — к палатке. Скажу, что ты за спичками приходил.

— Хорошо.

— У меня на фабрике тоже невеста осталась. Хорошая девчонка, ткачихой работает. Из ФЗУ пришла и сразу запросила полный комплект станков. Я помастером был, посмеялся спервоначалу и поставил ее за два станка. Она смену отстояла — и к мастеру, от того — к начальнику цеха. И, представляешь, добилась своего. Главное — доказала, что может работать не хуже опытных ткачих. Всех удивила. Меня любопытство взяло: откуда, думаю, у семнадцатилетней девчонки такая сноровка. Спрашиваю раз, два, а она только смеется. Нечего, говорит, тебе объяснять, Фома неверующий. Заело меня это. Ну, думаю, раз так, проверю я тебя, что ты за птица. Пришел однажды на смену пораньше, один станок разладил и челнок заменил. Догадается, думаю, или нет? Смотрю, в первые же минуты остановила станок и меня зовет. «Кто челнок заме-

нил и станок разладил,— спрашивает.— Не может быть, чтобы моя сменщица на таком станке работала. Она опытная ткачиха». Стою я перед ней и не знаю, что сказать. А она командует: «Закрепи погонялку и челнок старый поставь, что у тебя в потайном кармане куртки торчит». Понял? И к другому станку. Хотел было я первоначально отказаться, но не смог. Сделал все, что надо, и к ней. Молодец, говорю, Лида. И когда ты успела такой опыт приобрести? А она опять: «Нечего тебе объяснять, Фома неверующий». С этого раза мы с ней и подружились. Стали встречаться. А вскоре меня в армию призвали. Пишет, что ждет. Демобилизуюсь — поженимся,— закончил свой рассказ Гордеев.

— Откуда же у нее опыт-то такой? — поинтересовался Сергей.

— Очень просто все оказалось. Мать у нее ткачихой работает. Так она, учась в ФЗУ, у нее в течение года практику проходила. Вот такая это девушка!

— Молодец! Настойчивая. А у меня никак жизнь не складывается,— заговорил Сергей.— В техникуме учился, познакомился с одной девушкой, Ниной зовут. Родители ее в Москву переехали. Отца туда на работу перевели. И так получилось, что стал я жить на квартире у ее бабушки. Добрая старуха, заботливая. Меня полюбила как родного. И все было хорошо, но вдруг Нине вызов в Москву. Отец добился ее перевода в московский техникум. Поехали мы вместе. Хотели пожениться. Но ее родители убедили нас подождать до окончания учебы. Мы согласились. Окончил я техникум, получил назначение на работу в Сусанино, может, слышал? Есть такое село под Костромой. Историческое место. Иван Сусанин там жил.

— Это тот, что поляков в болото завел?

— Тот самый.

— Интересно.

— Так вот, поехал я туда с мыслью договориться, чтобы дали мне согласие в Москву уехать. А заведующий райфинотделом такой формалист оказался — ни в какую. Три года, говорит, отработаешь, тогда куда хочешь поезжай. Еле-еле отпросился на неделю в отпуск. Встретили меня в Москве Нинины родители, словно родного. Нина тоже была рада. Но как я сказал ей, что из Сусанина меня не отпускают, так сразу похолодела.

«Не могу же, говорит, я в Сусанино к тебе ехать. Осенью думаю в институт поступать».

Пробыл я в Москве неделю. И, кажется, все хорошо складывалось. Решил уехать в Сусанино самовольно, будь что будет. Нина согласилась. А на другой день оттуда телеграмма: «Срочно выезжайте на работу».

Поехал с твердым намерением уволиться. Но где там! Заведующий сберкассой скоропостижно умер. Вызвали меня в город, должность его предложили. Я начал отказываться, в Москву, говорю, мне надо. Поедешь, но без всякого расчета и без трудовой книжки. Что делать? Остался. Написал обо всем Нине. Та, конечно, письмо мне с упреками, не поняла меня. Проработал я в Сусанине больше года, а потом — в армию. Уволился я с работы пораньше и — в Москву. Пришел на квартиру к Нине и вижу: ее отец с матерью как чумные. Встретили меня растерянно. И вроде как бы рады и вроде — нет. Спрашиваю: что случилось? Нина, говорят, уехала. Куда? Молчат. Почувствовал я, что лишний в их доме. Попрощался и ушел. Переживал так, что словами не выразишь. А через месяц получаю письмо от Нины. Теплое письмо. Как обычно. А в конце приписка: «Ты не сердись, милый, что так получилось. Не смогла я тебя увидеть. Встретимся, все расскажу». Я, конечно, не ответил. Она тоже перестала писать. И вдруг в один из дней вызывают меня к проходной. Девушка, говорят, какая-то спрашивает. Я попервоначально подумал, что кто-нибудь из деревни. Подхожу к воротам и вижу за оградой — Нина. Сердце чуть не разорвалось. А она стоит, улыбается и машет мне рукой. «Жди меня», — крикнул я и обратно в роту — просить увольнительную. Получил, выхожу. Нина вроде бы как рада. Обнялись мы с ней, поцеловались и пошли. Идем и молчим. Ты понимаешь, Гордеев, не виделись столько времени, встретились и как будто сказать друг другу нечего.

«Как тебе служится, Сережа?» — первой начала разговор Нина. «Ничего, отвечаю, хорошо». — А внутри словно все застыло. Идем и снова молчим. Ни у нее, ни у меня слов не находится.

Было это прошлым летом. День стоял теплый, ясный. Я хочу выдать улыбку, сказать ей что-нибудь

приятное и не могу. Так молча дошли до Волги. Стоим на берегу, смотрим на пароходы.

«Поедем»,— предложила Нина. «Вниз или вверх?»— спросил я. «Куда хочешь»,— ответила она.

И вот мы на Козловых горах. Идем по тропке в сосновом бору. Тропка узенькая. Она — впереди, я — сзади. Смотрю я на ее худенькую фигурку и замираю от счастья. Нина остановилась. «Сережа, давай поглядим на Волгу». Давай, отвечаю. Стоим, смотрим. Внизу чистый, чистый желтый песок. Блестящая гладь реки не шелохнется. На другой стороне в зелени большое белое здание с колоннами. На берегу люди как муравьи шевелятся. Несколько лодок беспорядочно скользят по воде. Вдали пассажирский пароход. Навстречу — буксир с плотами. Воздух разрезается протяжным басом буксира. Ему отвечает приглушенный баритон пассажирского. А вокруг прямые стройные сосны. В такой обстановке все горести забываются. Смотрю я на Волгу, и душа словно проснулась. И так хорошо мне было, что я начал читать стихи Есенина. Слышал что-нибудь о таком поэте?

— Нет,— ответил Гордеев.

— Прекрасный поэт-лирик. Стихи его — как музыка, за душу берут и сердце сжимают. Так вот, я читаю Есенина, а Нина идет понутив голову, и я вижу, что она еле-еле ноги передвигает. Обнял я ее сзади и начал целовать в щеки. И вдруг почувствовал, что на губах моих соленая влага остается.

«Что с тобой? — спрашиваю.— Чем ты взволнована, Нина?» — «Сережа,— говорит она,— у меня несчастье».— «Какое?» — спрашиваю.

Молчит. Я схватил ее за плечи и закричал: «Говори, Нина!» Она в слезы. «Не думай ничего плохого, Сережа,— как будто услышав мои мысли, заговорила она.— Я тебя люблю, но так сложилось, что, видимо, встречаемся мы с тобой последний раз».

Представляешь, Гордеев, мое состояние. Я как будто в кипяток окунулся и сварился: ноги и руки онемели, горло как бечевкой перехватило. Встал я как столб и стою. Глаз с нее не свожу. Вижу, она тоже вне себя и ее ноги не держат. Скатился я с горы по песку, словно шар к воде, а она — за мной. Встали, отряхнули с себя

песок и молча пошли к пристани. Вернулись в город уже другими.

Нина так и не написала мне ничего определенного. И вот теперь через десять дней предстоит мне побывать в Москве. И как раз ее письмо, то самое, которого я все время ждал. Письмо, которое все прояснило.

— М-да, дела,— неопределенно пробурчал Гордеев. Сергей встал и направился к палатке.

— Счастливо тебе, Солодов,— прокричал тот вслед.

20. Попутчица

На середине шоссе стояла невысокого роста девушка в коричневом мужском пиджаке, в черном берете, с чемоданчиком. Она энергично махала газетой. Увидев, что шофер тормозит, девушка сделала несколько шагов к краю шоссе и, поставив чемоданчик, стала прихорашиваться. Александр открыл дверцу.

— Что случилось?

— Ничего. Хочу, чтобы подвезли до стройки.

— Не могу. Кузов забит ящиками, а в кабине масло, испачкается.

— Ой, рассмешил,— улыбнулась девушка и, обежав машину, открыла дверцу.

Саша мельком взглянул на девушку, подумал: «С характером!»

— Будем знакомы,— закрывая газетой бидон с маслом, проговорила девушка.— Галя.

— Александр.

— Очень приятно. Хорошее имя.

— Чем это?

— Знаменитое. Александр Македонский, Александр Невский, Александр Пушкин, Александр Блок, Александр... Как ваша фамилия?— неожиданно спросила Галя.

— Петров.

— Еще одна знаменитость — Александр Петров! — с пафосом произнесла Галя.

— Чем же это я знаменит?

— А как же? Шофер на крупной стройке.

— Да, действительно,— улыбнулся Александр. Помолчав, добавил: — Я, конечно, знаменит, только не здесь.

— Как понимать?
— Как угодно, так и поймайте.
— Что значит знаменит, но не здесь?
— В своей деревне я знаменитость приобрел тем, что трактор загнал в пруд и сам покалечился.
— Как это вас угораздило?
— Вот именно, угораздило.
— Потому и из деревни удрали?
— Вы что, по себе судите?
— О, какой вы! Палец в рот не клади. Откусите. Александр внимательно посмотрел на спутницу.
— Как вы меня находите? — спросила Галя.
Александр смутился и ничего не ответил.
— Что молчите?
— Хотите, чтобы похвалил?
— Хочу. А почему бы и не хотеть? Но не обижусь, если скажете и дурное, только правду.
— Смешно, — пожал плечами Александр.
— Почему? Я вот, например, не постесняюсь сказать, что вы парень — симпатичный. У вас красивые глаза и, видно, характер хороший.

— Забавно, — хмыкнул Александр и еще раз взглянул на Галю. Волосы черные, живые серые глаза, носик острый, подбородок маленький, но крутой. Ничего особенного. И все же есть в ней что-то такое привлекательное.

...Дальше ехали молча. Галя, видимо, устала и сидела с закрытыми глазами. Александр, немало проехавший за день, то и дело высовывал голову в боковое окно, чтобы свежим воздухом согнать наступающую дремоту.

Северная природа, когда он только сюда приехал, ему не понравилась. Голые сопки, разделенные огромными ущельями, нескончаемыми лесами. Дороги узкие, скалистые и выбиты так, что, того и гляди, рессоры на машине поломаешь. Но чем больше всматривался Александр в эту суровость, тем теплее и краше она становилась.

Каждая сопка свой вид имеет. Одна острая, словно шпиль, другая — плоская, а третья — с необычным изломом, напоминает что-то живое. А вон та — как человеческая голова. Один выступ — нос, другой — подбородок, а над ним впадина. Это — рот. Когда издали смот-

ришь на эту сопку, кажется, что нет на ней никакой растительности, а ближе подъедешь, она словно оживает. И березки, и сосенки на ней растут. И такой твердости, что топор, если тяпнешь, отскакивает, как от железа.

Александр пытался сравнить северную природу со своими родными приволжскими местами, и сердце его начинало ныть. Тоска по дому обострялась и становилась невыносимой. Вот и сейчас эта тоска подкатила к сердцу. Его пассажирка сидела с закрытыми глазами, склонив голову к дверце. Александр вспомнил первый день своего пребывания в Андарске. Было утро. Машина остановилась около огромного строящегося корпуса. Он вылез вместе с другими ребятами из кузова, осмотрелся вокруг и обомлел: вдали горы, их верхушки покрыты снегом, а внизу — зелень. В долине разбросаны палатки и небольшие домики. Между ними двигался поток машин. Пустые машины уходили в горы, а с полными кузовами камня двигались им навстречу и скрывались за зданиями, которые были еще без крыш.

— Товарищи! Проходите сюда, — раздался звонкий мужской голос.

Александр увидел на ступеньках крыльца плотно сложенного с русыми волосами парня. Он что-то говорил проходящим мимо него людям. Когда Александр подошел к крыльцу, парня уже не было.

Приехавшие собрались в большом зале. Их было человек семьдесят, а зал — мест на двести. Все уселись в первых рядах. Александр сел сбоку на третьем ряду и внимательно стал осматривать помещение.

Кроме стульев, в зале ничего не было. На сцене стоял стол, накрытый красной материей, а сбоку — фанерная трибуна.

На сцене появилось несколько человек. Они сели за стол. Парень же, который приглашал приехавших пройти в помещение, стоял в центре. Александр внимательно стал рассматривать каждого в президиуме, но в этот момент парень заговорил. Он представил всех сидящих за столом и назвал себя — Романов Николай, секретарь комитета комсомола стройки. Остальных Александр не запомнил, а его запомнил. Почему? Наверное, потому, что он говорил хорошо и просто, и главное — очень душевно. Затем Александр видел его однажды на комсо-

мольском собрании в гараже. Он тогда тоже выступал и говорил что-то очень умное, а вот что именно — сейчас Александр не мог вспомнить. Но тогда он подумал: «Какой молодой и так хорошо говорит». Александр взглянул опять на сидящую рядом девушку. «Тоже какая-нибудь руководительница, — подумал он. — Уж очень смела и остра на язык».

— Вас куда? — спросил Александр.

Галя осмотрелась и ответила:

— К ЗРК. Я там работаю.

— Могу прямо к дому доставить.

— Мне от ЗРК недалеко. А вы где живете? — поинтересовалась она.

— В общежитии. Знаете, около клуба?

— Знаю. Там моя подружка живет, на втором этаже, в девятой комнате. Вера Черногорова, может, слышали?

— Не приходилось. Там этих бетонок много.

— Ой, как вы нехорошо говорите, Александр. Зачем же так пренебрежительно — бетонок! — возмутилась Галя.

— Это не я выдумал. Так их ребята зовут, те, что с ними работают.

— А вы им объясните, что это неприлично. И сами такого слова больше никогда не произносите. Хорошо?

— Хорошо, — улыбнулся Александр, останавливая машину.

Галя неторопливо вышла.

— Спасибо вам большое, большое! Вот такое, — показала она руками.

— Пустяки. По пути ведь.

— Будет время — заходите. Молодежная, семь, — крикнула Галя.

* * *

Не раз Александр, возвращаясь из рейсов, останавливая машину около ЗРК, с томящей тоской ожидал: вот-вот увидит Галю. Но она не появлялась. На этот раз он подъехал за полчаса до окончания работы, вышел из машины и направился в помещение.

— Галя? Есть такая, — ответила пожилая женщина, — только она в отпуске.

«В отпуске. Может, уехала? А вдруг нет. Надо зайти к ней домой. Ведь приглашала»,— решил Александр.

Небольшой особнячок с двумя террасами стоял в глубине двора. Два невысоких дерева кроной закрывали окна. Александр постоял несколько минут около них, стараясь заглянуть в окно, но ничего не увидел. В доме было тихо.

«Пойду в правое крыльцо»,— решил он.

— Можно?

— Да, да...— раздался мужской голос.

Александр открыл дверь.

Посередине комнаты над корытом, в котором сидела маленькая девочка, склонилась Галя. Одной рукой она держала головку девочки, а другой поливала воду на ее спинку. Слева стоял Николай Романов. Александр сразу понял — семья. Галя подняла голову и вскрикнула:

— О! Саша, проходите, пожалуйста. Николай,— обратилась она к мужу,— принимай гостя. Это тот самый шофер, о котором я тебе рассказывала.

— А...а... Будем знакомы: Николай Романов.

— Петров,— еле выговорил Александр.

Десять дней радужных ожиданий — и вдруг такое. Что делать? Может, уйти? Но что подумает Николай? Остаться? Зачем? О чем говорить, чем объяснить свой приход?

— Что же вы стоите, Саша? Проходите, садитесь. Я сейчас быстро,— проговорила Галя.

— Растерялся человек,— сказал Николай.— Шел и думал, наверное, одно, а увидел совсем другое. Так, что ли?

— Так...— смущенно ответил Александр и подошел к столу.

— Мне Галя рассказывала о вашей встрече. Спасибо вам.

— Что вы? За что?

— За внимание к человеку. Вы давно здесь? — помогая жене одевать девочку, спросил Николай.

— Да уже больше года.

— А откуда приехали?

— С Волги.

— С Волги? — удивился Николай.— Галя, слышишь, Александр — с Волги.

— Слышу. Ничего особенного. А ты думаешь, здесь одни мы волжане. Вера Черногорова, ты же знаешь, тоже волжанка, из Красного.

— Из Красного? Это село от нашей деревни километров семь,— обрадованно проговорил Александр.

— Что ты говоришь?! — удивился Николай.

— Может, слышали, на Волге есть такая пристань — Лыково?

— Лыково?! По-моему, Коль, Сережа Солодов откуда? — сказала Галя.

— Сережка!.. Солодов!.. Правильно, оттуда. Мы с ним из одной деревни.

— Надо же так! — всплеснула руками Галя.— Сережа с нами в одном техникуме учился и даже в одной группе на первом курсе был. Не знаете, где он сейчас?

— Знаю. Перед тем как мне сюда поехать, мы с ним в одной палате в больнице лежали.

— Что же с ним случилось? — поинтересовался Николай.

— Странная история. Один парень его ножом по лицу саданул.

— Ах! — воскликнула Галя.— И сильно?

— Подбородок разрезал. Рубец заметный остался.

Николай хлопотал около шкафа, вынимая тарелки, ножи, вилки. Галя, уложив девочку в постельку, села рядом с Александром.

— А вы чем болели? — спросила она.

— Я же говорил вам, что мне глупость кости поломала. Из МТС, конечно, уволили. Куда деваться? И как вы верно сказали тогда в машине, завербовался сюда. Здесь курсы шоферов окончил. И вот баранку кручу.

— Ну, что ж, за волжан, что ли? — поднял рюмку Николай.

— Давайте лучше за Андарск,— предложил Александр.

— Можно и за Андарск.

Выпили. Галя только пригубила. Николай налил по второй.

— Интересно,— заговорила Галя,— встретились случайно два человека и разошлись, не зная, что они земляки, что у них есть общий знакомый. И не приди вы к нам, Саша, сегодня, мы бы так и не узнали об этом. А теперь, я думаю, вы будете к нам заходить, правда?

— Не знаю,— понурил голову Александр.

— Я, Саша, вас с хорошей девушкой познакомлю.

— Незачем это.

— Ой ли! — усомнился Николай. — Одному здесь скучно.

— Вера очень хорошая девушка. Хотите, я ей позвоню? — спросила Галя.

— Чего спрашиваешь, — перебил жену Николай. — Позвони, и все.

— Незачем, — возразил Александр.

Но Галя уже взяла телефонную трубку.

Через несколько минут в комнату вошла невысокого роста белокурая девушка. Поцеловавшись с Галей, она медленно подошла к столу и протянула руку Николаю.

— Привет, Вера, — проговорил тот. — Знакомься, это наш земляк — волжанин, Александр Петров.

— Очень приятно, — ответила девушка и села рядом с Николаем. Александр подумал: «Зачем все это?»

Николай налил рюмки.

— Предлагаю за наше землячество, — произнес он с пафосом.

Вера выпила рюмку до дна. Александр только пригубил и склонился над тарелкой, подчеркнуто не обращая на Веру внимания. В голове мелькнула мысль: «Пьет, как мужик».

— Как учеба? — спросил Веру Николай.

— Ничего, идет, — ответила та. — Вчера сдала зачет по черчению.

— А где вы учитесь? — заинтересовался Александр.

— В вечернем техникуме.

— У тебя какое образование? — спросил Николай.

— Семилетка.

— У нас здесь вечернее отделение строительного техникума есть. Не хочешь быть строителем?

— Строителем? — оживился Александр. — Хочу. Даже очень.

— Тогда поступай. Вера тебе поможет подготовиться. Она уже на втором.

Александр поднял голову и взглянул на Веру. Открытые глаза девушки были так чисты и наивны, что Александр даже оробел. Она рассматривала его, как ребенка, с нескрываемым любопытством.

— Надо подумать,— буркнул Александр, снова уткнувшись в тарелку.

— Я тоже вначале сомневалась, справлюсь ли — и работать и учиться,— заговорила Вера.— А сейчас очень довольна. По крайней мере, скучать некогда. Правда, заниматься в общежитии трудно. В комнате нас четверо, а учусь я одна. Когда все дома — не до занятий. Девчонки в клуб — и меня с собой тащат. Если бы не мое упорство — все прахом пошло.

— А я слабовольный. У меня не хватит воли работать и учиться,— ответил Александр.

— Слабовольные сюда не едут,— заметила Галя.

— Это верно,— поддержал жену Николай.— И так, за учебу! — поднял рюмку Николай.

— Не могу больше,— отодвинул рюмку Александр.

— Последнюю — и все.

— Нет, не могу,— Александр отставил рюмку на середину стола.

— Упрямство или воля? — засмеялась Вера.

— Зарок,— ответил Александр.— Я дал слово больше ста граммов не пить.

— Молодец, Саша,— сказала Галя.

В дверь постучали.

— Да. Входите,— прокричал Николай.

На пороге показался невысокого роста худощавый мужчина с сумкой.

— Романов Николай здесь живет? — спросил он.

— Я — Романов.

— Примите телеграмму!

Николай расписался в книжечке и, не отходя от порога, вскрыл телеграмму. Сосредоточенно прочитал ее.

— Коля, от кого это? — тревожно спросила Галя.

Николай молчал. Он как будто застыл.

— Коля,— вскочила Галя,— что-нибудь неприятное? Да?

Николай медленно подошел к столу, сел на скамейку и опустил на стол голову.

— Отец умер,— простонал он.— Мать осталась с двумя братишками.

* * *

На другой день Александр встал рано. Приготовив к рейсу машину, он направился к Романовым. Он хо-

тел предупредить Николая, что если тот полетит на похороны отца, то пошлет с ним своим родителям посылочку. Но на двери висел замок.

— Молодой человек, вам кого? — услышал Александр женский голос.

— Романову Галину. Не знаете, почему у них замок?

— Галя просила, если кто придет, сказать, что она ушла на стройку. Девочку у меня оставила.

Александр повернулся и зашагал обратно.

Вернувшись вечером, около гаража он увидел Веру.

— Я тебя жду, Саша. Ты знаешь, Николай с Галей решили уехать отсюда. Николай поехал в город. Галка волнуется. Пойдем к ней.

Галя встретила их оживленно. Было видно, что она рада решению мужа.

— Проходите, садитесь, будем чай пить.

За столом сказала:

— Ты, Вера, перебирайся из общежития к нам. А когда мы уедем, тебе наша комната и останется.

— Ой, это было бы здорово. Пошли, Саша, поможешь мне собраться, — заторопилась Вера.

Александр взглянул на нее и подумал: «Да она уж не так проста. Вон как командует. Словно всю жизнь мы с ней знакомы».

— Как же ты их комнату займешь? Ведь на это решение нужно? — спросил Саша, когда они вышли от Романовых.

— Конечно, нужно... Но я ведь имею право на частной жить, — ответила Вера.

Подожли к общежитию. Остановились. Александр, взглянув на Веру, сказал:

— Вера, ты мне все-все расскажешь о себе, а я тебе — о себе. Хорошо?

Вера словно проснулась. Улыбнулась, приподнялась на цыпочки и поцеловала Александра в щеку.

* * *

Когда Николай открыл дверь в приемную секретаря обкома партии по строительству, он увидел пожилую женщину, которая сидела за столом и внимательно откладывала костяшки на счетах. Перед ней лежала ка-

кая-то ведомость. Николай подошел к столу. Женщина подняла голову.

— Сергей Петрович у себя? — спросил Николай.

— У себя. Заходите.

Секретарь обкома, высокого роста, средних лет мужчина, с продолговатым лицом и крупным носом, по первому впечатлению казался человеком суровым и малоприветливым. Но Николай несколько раз встречался с ним на стройке, и даже однажды сидел за одним столом во время обеда, и видел, что человек он простой и обаятельный. На стройке его уважали, но и побаивались. Николай был уверен, что секретарь обкома его вспомнит.

Сергей Петрович, увидя Николая, приподнялся из-за стола, протянул руку и сказал:

— О... Романов... Здравствуй! Давненько не виделись. Очень хорошо, что зашел. Садись, рассказывай, как идут дела у комсомола.

Николай растерялся. Он не ожидал, что разговор начнется с этого. Мелькнула мысль: может, не показывать заявления, а после беседы сказать о своей беде и попросить отпуск. А потом, что будет потом? Как будет жить мать одна?.. Не говоря ни слова, Николай протянул заявление.

Сергей Петрович бегло взглянул на написанное и, не задумываясь, ответил:

— Не могу отпустить.

— А я не могу здесь оставаться.

— Ты, может, подумаешь, Романов? Ведь можно сюда мать с ребятами вызвать,— проговорил Сергей Петрович.

— От родных мест она отрываться не захочет. Мне надо к ней ехать,— ответил твердо Николай.

— Мало ли кому что надо. Ты — секретарь комсомольской организации крупнейшей стройки. Какой пример подашь молодежи? Подумал об этом?

— Это я понимаю. Но ведь там мать с двумя маленькими братишками. Как они жить будут?

— Помогать станешь.

— Нет, из этого ничего не выйдет. Мне ехать надо.

Сергей Петрович встал из-за стола, прошелся несколько раз по кабинету, как бы обдумывая, как ему поступить, и решительно изрек:

— Можешь ехать, только без партийного билета. Понял?

Николай вышел из кабинета Сергея Петровича потрясенный и взъерошенный. Он чувствовал, что Сергей Петрович прав. Уезжать со стройки ему неудобно. Но жалость к матери и братьям, стремление вместе с ними разделить горе и облегчить их жизнь убеждали, что надо к ним ехать. Он пошел к первому.

В приемной первого секретаря толпились люди. Николай постоял с минуту, подумал — не примет первый, занят, наверное. Но все же подошел к секретарю и доложил.

— Заходите. У него только что совещание кончилось, сейчас он один, — ответила секретарь.

Николай приободрился и открыл дверь.

Первый секретарь обкома, худощавый, лет сорока, рыжеватый мужчина с наметившейся плешинкой на голове, внимательно выслушав Николая, сказал всего несколько слов:

— Успокойся, Романов. Раз такое дело — отпустим.

Николай даже опешил. Такой контраст. Чуть ли не исключение из партии, и вдруг так легко — отпустим. Еле сдерживая волнение, он поблагодарил и почти бегом выскочил из здания.

Вернулся Николай домой вечером. В комнате были Галя, Александр и Вера.

— Порядок! Получил согласие! — закричал Николай. — Садитесь за стол, расскажу все по порядку.

Сели. Николай весело посмотрел на жену, попросил.

— Галь, покрепче чайку завари. Как, Саша, попьем чайку?

— Попьем, — ответил Александр.

— Все получилось не так, как я думал, — начал спокойно Николай. — Я считал, что секретарь обкома по строительству меня знает и поймет. А он рубанул так, что у меня душа ушла в пятки. «Можешь, говорит, ехать, но без партийного билета». Я вышел от него как угорелый. И решил зайти к первому. Ну, а если и он откажет? Тогда что?.. Все же пошел. В приемной у него полно. Только что кончилось какое-то совещание. Ну, думаю, не примет первый. Спрашиваю секретаршу:

«Можно к Виктору Дмитриевичу?» — «А почему бы нельзя?» Рассказал Виктору Дмитриевичу все, как есть. Вижу, понимает меня человек. Жду, что скажет. А он так просто: «Ничего, Романов, успокойся. Раз такое дело, мы тебя отпустим».

— Вот ведь что получается. Два секретаря, а люди совсем разные. Один человек, а другой — дуб,— проговорила Галя.

— Почему дуб? — возразил Николай.— Он вовсе не дуб, просто не понял человек чужого горя. Видимо, не было у него в жизни таких случаев.

— Не говори, Коля. У каждого человека бывает свое горе. А этот, ты говоришь, даже старше первого. Уверена, что у него в жизни было не меньше неприятностей, чем у первого. Просто он черствый, бездушный человек. А вдруг он переубедит первого, вдруг еще не отпустят тебя?

— Нет, так не случится. Разве Сергей Петрович будет перечить первому?

— А как с работой? — спросила Галя.— Где мы в Никольском устроимся?

— С работой?..— протянул Николай.— Я думаю, что придется работу искать в Костроме.

— Это хорошо бы. А то мне надоело жить в захолустьях.

— Андарск — это не захолустье,— возразил Николай.— Пройдет годков десяток, и ты услышишь, что такое Андарск. Нет, я бы не уехал отсюда, если бы не такое несчастье.

21. Разлад

Прямо с вокзала, не заезжая в институт, Сергей направился к Нине. В трамвае он рисовал радужную картину их встречи. Отец и мать на работе, Нина дома одна. Вот он нажимает кнопку звонка, открывается дверь, Нина встречает его в белом платье.

Выйдя из трамвая, Сергей быстро зашагал к дому, где жили Светловы... Поднявшись на третий этаж, тихо подошел к знакомой двери. Глубоко вздохнул, нажал кнопку. За дверью тишина. Снова нажал. Внимательно прислушался. Ни одного шороха.

— Неужели никого?

Третий, четвертый звонок. За дверью все оставалось по-прежнему. Что же случилось? Ведь он точно указал в телеграмме, когда будет. Может, не получила?

Настроение испортилось. Сергей повернулся и медленно поплелся вниз. Выйдя из подъезда, осмотрелся.

«Что делать? Ждать?.. Может, поехать в институт, оформиться в общежитие? А если Нина куда-нибудь вышла и вот-вот вернется? Пойду в скверик, обожду».

Вдруг позади он услышал знакомый голос. Сергей вздрогнул и повернулся. У подъезда стояла Нина. Рядом с ней высокий парень с густой шевелюрой, в белой рубашке с засученными рукавами, в черных отутюженных брюках. Он держал Нину за руку выше локтя. Сергею показалось, что вот-вот парень нагнется и поцелует ее. В голове промелькнули строчки из письма. «Это — Борис, — подумал Сергей. — Он... Точно он. Значит, все ложь, все неправда. Они встречаются. Она его любит. Какой ужас! Какое заблуждение!»

Скользнув за дерево, Сергей замер. «Что делать? Подойти... Нет, надо дождаться, когда он уйдет...» Сергей еще плотнее прижался к дереву. Прошла минута, две. Выглянув из-за дерева, Сергей опешил. Нины и молодого человека на месте не было. Он быстро обвел глазами всех людей, находящихся вокруг, но ни Нины, ни ее спутника не увидел.

«Куда же они делись? Неужели ушли в дом? Возможно, она не получила моей телеграммы и не ждет меня? Нина... Нина... Что же это такое?» Сергей скрипнул зубами и поплелся к трамваю. Как добрался до института, не заметил. Как оформлял документы на место в общежитие — не помнил. Пришел в себя уже в постели.

В большом спортивном зале, как в армейской казарме, стояло более тридцати коек. Обстановка привычная. Молодые парни, приехавшие из разных мест, знакомились друг с другом, оживленно обсуждали предстоящие экзамены, рассказывали о том, что успели узнать о преподавателях. Острили, смеялись. Сергей лежал с закрытыми глазами, но уснуть не мог. Из головы не выходила Нина и молодой человек.

— А откуда этот военный? — вдруг услышал Сергей тоненький, почти ребячий голосок.

— А бог его знает,— последовал чей-то ответ.

— Что это он так рано завалился?

— Наверное, устал. Военная служба — дело нелегкое.

Сергей мысленно представил себе тех, кто вел этот разговор, и ему было приятно, что его заметили.

Постепенно шум утих. Одни, как и он, легли в постели, другие — ушли, третьи, собравшись кучками, продолжали разговор, но уже тихо.

«Денег всего сто рублей,— думал Сергей.— На две недели хватит... А дальше как жить? Две недели отпуска перед учебой. Куда ехать? К тетке Анисье? Нет... В Сусанино? Конечно, можно у знакомых потолкаться, но кому я без денег нужен... Податься в Чернолесье, к дяде? Но неизвестно, как он живет. А может, лучше в деревню. Давно не был. Только у кого остановиться? У Василия Гужова? Можно и у него. Да и Сашка Петров, наверное, дома — примет... А как дальше? Стипендии хватит только-только на питание, но надо же одеваться? Устроиться работать, но где? Но что я рассуждаю, как будто меня уже приняли. Может, еще и не сдам. Тогда куда? Обратно в часть.

«Значит, провалился,— злорадно скажет старшина.— Даже и Нонка не помогла. А ведь она о тебе говорила, что ты способный, уверяла всех, что ты обязательно сдашь». Стыд-то какой.

— Сергей Солодов, есть такой?

Сергей, приподнявшись, крикнул: «Я, что надо?»

— К телефону в приемную просят.

Сергей вскочил, поспешно оделся. «Это Нина. Конечно, она. Только от нее может быть этот звонок. Больше неоткуда»,— размышлял он, спеша к телефону.

— Я слушаю,— прокричал взволнованно Сергей в телефонную трубку, ожидая услышать голос Нины.

— Сережа! Это я — Нонна. Как ты устроился?

Сергей остолбенел. Преодолев секундное замешательство, спросил:

— Как ты догадалась сюда позвонить? Я ведь сказал тебе, что буду у Нины.

— А я решила рискнуть. Вдруг, думаю, почему-либо там не удалось остановиться. Что же произошло? Почему ты не у нее?

— Да так,— замялся Сергей.— Пока посчитал, что лучше быть здесь.

— Значит, опять не повезло? — съязвила Нонна. И после некоторой паузы спросила: — Ты что собираешься делать?

— Ничего. Лег спать.

— Так рано?

— Лучше ничего не придумал.

— Я тебя приглашаю в парк «Сокольники». Ты бывал там?

— Нет, не был...

— Тогда садись у Красных ворот на метро и доезжай до конечной остановки «Сокольники». У входа из метро я тебя буду ждать. Согласен?

Сергей растерялся. Молчал. Сначала блеснуло желание отказаться. Но тут же он понял, что это будет бестактно. Нонка очень много сделала для него.

— Хорошо. Я буду,— ответил он и положил трубку.

Нонка чувствовала, что Сергей относится к ней равнодушно. Но не хотела думать о том, что она может не нравиться. Какая женщина, и особенно девушка, может поверить в это. Признать свое поражение — значит согласиться с тем, что Нина лучше ее. А она была убеждена, что красивей и умней ее нет никого: ей об этом говорила мать, говорил, в свое время, и Толька. Не раз, вроде бы как в шутку, говорил и командир части Ярцев.

— Ты, Нонночка, такая же умница, как и мать, да и красавица к тому же.

Командир части знал ее прошлое, считал, что, говоря подобные комплименты девушке, этим он помогает ее перевоспитанию. Нонна улыбалась и махала рукой.

— Да ну вас, товарищ командир. Скажете мне тоже.

А про себя думала; «Конечно, я мила и умна. И Толька был в меня влюблен, и Сережка тоже влюблен, только не хочет в этом признаться, боится и стесняется. Ну, да я его еще приберу к рукам». А пока она все объясняла обстановкой, казарменными условиями, в которых Сергей находился. Он ей понравился сразу же при первой встрече: высокий, стройный, густые русые волосы, открытые умные глаза. Но главное все же не это. А какая-то гордая и тихая осанка Сергея покорила

ее. Сдержанный его тон в разговоре задевал ее самолюбие. После встречи в части Нонка почувствовала, что она невольно связывает каждый свой шаг с ним. Идет в библиотеку — надеется там увидеть его, в клуб — тоже. А когда в лагере они стали заниматься вместе, она поняла, что любит Сергея. Но он был сдержан и, как бы в оправдание этого, рассказал все ей о своем знакомстве с Ниной. Внутри она вся рвалась к нему, но как только они оказывались рядом, она словно застыла. Так прошло несколько недель их совместной подготовки к экзаменам. И вот сейчас, в Москве, почувствовав, что Сергей может навсегда уйти от нее, Нонка вдруг преобразилась.

На станцию метро «Сокольники» она приехала первой. Встав около выхода, внимательно наблюдала за выходящими из метро людьми. Прошло пять, десять, пятнадцать минут, а Сергея все не было. «А вдруг он не придет? Позвонить... Нет... Это невозможно, так унижаться».

— Ты уже здесь,— перебил ее мысли знакомый голос.

Нонка вздрогнула, повернулась и увидела Сергея. Он шел с другой стороны.

— Сережа! — выдохнула всей грудью Нонка и припала к его плечу.

Сергей растерянно смотрел на нее.

— Ты знаешь,— оторвавшись, заговорила Нонна,— я пережила страшные минуты. Посмотри налево, там стоит черный мужчина. Он меня съедал глазами. И если бы ты не пришел, он бы подумал... понимаешь?

— Какой мужчина?.. Где?..— спросил Сергей.

Нонка повернулась и прошептала:

— Уже ушел. Ну и хорошо. Пошли.

— Что с тобой, Нонна? — спросил Сергей.

— Сережа... Сережа... Неужели ты такой толстокожий, что ничего не понимаешь. Я испугалась этого мужчины. Одна среди чужих людей — и он. Стоит и съедает меня глазами. Вот-вот подойдет и заговорит. Что делать? Понимаешь?

— Подошел, спросил бы, ну и что? Ответила бы, что ждешь товарища.

— А тебя нет... И вдруг бы не приехал. Вот чего я боялась.

- Как же не приехал? Я же сказал, что буду.
- Сказал, но так сухо, нерадостно.
- Ты же знаешь: я всегда так разговариваю.
- И с Ниной?

Сергей промолчал.

— Значит, не всегда и не со всеми... а только со мной,— грустно сказала Нонка, взяв его под руку.

— Ты напрасно это, Нонна. У меня сегодня неважное настроение. Ехал в Москву — думал об одном, а получилось все по-другому.

— А что с ней, Сережа?

— Не знаю. Пока ничего не знаю.

— Неужели вот так слепо можно любить,— рассудительно заговорила после некоторого молчания Нонка.— Так долго не видеть человека, не говорить с ним, не знать его дел и мыслей, не знать, что с ним в конце концов,— и любить?

Сергей молчал. Нонка взглянула на него исподлобья и толкнула в бок.

— Молодой человек, проснитесь. Мы подошли к кассам.

Купив билеты, Сергей осмотрелся. Нонка стояла в стороне и внимательно наблюдала за прохожими. По выражению ее лица Сергей видел, что она рада этой встрече. У него защекотало сердце.

— Нонна!

— А!

— Ты меня извини. Я немного не в себе.

— Почему?

— Ты понимаешь, твой рассказ о мужчине, который съедал тебя глазами, мне неприятен.

— Что, что? — засмеялась Нонка, явно выражая свою радость.

Сергей чувствовал, что он лукавит, но остановить себя уже не мог. Он соскучился по женской ласке. И сейчас она ему была особенно нужна. И чем дальше они углублялись в парк, тем развязнее становился Сергей и откровеннее Нонка.

Мысль о том, что Нина обманула его, написала в письме неправду, терзала Сергея. Он не мог найти оправдания Нине.

Нонка же, сейчас находясь рядом со своим кумиром, вспомнила, как в ту первую их встречу Сергей неумело

обнимал и целовал ее и как приятны были ей эти поцелуи.

— Сережа, а помнишь, как ты целовал меня в первую нашу встречу? — спросила она.

Сергей молчал.

— Неужели ты забыл это?

Сергей нахмурился. Ему было неприятно вспоминать прошлое.

— Но ты же сама мне сказала, что о прошлом — ни слова. Зачем же возвращаться к этому?

Нонка рассмеялась и ответила:

— О плохом — ни слова. Его надо забыть. А зачем же забывать хорошее? Разве тебе было тогда плохо со мной?

— Если хочешь знать, то да. Я ведь тогда был не в себе, ты же знаешь.

— А сейчас ты тоже не в себе? — сверкнув глазами, спросила Нонка.

— Сейчас? Нет. Я в себе.

— И ты не хочешь меня поцеловать?

Сергей остановился, повернул Нонку к себе, посмотрел ей пристально в глаза и поцеловал.

— Еще, — прошептала она...

* * *

Проведенный с Нонкой вечер расколол душу Сергея, словно острый нож — арбуз. Нонка раскрылась перед ним другим человеком: веселая, остроумная...

Нина вдруг стала уходить на второй план. И все же там, на втором плане, ее лицо, ясные и немного грустные глаза жгли сердце, не давали покоя. Сергей знал, что при встрече с ней все изменится. Но будет ли встреча? А если и будет, то не слишком ли поздно?

Спасением от этих мучительных мыслей оказались экзамены. С утра и до поздней ночи он не отрывался от книг. Рядом с ним постоянно был худенький хромой паренек из Клина. Понимая свою физическую неполноценность, он словно старался ее компенсировать тем, чтобы быть около здорового военного. Павлушка — так звали парня — был подготовлен лучше Сергея и тратил массу времени на то, чтобы помочь ему. И все же один экзамен Сергей сдал на удовлетворительно. Павлушка по всем предметам получил высшие оценки.

Несколько раз за эти дни Сергей порывался съездить к Нине и каждый раз откладывал до следующего дня. Потом решил: если примут, поеду, если нет — уеду в часть, и прощай тогда, Нина, навсегда. Нонка, конечно, вернется в часть и они с ней встретятся. До сдачи экзаменов они договорились не видеться.

Павлушка уверял Сергея, что, несмотря на одну удолетворительную оценку, его примут. Учат, что из армии. Ведь таких, как он, немного.

И вот пришел день, когда абитуриенты съехались в институт, с надеждой увидеть свои фамилии в списках принятых. В этот день Сергей встал рано и не находил себе места, поднялся на четвертый этаж. Там были вывешены списки. Кое-как пробился через толпу. Увидел список. Фамилии на «с»... Быстро, быстро. Нет... Нет... Фамилия за фамилией... Нет. Сергей отошел в сторону и только тут услышал веселый гомон. Те, чьи фамилии были в списках, не расходились. Они ликовали и безудержно болтали.

— Солодов! — раздался в коридоре голос.

— Солодов! Солодов! — подхватили десятки голосов.

— Я — Солодов! — отозвался Сергей.

— Вас просят зайти в деканат, — сказала женщина и быстро застучала каблучками по коридору.

«За документами, — подумал Сергей. И тут же спасительная мысль: — А возможно, пропустили?..»

В приемной декана толпилось несколько человек. Каждый из них доказывал вошедшей женщине, что ему необходимо лично повидаться с деканом.

— Входите, Солодов, вас ждут, — проговорила женщина.

Сергей взялся за ручку. На миг показалось, что он открывает дверь в пропасть.

В небольшом кабинете за письменным столом сидел поседевший, с прямым носом, мужчина в очках. Перед ним стоял невысокого роста паренек. Сергей не обратил на него внимания, сосредоточив свой взгляд на лице декана.

— Солодов? — спросил мужчина.

— Так точно, Солодов! — по-военному ответил Сергей, сделав шаг вперед.

— Здесь вот за вас ходатай нашелся. Просит обязательно принять вас в институт, характеризует как очень

способного, трудолюбивого человека. Что вы на это скажете?

Сергей взглянул на паренька, узнал Павлушку.

— Я хочу учиться, товарищ декан. И если вы меня примете, не подведу. А Павлу большое спасибо за такое внимание.

— Ну, что ж, молодой человек,— обратился декан к Павлу,— вы свое сделали, можете идти.

Тот улыбнулся Сергею и вышел.

— Экзамены вы сдали. Хотя и получили по одному предмету удовлетворительно, но у меня есть к вам один вопрос. Родом вы из деревни Костромского района. Почему же ваш отец живет на Севере?

Сергей боялся этого вопроса. В анкете и биографии он не написал, что его отец раскулачен, а указал, что мать умерла, а отец живет на Севере. Связь с ним потерял.

— Какое хозяйство имели ваши родители? — спросил декан.

— По-моему, середняцкое,— тихо ответил Сергей.

— Почему «по-моему»?

— Так я считаю.

— Вы вот в биографии пишете: отец живет на Севере, связь с ним потерял. А почему он уехал на Север? Почему у вас с ним связи нет? Вы об этом умалчиваете. Если с вашим отцом что-то случилось неприятное, тогда надо прямо так и написать.

— Хорошо, я напишу,— тихо проговорил Сергей.

— Что «хорошо»? — вскинул голову декан.— Значит, вы что-то скрыли?

— Я просто не считал необходимым об этом писать,— уклончиво ответил Сергей.

— О чем об этом? — начал раздражаться декан.— Отец сам на Север уехал или его выслали?

— Вроде бы выслали, но это была ошибка. Отца вскоре освободили. Он бы мог вернуться, но наш дом в деревне сгорел...

— Так вот, дорогой мой товарищ Солодов, поезжайте к себе на родину и представьте в институт справку от сельсовета: какое имел хозяйство ваш отец и каким административным мерам он подвергался и почему, а также где находится сейчас и чем занимается. Если

справка не будет препятствовать вашему поступлению в институт, считайте себя принятым. Счастливого вам пути!

* * *

Получив справку о сдаче экзаменов в институт, Сергей решил: «Поеду к Нине. Две недели прошло, а от нее никаких вестей». И тут же другой голос: «А зачем? Узнать, что она любит другого. Проститься? Смешно. Четыре года считались жених и невеста и вдруг — прощай... Лучше не ехать. А может, что-то и не так? Возможно, человек этот и не Борис, а просто товарищ? Нет, надо ехать, а то сомнения истерзают всю душу. А так совесть будет чиста на всю жизнь... Поеду...»

С этими мыслями Сергей поднялся на третий этаж к квартире Нины.

Вот с таким же трепетом две недели назад стоял он здесь и верил в свое счастье... Прошло только две недели, и уже он не верит в него... Все изменилось.

А вдруг... появится Нина, бросится ему на шею, расцелует и скажет: «Сережка, милый, где же ты пропадал-ешь? Я тебя каждый день жду...»

За дверью раздался продолжительный звонок. Сергей замер. Вот... вот... слышатся шаги.. Нет. Тихо... Неужели опять никого?.. Хорошо бы... Внутри стало легче, свободнее... Второй звонок — и опять тихо... Сергей облегченно вздохнул. Теперь — все. Совесть моя чиста. Напишу записку и суну под дверь. Сообщу, что экзамены сдал.

Достав из кармана блокнот, он сел на ступеньку и стал писать.

— Молодой человек! — раздался женский голос. — Вы не к Светловым?

— Да, к ним, — встав со ступеньки, ответил Сергей.

— Кем вы им доводитесь?

— Никем. Просто друг Нины.

— А... Вспомнила, вспомнила. Бывал ты здесь раньше. Так вот я тебе, милый, по секрету скажу. Обманывают они тебя. К ней тут другой ходил. К свадьбе они уж готовились, да не вышло ничего. Отвернулся от Нинки жених.

— Что значит отвернулся? — раздраженно спросил Сергей.

— Ты слушай, парень, слушай, не перебивай. Я все знаю.

Сергей внимательно взглянул на незнакомую женщину и внутренне содрогнулся: глаза блестят, на лице ехидная улыбка, волосы растрепанные, передник засаленный, большие руки, как обезьяньи лапы, скрещены на груди...

— Вы не знаете, где она сейчас? — спросил Сергей.

— А кто ее знает? К ним какой-то молодой человек приехал. Они говорят, что родственник, а я думаю, скрывают. Они ведь скрытные, нелюдимые. А я все равно все знаю.

— Зачем вы так?.. Что вам надо от них? — раздраженно прокричал Сергей.

— Чумовой... Совсем чумовой... Что ты на меня орешь, сопляк! Что мне от них надо?.. Да плевать мне на тебя и на них!

Лицо женщины исказилось, прищуренные глаза за сверкали ненавистью, тонкие накрашенные губы сжались в кривой усмешке.

Сергей глядел на нее и думал: «Сумасшедшая... конечно, сумасшедшая. Надо уйти». Повернувшись, он побежал вниз. «Вот ведьма. Не дала даже записку написать. Ну, ладно, pošлю письмо. Значит, это был не Борис. А парень — просто им родственник... А может, появился вместо Бориса другой? Почему Нина меня не попыталась найти в институте и почему в день приезда не ждала? Уехать обратно в часть, не повидав Нину, — это значит потерять ее навсегда. Она не поймет меня. Написать письмо и рассказать о том, что приходил дважды и не застал никого дома... Это тоже не то. Почему же я не попытался зайти вечером? И в самом деле: почему? Было не до нее, сдавал экзамены. А сегодня? Почему не зайти сегодня вечером? Решено». С этой мыслью Сергей и сел в трамвай.

— Солодов!

Сергей повернулся и увидел стоящего сзади Николая Романова.

— Николай!.. Какая встреча! — прокричал радостно Сергей.

Пассажиры повернули головы. Некоторые улыбались, другие смотрели на молодых людей с подозрением. Кто знает, может, разыгрывают парни сцену слу-

чайной встречи, чтобы привлечь внимание, а в это время кто-то третий схватит сумку или чемодан и выпрыгнет из трамвая. Всякое ведь бывает. Но лица молодых людей и их горячий разговор были настолько естественными, что не оставалось сомнения: два друга встретились неожиданно. Бывает же так! В одном поселке годы живешь и не встретишь знакомого человека — и вдруг где-то совсем далеко, в огромном людском потоке встреча, и именно та, которая так нужна.

— Сойдем, пройдемся пешочком, — предложил Сергей.

— Давай, — согласился Николай и первым вышел на остановке.

— Ты знаешь, я сдал экзамены в институт. Завтра еду в часть, — сообщил Сергей.

— А как у тебя дела с родителями? — вспомнив, что Сергея исключили из комсомола в техникуме, спросил Николай.

— Отец — на Севере, мать умерла, — ответил Сергей. «Надо же обязательно об этом спросить», — подумал он и нахмурился.

Николай, почувствовав свою бестактность и стараясь исправить ее, тихо добавил:

— Знаешь, у меня большие неприятности. Отец умер. Мать с двумя маленькими братишками осталась одна. Едем с Галкой к ней.

— Женился, значит?

— В первый же год после окончания техникума. Дочке уже два годика скоро минет. Ты мою жену знаешь.

— Кто же это? Из техникума?

— Галка Голубкова. Помнишь, ты еще ей через меня записки передавал?

Сергей ясно представил острые насмешливые глаза Гали в тот момент, когда она показала ему язык. Сердце сжалось.

— Значит, вы издевались тогда надо мной?

Николай резко остановился. Его больно тронули эти слова. Как Сергей мог подумать такое? Ответил спокойно:

— Ты что, не помнишь? Мы с Галкой подружили на последнем курсе. Вместе уехали на Север. Там и поженились. Понятно?!

- Понятно,— ответил хмуро Сергей.
- А я тебя еще одним удивлю,— засмеялся Николай.
- Больше, пожалуй, уж нечем.
- Ты знаешь, с кем я познакомился в Андарске?
- С отцом?
- Нет, что ты. С Сашей Петровым.
- Что ты говоришь? — обрадованно воскликнул Сергей.— Действительно, удивил. Вот никогда бы не подумал. Сашка Петров — и на Севере. Да как он туда попал?
- Завербовался на стройку. Работает шофером.
- Верно. Он хотел быть строителем,— проговорил Сергей.— У тебя есть его адрес?
- Есть, конечно, запиши.
- А где Галя? — спросил Сергей.
- На вокзале. Пошли.
- Нет... Не могу. Мне кое-что купить надо. Встретимся в Костроме. Как вас там найти?
- Вот это — вопрос. Ни работы, ни жилья. Едем пока к матери в Никольское. А в городе даже прийтись негде. Может, у тебя есть знакомые или родственники, у которых на первых порах остановиться можно?
- Сергей вспомнил бабушку Серафиму. Три комнаты, живет одна. Эта примет.
- Есть один адрес: улица Коминтерна. Точный адрес забыл. Но ты найдешь. Угловой дом на правой стороне у Сенной площади, третий этаж, квартира семь, Серафима Светлова. Это бабушка моей невесты. Живет она одна в трех комнатах. Идите прямо к ней и расскажите, что послал я. Если все осталось по-прежнему, уверен, она примет.
- Спасибо, Сергей. Это очень кстати.
- Если же там не получится, то сходи к Анисье. К тетке моей, у которой я жил, на Октябрьской улице. Женщина она, правда, нудная, немного даже странная, но ничего, ужиться можно.
- Вот видишь, Сергей, как кстати наша встреча. Человек без помощи не может. Главное его назначение — другим помогать.
- Ты всегда отличался философствованием,— улыбнулся Сергей.

— А ты — практичностью.

— Жизнь заставляла.

— Жизнь всех учит. Это лучший университет,— сказал Максим Горький.

— А я тебя не узнал бы, если не окликнул,— проговорил Сергей.— Изменился. В лице появилось что-то властное.

— Разве? Да, тогда мы были юнцами и мало о чем серьезно думали, а теперь...— Николай споткнулся на этом слове и задумался.

— Что теперь? — спросил Сергей.

— Совсем взрослые стали. Забот и хлопот прибавилось. И мысли стали объемнее.

— Лично у меня забот хватало и тогда, когда учился в техникуме. Не все я понимал. Мучился. Правды в жизни не находил.

— А сейчас нашел?

— Кажется, разобрался. Конечно, отец мой плохим человеком был. Но и вы тогда неправильно поступили, исключив меня из комсомола. Почему я должен был за него отвечать? Да, кстати, ведь отца-то моего реабилитировали. И меня обком в комсомоле восстановил.

— Ну что же, я рад за тебя. Значит, исправили ошибку.

— Но эта ошибка мне чуть жизни не стоила. И сейчас я еще за отца в ответе. Экзамены вот в институт сдал, а зачислить еще не зачислили — справочку, говорят, нужно представить о том, что отец не был кулаком. Вот и поеду за этими справочками.

— Да, тогда были кое-какие перегибы.

— Перегибы! — нервно прошептал Сергей.— А кто вас заставлял перегибать? Ты ведь тоже голосовал за мое исключение. Значит, тоже перегибал?..

Николай нахмурился. Несколько десятков метров шли молча.

— Ну что ж, до встречи в Костроме!

Сергей остановился, протянул Николаю руку.

— Мы с Галкой будем тебя ждать,— сказал Николай.— А к невесте ты все же сходи! Обязательно.

Сергей, простившись с Николаем, повернул обратно и зашагал снова к Покровским воротам. Он решил во что бы то ни стало увидеть Нину. Постояв минут пятнадцать около подъезда, он снова поднялся на третий

этаж и нажал кнопку в квартире Светловых. За дверью раздался звонок, и тут же послышались быстрые шаги. Сергей замер. Дверь открылась, и он увидел мать Нины. Она стояла в дверях и растерянно смотрела на него. «Неужели не узнала?» — подумал Сергей.

— По-моему, это Сережа, — проговорила тихо она. Отступив из прохода, добавила: — Проходи, пропащий, проходи.

— Здравствуйте, Софья Дмитриевна, — растерянно проговорил Сергей и вошел в квартиру. — Нина дома?

— К сожалению, Сереженька, Нины нет. Она уехала вместе с отцом в дом отдыха. Он уговорил ее перед новым учебным годом хотя бы две недельки отдохнуть. Ему в наркомате дали две путевки. Где же ты пропадал? Она так ждала, так ждала твоего прихода.

— Я был у вас в тот же день, как приехал. Позвонил. В квартире никого не было. Вышел на улицу, увидел Нину с каким-то молодым человеком. Подумал, что это Борис, и уехал. А потом экзамены. Пришлось думать о них. Сегодня получил справку — и прямо к вам. И вот такая неудача.

— Да что же мы стоим. Проходи в комнату. Садись. Я сейчас чай приготовлю.

— Нет, нет. Спасибо. Я чай пить не буду. Мне ведь завтра в часть возвращаться. А что Нина, телеграмму мою не получила разве?

— Почему не получила. Получила, потому и ждала тебя каждый день. Звонила в институт, проверила, приехал ты или нет. Узнала, что приехал, и опять ждала, а на днях вот уехала. Не дождалась, значит.

— Почему же она не попросила, чтобы мне передали о ее звонке?

— Вот этого не знаю. Да присядь ты в конце концов. Что ты стоишь в коридоре-то.

Сергей развел руками, прошел в комнату, сел на стул и задумался.

— Ну, что задумался? Играете вы друг с другом оба, как маленькие, и не поймешь ничего, что между вами происходит, — с укором проговорила Софья Дмитриевна. — Вот ты увидел ее, говоришь, с молодым человеком, и ушел. Значит, по-твоему, она все время должна быть одна. Четыре года ждать тебя, нигде не бывать, ни с кем не встречаться, никуда не ходить?

— Почему же? Я так вовсе не считаю. Я подумал, что она с Борисом. Она писала мне о нем.

— Ну и что, хотя бы и с Борисом. Ведь она тебе не жена и никакими обязательствами вы с ней не связаны. Все, что вас может связывать,— это чувства. Взаимные чувства. Почему же ты ушел. Не узнал, кто этот молодой человек, какие у нее с ним отношения?

Сергей опустил голову. Он почувствовал, что действительно поступил глупо, по-мальчишески. Вспыхнувшая в нем ревность затмила разум, взвинтила нервы — и вот он за это наказан. Но можно ли исправить ошибку, можно ли вернуть то, что он сам по своей вине теряет:

— Софья Дмитриевна, извините меня. Я, конечно, поступил глупо. Я хочу видеть Нину. Скажите, куда она уехала. Я съезжу туда. Сейчас же поеду.

Софья Дмитриевна рассмеялась, ласково взглянула на Сергея и проговорила:

— Они уехали на Украину, Сережа. Адрес я тебе ее дам, можешь написать ей, а ехать туда тебе не надо. Встретитесь, когда приедешь в Москву на учебу. К первому сентябрю ты приедешь?

— Приеду,— твердо ответил Сергей.

— Вот тогда и встретитесь. Что же касается Бориса, то это уже все позади. С ним она не встречается. Но ты ведь знаешь Нину. Одна она не бывает. Она всегда в компании. Ухажеров у нее в институте много. Но любит пока, как мне кажется, она тебя. Смотри не потеряй свою и ее любовь. Ну а как у тебя дела? Ты ведь тоже, мне говорила Нина, с какой-то там Нонной дружбу завел, вместе с ней к экзаменам готовился.

— Да, готовился.

— Сдала она экзамены-то?

— Не знаю. Она сдавала в институт связи.

— Ну что же, Сережа, поезжай. Счастливо тебе, а Нине напиши.

Сергей встал, попрощался и ушел.

22. Секретарь секретаря

Николай тихо вошел в приемную, остановился около порога. В светлой комнате за небольшим столиком сидела молоденькая худенькая девушка. Она сосре-

дотоchenно разговаривала с кем-то по телефону. Напротив на стуле сидела старуха лет семидесяти. Положив телефонную трубку, девушка повернулась к старухе:

— Так вот, бабушка, я еще раз повторяю, что сегодня товарищ Романова по личным вопросам не принимает. Приходите в пятницу.

— Слухай сюда. Мне теперь надобно. В пятницу я не могу. У меня дела в колхозе. Так и скажи, дочка, чтобы она приняла меня.

— Опять двадцать пять,— повысила голос девушка.— Я вам русским языком сказала, что сегодня день не приемный.

— Так что из того. Она-то, чай, тут. Если бы не было — другое дело. Я приехала издалека, чтобы поговорить с секретарем, а ты не пушаешь. Иди, иди, дочка, скажи ей, мол, старуха больная из Коростелей с ней хочет поговорить. Она примет.

— Да не могу я этого сделать, бабушка. Понимаете вы русский язык или нет? День сегодня не приемный. Она мне сказала, чтобы я к ней никого не пускала.

— Так ведь она не знала, что я приду, вот и сказала, а узнает и примет. Не может секретарь райкома старого человека не принять.

— А вы, бабушка, заявление напишите, я ей передам, а в пятницу приедете — ответ получите,— пытается уговорить упрямую старуху секретарша.

— Да что ты меня учишь, пигаица, как надобно мне поступать. Что ты понимаешь в нашем деле? — сердится старуха.— Твое дело сходить и сказать секретарю, что с ней хочет говорить Матвеиха из Коростелей. Понятно?

— А вы что, гражданин? — заметив Николая, повернулась девушка в его сторону.

— Я тоже к Романовой.

— По личному или по служебному?

— Да как вам сказать, пожалуй, больше по личному.

— По личным вопросам сегодня Романова не принимает. Приходите в пятницу,— сухо отрезала девушка и повернулась вновь к старухе.

— А может быть, вы все же доложите Романовой, что с ней хочет поговорить Романов.

Девушка улыбнулась, внимательно взглянула на Николая и вскочила из-за стола:

— Проходите, пожалуйста, она одна.

— А вы кто секретарю? Муж или брат? — спросила старуха.

— Да никто, бабуля. Просто однофамилец. Пойдемте вместе.

Девушка даже не успела выскочить из-за стола, как Николай открыл дверь в кабинет.

Старуха вскочила и засеменила за ним.

Секретарь райкома, увидя посетителей, отложила в сторону бумаги, поздоровалась, пригласила сесть.

— Слушаю,— обратилась она к Матвейхе.

Та растерянно посмотрела на Николая, помяла платок и, вздохнув, заговорила:

— Не пущала меня к тебе твоя пигалица. Да вот добрый человек помог. Идем, говорит, вместе.

Секретарь, не понимая, о чем идет речь, взглянула на Николая.

— Мне к вам девушка разрешила зайти, а ей — нет,— пояснил Николай.— Ну я и пригласил ее зайти вместе.

Секретарь пожала плечами.

— Слушаю, вас, бабушка.

— Дело у меня к тебе, роднинька,— начала Матвейха.— Приехала я из Коростелей, слыхала, поди? Неподалеку от нас дом отдыха есть, слыхала небось — Лыково. Так вот, директором в этом доме — Шершневу. Приехала я, чтобы сказать тебе,— плохой он человек. Нашего председателя Николая поедом съедает. Мешает ему колхозные дела чин по чину вести. Намедни опять Николай в город вызывали и, сказывают — ругали больно. Опять, стало быть, Шершневу на него что-то наплел. Убери ты этого Шершневу с наших глаз долой.

— А как колхоз-то называется?

— Ась? — поднесла руку к уху Матвейха.

— Спрашиваю, как колхоз называется? — повысила голос секретарь.

— Известно как. Чай, все так зовутся — «Вперед к коммунизму!».

— Знаю... знаю. Петров там у вас председателем,— улыбнулась Романова.

— Так-так, он самый.

— Был он у меня, Просил освободить его от председателей. Трудно, говорит, малограмотен.

— Вот люди и послали меня к тебе, говорят, скажи партийному секретарю все, что и как. Вот я и исполнила их наказ. Шершнев всему вина. Не любит он Николая и всякие наговоры на него ведет.

— Хорошо, бабушка, мы разберемся,— привстав из-за стола, протянула старухе руку секретарь.

Матвейха не стала, как обычно, распространяться. Она была уверена, что достаточно ей сказать секретарю райкома, что Шершнев — плохой человек, как та все решит, как надо.

— Прощевай. Спасибо тебе, добрый человек,— живнула головой Матвейха и направилась к двери.

— Скажите, бабушка, а вы не знаете Александра Петрова? — спросил Николай.

— Ась? Сашутку-то, как же не знать. Сынка-то Николая? Нет его здесь теперича. На Север он уехал. На строительстве каком-то работает.

— А я как раз оттуда прибыл. Александр просил меня в вашу деревню съездить и подарок отцу с матерью передать. Так вы подождите меня, пожалуйста, в приемной.

Матвейха стояла со сщуренными глазами и нервно щипала платок. Видимо, ее так ошеломило это сообщение, что она не находила слов. Николай заметил растерянность старухи, спросил:

— Так подождете?

Матвейха встрепенулась, словно что вспомнила, недоуменно покачала головой и, ничего не сказав, вышла.

Николай проводил взглядом старуху и с опаской взглянул на секретаря.

— А что у вас, молодой человек? — холодно спросила Романова.

Николай взволнованно заговорил. Секретарь слушала его внимательно. Посмотрела документы и взялась за трубку телефона:

— Товарищ Чумаков, на мой взгляд, есть хорошая кандидатура для вас. Молодой коммунист, с большой стройки приехал, был там секретарем комитета комсомола. Родом из Никольского. В нашем городе техникум окончил. Можешь принять сейчас? Хорошо, я его к тебе посылаю.

Романова положила трубку.

— Идите к начальнику горотдела ОГПУ. Побеседуйте с ним,— предложила она Николаю.

— Спасибо,— ответил Николай и попрощался.

23. На своем месте

Вернувшись вечером из рейса, Саша узнал от Веры, что ей предложили освободить комнату Романовых и она опять в общежитии. Ему захотелось узнать, заняли эту комнату или нет. Подойдя к дому, он остановился около дерева, что стояло у окна. К крыльцу с другой стороны подошла женщина, спросила:

— Вы кого-нибудь ищете?

— Нет. Я хотел узнать, заняли бывшую комнату Романовых или нет?

— Мы здесь живем. А почему вас это интересует?

— Так просто,— ответил Александр и зашагал обратно.

— Молодой человек! — раздался сзади мужской голос.— Так не положено. Прошу вернуться и объяснить, почему вы интересуетесь, кто здесь живет? — строгим голосом спросил коренастый, невысокого роста мужчина.

— Я же сказал: просто так.

— Просто так не бывает. Вы что, рассчитывали занять это жилье?

— Нет. Я товарищ Николая Романова. Часто бывал здесь. Вот меня и потянуло сюда снова. Дай, думаю, узнаю, кто там теперь?

— А где вы работаете? — спросил все тем же строгим тоном мужчина.

— Я — шофер грузовой машины. Работаю в отделе снабжения управления.

— Как вас зовут?

— Александр Петров.

— Значит, не обознался я. Саша Петров. Какой же ты стал! Ты что, не узнаешь меня? Борода, наверное, меня изменила.

Александр опешил. Впился глазами в здоровяка и тут только вспомнил Степана с курсов трактористов.

— Вот это встреча,— проговорил радостно Александр.

— Не говори,— заулыбался Степан.— Проходи, дружище, гостем будешь.

— Лидия Семеновна,— протянула руку женщина.— Заходите, пожалуйста, Саша, заходите.

— Что вы, спасибо.

— Нет, нет. Прошу.— Степан взял Александра под руку.

— Вот те на. Значит, в гости набился.

— Не беспокойтесь. Нам вас особо угощать нечем. Сами знаете, какое здесь снабжение. Если чаю хотите, то быстро вскипачу,— ответила Лидия Семеновна.

— Чай не водка, много не выпьешь,— пошутил Александр.

— А вы что, любите выпить?

— Наоборот. Не пью. Эта такая пословица есть.

— Что верно, то верно,— отозвался Степан.— Могу, Лида, самолично подтвердить: Саша зарок дал, не пьет.

— Для такого случая я уж и тебе разрешила бы. У меня по рюмочке вам найдется,— проговорила Лидия Семеновна.

— Что вы,— смутился Александр.— Я серьезно говорю — не пью.

— Серьезно? Это хорошо. Таких молодых людей здесь мало. Да, пожалуй, и не только молодых. Никаких нет,— засмеялась Лидия Семеновна.

— Вот и неправда. А я?

— Ты — не в счет. Если бы я мирилась с этим, и ты бы пил.

Степан громко захохотал и, обращаясь к Александру, сказал:

— Видишь, какая она у меня. Все мои заслуги готова себе присвоить, а свои недостатки на меня свалить.

— Свалишь на тебя, дожидайся. Вы ему, Саша, не верьте. Это он только прикидывается таким паинькой, а на самом деле домострой. Что же касается водки, то признаюсь, почти не пьет. Но, наверное, потому, что я пьяных терпеть не могу. Пьяный мужик — хуже дурака. Хотя говорят, что пьяный проспится, а дурак — никогда. Но дурак всегда одинаков. Его изучить можно, а пьяный каждый раз какой-нибудь новый фортель выкидывает, и никак его понять нельзя.

— Ну, это ты, положим, перехватываешь,— перебил жену Степан.— Я никогда своей головы не терял, сколько бы ни выпил. А возьми, к примеру, бригадира маляров. Выпить, все знают, он любит, но головы никогда не теряет. Глупостей я от него никогда не слышал.

— Не слышал? — удивилась Лидия Семеновна.— А почему? Потому что Таисья его, как я тебя, в руках держит. Она, говорят, ему однажды такую баню устроила, что с тех пор он забыл даже про свою Америку.

— А знаешь, Степан, я согласен с твоей женой,— заговорил Александр.— У нас в деревне некоторые до того напивались, что до убийства дело доходило.

— Верно, верно, Саша,— обрадовалась поддержке Лидия Семеновна, наливая Александру второй стакан чая.

— Спасибо, не хочу,— ответил Александр и встал из-за стола.

— Куда же это ты? Посиди, расскажи, как сюда попал, как живется? — забеспокоился Степан.

— Попал, наверное, так же, как и вы,— завербовался и приехал. Живу, как все. Только скучно. Друзья уехали, и словно мир темней стал.

— Это верно. Без друзей и товарищей жизнь — тоска. Приходи к нам, Саша, когда скучно будет. У нас много знакомых из молодежи, станете их товарищем,— проговорила Лидия Семеновна.

— Спасибо, может, как-нибудь и зайду.

— При стройке техникум недавно открылся. Я там практику по кранам веду, может, учиться хочешь? — спросил Степан.

— Хочу. Думаю поступить, если ничего не случится. Только работа у меня несуразная. Рейсы бывают дальние, возвращаюсь часто ночью.

— Это ничего, было бы желание учиться, работу сменить можно. Хочешь быть крановщиком? Я помогу перейти.

— Крановщиком? Подумать надо. Может, и есть смысл.

— Есть, есть. Не ошибешься. Заходи как-нибудь, посоветуемся.

— Зайду. Видите, как все получилось. Вы уж извините.

— Да что вы, Саша,—захлопотала Лидия Семеновна.— Какие тут извинения. Парень, видать, вы самостоятельный. Если что надо будет—не стесняйтесь, обращайтесь к нему. Он поможет,—кинула она на мужа.

«Какая встреча,—думал Александр, шагая к общежитию.— Степан совсем другим человеком стал. И не пьет, и веселый такой, смеется. А тогда из него слова трудно было выдавить. Нет, не уеду я отсюда. Стройка огромная. Дома в поселке растут, как грибы. Съезжу в отпуск и вернусь обратно... Крановщик... Это здорово... Учиться буду... Только вот Вера, как с ней быть? Переживает, сердится... Хорошая девушка. Но не жениться же мне на ней, в самом деле. Может, перейти в другое общежитие? Реже встречаться станем... Однако два дня уже прошло, как не виделись. Что с ней? Зайти, узнать? Нет, подумает, что скучаю.

А разве нет? Почему же мне ее видеть хочется? От скуки. Вера милая. Простая и добрая. Таких я еще не встречал. И знает много. О чем ни заговоришь, она знает. Хохотушка только. И почему она так громко смеется. «Это, говорит, у меня от природы. Мать моя тоже громко смеялась». А что у меня от природы? Иван Солодов тогда в лесу сказал, что я не в отца, а в мать. А Анисья говорила, что я вылитый отец. А Вера как-то спросила: «Ты, Саша, в кого такой несовременный: в мать или в отца? И водки не пьешь, не куришь, и за девушками не ухаживаешь. Даже меня ни в кино, ни на танцы не пригласишь». И в самом деле: в кого же я такой?»

У общежития Александр остановился. Окно комнаты, где жила Вера, было темным. «Неужели спит?.. А вдруг ушла в клуб? Надо бы узнать. А если заболела? Все ушли, а она лежит одна, скучает. Надо зайти. Нет, не пойду. Что она подумает? Да пусть себе ходит, куда хочет... А тоже, делает вид, что переживает, когда меня долго не видит».

Александр сделал по направлению к клубу несколько шагов и остановился. Взглянул снова на приметное окошко. В нем появился свет.

Александр повернулся и быстро зашагал к подъезду.

— Саша! Это ты? — прозвучал голос Веры.

— Я. А что?

— Подождешь меня?

— Выходи,— ответил небрежно Александр. На душе стало спокойно.

* * *

На другой день Александр, вернувшись из рейса, направился к Степану. Тот его встретил приветливо и сообщил, что он договорился с начальством о его переходе на кран. Александра удивила такая заинтересованность Степана в его судьбе.

«Наверное, стройке крановщики нужнее, чем шоферы. Вот Степан и хлопочет»,— решил он. Но тут же вспомнил, как Степан ходил с ним в больницу к сестре, как после искал мед для нее. Зримо увидел он и доброе, улыбающееся лицо жены Степана. Значит, оба они просто хорошие люди. Вот и заботятся о других.

«Надо было бы со Степаном об отпуске посоветоваться,— подумал Александр.— Прежде чем на новое место переходить, неплохо бы отца с матерью повидать и вообще посмотреть, что в деревне делается. Отец написал, что с председателей уходить хочет. Трудно стало. Остались в колхозе одни бабы, старые да малые. Брат Павел и ты, Саша, плохой пример показали, первыми колхоз бросили. Бросили? Я-то не бросил. А вот дядя Павел действительно сбежал. Где он теперь?»

И тут в памяти Александра всплыли слова Степана: «Бригадир маляров любит выпить, но никогда я от него глупостей не слышал». И тут же ответ его жены: «Ему Таисья однажды такую баню устроила, что он забыл про свою Америку...» Постой, постой, не о нем ли они говорили? Ведь дядя Павел уехал куда-то на Север... Он маляр. Жена его — Таисья и это... Америка...»

Александр заспешил обратно к Степану.

— Извини, Степан,— сказал он смущенно, заглядывая в кабину крана.

— Давай, давай, что там у тебя? — проговорил Степан.

— Я вспомнил наш разговор у вас дома. Ты упомянул бригадира маляров, но не сказал, как его фамилия. А у меня дядя — маляр, и жена у него — Таисья, как и у бригадира, и уехал он куда-то на северную стройку.

— Постой, постой, действительно фамилия его Петров. Павел Иванович Петров.

— Так это же мой дядя,—закричал Александр.— И жена у него Таисья. Рыжеватая такая, с веснушками.

— Верно, верно! Вот дела! Как это я сразу-то не совместил, что у вас одна фамилия.

— Как мне его найти?—спросил Саша.

— Да очень просто. Его бригада сейчас на главном корпусе вкалывает. А жена в поликлинике работает — медсестрой. Знаешь, где поликлиника?

— Знаю, я там медосмотр проходил.

— Вот-вот. А главный корпус — за горой. Бывал там?..

— Бывал.

— Вот и поезжай туда. Там и встретишь своего дядю. Передай привет ему. Мы с ним хорошо знакомы.

— Спасибо, Степан, я побегу.

— Да не торопись. Твой дядя никуда не денется.

Главный корпус стройки — это ее центр. Огромной высоты здание занимало более ста метров в длину и около двадцати в ширину. Несколько дней назад Александр привозил сюда какие-то тяжелые ящики. В корпусе стоял такой невообразимый шум, стук и скрежет железа, что он с непривычки заткнул даже уши. Но на этот раз здесь было почти тихо. Под крышей медленно полз по рельсам подъемный кран.

«Может, мне на таком придется работать,—подумал Саша.— Где же у него кабина управления?» Он задрал голову вверх и стал внимательно ощупывать глазами катящуюся по рельсам громадину.

— Э, парень, чего зазевался? Проходи побыстрее! — услышал он сверху женский голос.

— А ты, Глаша, подхвати его крючочком и протащи по всему корпусу, это, видать, новичок на экскурсию прибыл. Александр повернулся в сторону говорившего и увидел невдалеке небольшого паренька. На голове у него была каска, на плечах брезентовая куртка, на ногах кирзовые сапоги.

— Где тут маляры работают? — спросил Саша.

— Маляры? Проходи в конец корпуса. Они там митингуют.

Саша старался представить, как встретит его дядя, как он удивится и обрадуется, как бросит работу и заспешит вместе с ним в поликлинику к Таисье, чтобы

и ее удивить таким чудом. А затем он будет сидеть у них в доме и рассказывать о деревне.

Но все произошло по-другому.

Пройдя в конец корпуса, он увидел группу людей, сидящих около стены. Их комбинезоны были залиты белилами. Рядом с ними стояли ведра, на земле валялись малярные кисти. Перед ними стоял мужчина в синем халате. Он что-то говорил. Саша узнал дядю. «Что делать? Подойти? При посторонних людях такая нечаянная встреча... Нет, обожду. Когда начнут работать, тогда и объявлюсь».

Но Павел, словно почувствовав, что на него смотрят, повернул голову и застыл. Затем, что-то сказав, повернулся и пошел навстречу:

— Александр! Каким чудом тебя сюда занесло? — спросил спокойно он.

— Я здесь уже год. Работаю шофером.

— Не ожидал. Ты что, меня ищешь или по другим делам зашел?

— Я только что узнал, что ты здесь. И вот решил повидать.

— А где живешь?

— В общежитии.

— Так. Ну что ж, после работы заходи. Мы живем в шестом бараке. Рады будем. А если хочешь, зайди сейчас к Таисье. Она в поликлинике работает, покажись ей. Пусть посмотрит, каким орлом племянник стал. А меня извини. Работа срочная, ударная.

Павел повернулся и пошел обратно.

Александр нахмурился. Он никак не мог предполагать, что дядя так равнодушно и спокойно отнесется к этой встрече.

«Что случилось? Почему? Даже руки не подал, не обнял, — размышлял Александр. — Удивительно. Словно и не родные. Да не пойду я ни к Таисье, ни к ним домой... Уехать бы быстрее в отпуск».

С твердым решением добиться отпуска он направился к начальнику гаража.

— Не по адресу обращаешься, Петров. Приказ есть: с завтрашнего дня учеником на кран переходишь.

— Но я хотел сначала в отпуск.

— Не могу разрешить. Ты теперь не наш. Обращайся к начальнику производства Сухаревскому.

Александр пошел в контору. Нашел кабинет начальника производства, постучался. За дверью не ответили. Дернул ручку. Дверь не поддавалась. Постоял, подумал, пошел в отдел кадров.

— В отпуск?..— переспросила молодая женщина.— Где вы работаете?

— Был в гараже, а завтра на кран перехожу.

— Чего же ты к нам обращаешься. Просись у своего начальства. Кто у вас начальник?

— Не знаю.

Женщина зло взглянула на Александра и буркнула:

— Вот чудак, своего начальника не знает.

Возвращаясь обратно, на одной из дверей Александр увидел надпись: «Приемная А. С. Ветрова — начальника строительства». Александр вспомнил, как Ветров выступал на одном комсомольском собрании, говорил о внимании к молодежи, чуткости к ней и обещал всяческую поддержку. «Может, зайти к нему, он ведь самый большой на стройке, сразу все должен решить». Александр тихонько приоткрыл дверь. В приемной не было никого. Постояв несколько минут около небольшого столика, на котором стояло несколько телефонов и лежала кипа бумаг, Саша уже хотел выйти обратно, но в это время из-за двери, на которой висела вывеска «А. С. Ветров», донесся до него голос начальника строительства. Он с кем-то разговаривал. Саша решил войти в кабинет.

Ветров подписывал какие-то бумаги. Рядом стоял молодой парень. Увидев Александра, он сорвался с места и, преградив ему путь, еле сдерживая себя, прошипел:

— Кто вам позволил войти?

Александр решительно обошел парня и шагнул к столу.

— Вам что, товарищ? — откинулся на спинку стула начальник строительства, не скрывая своего недовольства.

— Я работал шофером. Завтра перехожу на кран. Но мне сначала хотелось бы в отпуск, потому что с осени я буду работать и учиться.

Ветров побагровел:

— Ты что, с ума спятил, молодой человек, что по такому вопросу лезешь к начальнику строительства?

— Я думал...

Ветров перебил его.

— Думал... Иди к своему непосредственному начальнику и решай этот вопрос с ним. Все! Сема,— позвал начальник строительства молодого парня.

— Я вас слушаю, Александр Сергеевич,— вытянулся тот.

— Выйди и растолкуй этому чудаку, куда ему надо обращаться.

— А я ваше выступление слышал, товарищ начальник, на комсомольском собрании и восхищался, как хорошо говорили вы о чутком и внимательном отношении к молодежи,— проговорил Александр.— Простите, ошибся, значит. Следующий раз не буду верить вашим словам.— Саша повернулся и пошел к двери.

— Постой! — услышал он голос Ветрова.

Александр остановился.

— Как твоя фамилия?

— Что, уволить хотите?

— Чудак! За что мне тебя увольнять?

Ветров встал из-за стола.

— Вот что, ты извини меня. Я, пожалуй, погорячился. Ворвался ты ко мне неожиданно-негаданно, и по делу такому, что действительно не мне решать его надо. Но насчет чуткости ты мне правильно напомнил. Давай рассказывай, что у тебя.

Александр рассказал.

— Сема, помоги ему,— сказал, улыбнувшись, Ветров и сел снова за стол.

Вечером Александр никуда не пошел. Он решил, что если дядя его захочет увидеть, то найдет. Встретиться с ним по-хорошему ему не терпелось, идти же в дом к нему после такого холодного разговора, какой был на работе, он не хотел.

Часов в восемь в комнату постучали. Саша вскочил с койки и крикнул:

— Войдите.

— Вот ты где,— обрадованно прокричал Павел.— Да я тебя сейчас раздавлю.— Он схватил Александра за плечи и крепко поцеловал сначала в одну щеку, затем в другую.— Ты что же это, племян, делаешь? Мы дома с Таисьей ждем не дождемся тебя, а ты тут лежишь себе и в потолок поплевываешь. Ну-ка давай собирайся

быстро и пошли. Таисья от любопытства сгорает: как ты сюда попал и что там без нас в деревне делается?

Александр отошел от сжимающей его обиды и за-улыбался.

— Ты что, обиделся на меня, что ли, что я так на работе-то с тобой холодно обошелся?

— Да нет. Не то что обиделся, а не понял.

Павел громко рассмеялся.

— Не понял. Работа у нас, Саша, такая горячая, что я и сам иногда не понимаю. Ты подошел в тот момент, когда я летучку проводил. Ну, сам понимаешь, нельзя было долго задерживаться. Думал, что ты к Таисье зайдешь, с ней встретишься. Она посвободней. А потом дома обо всем подробно потолкуем. А ты вот взял и обиделся. Эх, племяш, племяш. Негоже так... Ну, пошли, пошли.

И вот Саша сидит за небольшим столиком в комнате Павла. Рядом кровать, накрытая розовым покрывалом с тремя сбитыми подушками, в одном углу радиоприемник, в другом — швейная машинка. На окнах белые занавески, на полу коврик. Кажется, все в комнате есть. И тем не менее Саше что-то не нравилось. Может, именно то, что все здесь было уж очень на своем месте, даже стулья и те стояли так, что если захочешь по-другому — не поставишь.

Таисья встретила Сашу приветливо, но, как ему показалось, тоже сдержанно. Но ведь она и была всегда такой, подумал Саша. Павел же был необычно весел и разговорчив.

— А я знаете как узнал о вас?

— Ну, расскажи, расскажи,— возбужденно проговорил Павел.

И Саша рассказал, как встретился со Степаном и что от него услышал.

Павел громко смеялся, а Таисья только улыбнулась.

— А теперь, Сашок, расскажи, как ты сюда попал и как там в деревне жизнь течет?

«Так... так...» — то удивлялся, то восхищался Павел, часто перебивая рассказ племянника своими замечаниями. Таисья же слушала внимательно и ни разу не вмешалась в разговор. Только когда Саша стал рассказывать о подозрениях, которые распространялись в деревне по адресу Таисьи, она громко рассмеялась и про-

говорила: «Вот идиоты. Надо же дойти до такой нелепости». А Павел стукнул по столу кулаком и прохрипел: «Да я эту Гужиху задушу за такую клевету. Вот ведь кулачье отродье, что делает».

— Да полно тебе без толку рычать-то,— остановила мужа Таисья.— Пропади она пропадом, эта твоя деревня. Надо же мне было, дуру, на такое решиться — ехать тогда к тебе. А все трусость проклятая. Думала, что вдруг искать будут. Дочь колчаковца. А оказалось, что искали меня, Саша, да совсем по другому поводу. Вместо меня матери моей положенную мне награду за военные подвиги выдали.

— Да, ну?! — удивился Саша — и тут же спросил: — А как вы здесь живете?

— Как видишь. Живем не тужим,— развел руками Павел.— Комнатка, видишь, у нас не ахти какая, но думаю, что скоро получим квартиру со всеми удобствами. Домов много строится. Обещают к праздникам дать. Остального всего вдоволь. Оба работаем, денег не занимать, другим в долг даем и на старость откладываем. Едой себя не обижаем, одежда тоже всякая есть.

— Его портрет, Саша, уже год на доске Почета висит, как лучшего бригадира. Премии каждый месяц ему дают. На собраниях в президиум сажают.

— Расскажи там в деревне-то об этом,— проговорил довольный похвалой жены Павел.— А то, наверное, и братец-то мой думает, что я ни к чему не способный.

— А где доска-то Почета? — спросил Александр.

— Да на площади! Как это ты не догадался туда взглянуть. Сразу бы и увидел Павла,— проговорила Таисья.

— Да вот не догадался. Завтра зайду погляжу. А потом в отпуск, в деревню поеду.

Павел взмахнул руками:

— Что же ты молчал целый вечер? Я ведь тоже собираюсь в отпуск. Тась, а может, махнем вместе. Заслужили мы с тобой отдых или нет?

— Я тебе сказала, что в твоей деревне больше ноги моей не будет. А в отпуск поедем, когда дадут путевки на юг. Я на море хочу...

«Другая стала Таисья, совсем другая,— слушая разговор Павла с Таисьей, думал Саша.— И внешностью здорово изменилась. Пожалуй, красивее стала. А глав-

ное, и разговаривает охотно и смеется весело. Да и дядя изменился. Даже речь чище стала. Не кричит уже «Америка», и «притирочка» из его лексикона вылетела. Здорово это подметила Лидия Семеновна».

Ушел Александр от дяди поздно. Около общежития его ждала Вера.

24. Встреча друзей

Вечерело. Солнце по-обычному медленно спускалось за лес. Сергей остановился на пригорке, осмотрелся.

Палаточный городок уютно разместился на опушке соснового леса. От реки поднимался туман. Расползаясь между палатками, он создавал иллюзию огромного водоема. Еще не закрытые палатки, словно лебеди, раскинув крылья, плыли по необъятному простору. В глубине леса заметно выделялись два голубых домика. Один командира части и военврача, другой — комиссара и начальника штаба. Слева от домиков несколько больших желтых палаток. В них размещается командирский состав. До лагеря оставалось каких-нибудь полкилометра. Сергей спустился с пригорка в березовую поросль, прошел несколько шагов и очутился на небольшой полянке, окруженной кустарником. От него тропка извилисто вилась через лес к лагерю. Сергей сел на пенек и живо вспомнил, как здесь однажды вместе с Нонкой он сидел при подготовке к экзаменам. Теперь все уже позади. Экзамены сданы, он идет в часть для того, чтобы оформить документы о демобилизации. Нонка тоже, наверное, уже вернулась. «Пройти прямо к ней или сперва в роту? — размышлял Сергей. — Пожалуй, сначала надо доложиться по всем правилам».

Сергей встал, ощупал еще раз полянку взглядом и широким шагом направился к лагерю.

— О! Студент явился! — воскликнул старшина, увидя Сергея. — Как — сдал или провалился?.. Сдал... по лицу вижу, сдал.

— Так точно, товарищ старшина. Вот и справка, посмотрите.

Старшина внимательно прочитал бумажку.

— Поздравляю от всей души, — сказал он. — А теперь слушай новость. Нонка-то твоя провалилась. Вер-

нулась позавчера и с матерью в Кострому уехала. Та в текстильный институт устроить ее решила.

Сергею стало жаль Нонку. «Переживает, наверное. Вот почему она не позвонила», — подумал он.

Ночь он спал плохо. Когда просыпался — разные мысли лезли в голову: о Нине, о Нонке, об отце, о Сашке Петрове. А утром, еще до завтрака, его вызвали в штаб. Писарь вручил телеграмму. Сергей прочитал: «Милый Сережа. Меня постигло несчастье. Ты уже, видимо, знаешь. Жду тебя в городе. Целую. Нонна».

Сергей вышел из штаба и перечитал телеграмму еще раз. Сердце его заныло. Ехать в Кострому? А дальше, что дальше? Нонка посчитает, что я приехал, чтобы встретиться с ней. А мне совсем это ни к чему. Через две недели я буду в Москве. Нет, поеду в деревню.

Сергей с нетерпением ждал момента демобилизации. Но прошел день, второй, третий, а его в штаб не вызывали. И вдруг однажды утром крик дежурного: «Солодов, документы из штаба принесли!»

В этот же день Сергей купил билет до Ярославля. А оттуда, решил он, пароходом до Красного.

До Ярославля на поезде Сергей ехал спокойно, а когда сел там на пароход, занервничал. Вот и третий свисток. Пароход отвалил. Сергей поднялся на верхнюю палубу и стал внимательно всматриваться в берег. Воспоминания навалились одно за другим. Он закрыл глаза. Мысли путались. Очнулся от свистка парохода.

Сергей поглядел на берег и удивился. Пароход подходил к Костроме.

«Что это со мной происходит. Сел и проспал вот так, сидя, больше часа. Устал, значит». Сергей встал и спустился вниз. На пристани толпились люди.

«Сойти в Костроме. Походить по улицам, а потом на местном пароходе до Лыкова, — пришла мысль. И тут же другая: — Нет, если сойти, то ведь неудобно не зайти к Нонке, а это незачем. Ведь меня ждет Нина. Какой я все-таки оказался чужак. Как я мог плохо подумать о ней. А может, это просто ревность. во мне так разыгралась. Хорошо, что встретил в Москве Николая, и он образумил меня».

С этими мыслями Сергей снова поднялся на верхнюю палубу и сел на прежнее место. На душе было неспо-

койно. Деревня его звала и страшила. Как его там встретят, у кого лучше остановиться.

Да, пойду прямо к Николаю Ивановичу Петрову. Он председатель колхоза, и все равно его обойти нельзя. Надо же справку об отце получить, плохо, что Сашки в деревни нет. Лихой парень — на Север махнул. Ему что, куда хочешь дорога открыта, а на моем пути все время барьеры. Вот и сейчас мне предстоит еще один барьер перепрыгнуть. Нелегко, но надо, другого выхода нет. А может, бросить к чертовой матери все эти хлопоты со справками и махнуть к Сашке на Север. Устроиться на работу, а потом уже оттуда на другой год и в институт.

Нина, Ника, Ниночка... думаешь ли ты обо мне? Как ты встретишь меня в Москве?»

Сергей вынул записную книжку и начал писать ей письмо. Не заметил, как пароход отвалил, как прошел под недавно сооруженным через Волгу мостом, и очнулся лишь около Козловых гор. Он впился в крутой песчаный берег глазами и замер. В голове живо возникла картина его прогулки здесь с Ниной. Сердце защемила тоска. Воспоминания были так ярки, что Сергей снова закрыл глаза.

Очнулся, когда пароход подходил уже к Лыкову. У большой пристани стояло несколько барж с торфом. Около них — моторные лодки. Вместо деревянной лесенки в гору — широкая из бетона.

Сойдя с парохода, Сергей пропустил несколько человек и поднялся на берег. Осмотрелся. Пристанщик направился к бакену, чтобы зажечь сигнальный фонарь. Как и тогда, рыбаки спустили якоря с лодок и закинули донки. На пригорье почти начисто разрушенная церковь, поваленная ограда кладбища, запущенный поповский сад. Когда-то вот на этой широкой поляне в троицын день собирались сотни шатающихся из стороны в сторону пьяных людей, орущих под звуки гармоной бог весть какие песни. А теперь здесь бурьян. Запущенность и неустроенность больно тронули Сергея.

Люди давно уже прошли с парохода, а он все стоял и стоял, а потом зашагал по тропке к школе, к той самой, где проучился четыре года. Здание школы все то же, только покрашено, а вокруг вырос фруктовый сад. А вот и та заветная тропка, по которой он прошел не

одну сотню раз. И болотце слева сохранилось, и любимая его березка. Нет, это не та. Та — вон. Ого, как вымахала! А на этом месте Мишка Арсеньев Веньке Гужову нос разбил. Где он теперь, что делает? А у того куста Сашка Петров на спор Линьку Савельеву поцеловал. Думали, Линька разревется, а она рассмеялась... И лес уже не тот стал — реже, а поле расширилось. А там, за леском, в низине его родина — Коростели. Сколько лет он не был здесь?.. Лет семь, наверное.

Хотя и знал Сергей, что их дом сгорел, но когда стал подходить к деревне, его глаза невольно искали то место, где стоял дом. Оно не было пустым. Сергей увидел такой же большой дом, как и их, только без двора. Правление или клуб? А что это там, в конце деревни? Скотный двор. Совсем новый. И гумно с навесом появилось, и молотилка стоит под навесом.

Значит, не так уж плохи дела в колхозе.

Около дома Петровых Сергей увидел человека. Он прислонился к углу и смотрел на прохожих. На Николая Ивановича вроде бы не похож. Кто же это? Человек смотрел в его сторону. Сергей невольно ускорил шаг.

Мелькнуло чье-то лицо в окне дома Арсеньевых. Сергей почувствовал, что из окон его разглядывают. Узнали или нет?

«Да ведь это Сашка! Честное слово, он. Как возмужал!»

— Александр Николаевич! Да вы ли это? — с иронией спросил Сергей.

— Сергей Иванович! Мое почтение, — тем же тоном ответил Александр, протянув руку.

Сергей подошел к Александру, обнял его, поцеловал.

— Как это ты надумал сюда? — спросил Александр.

— Вот так, взял да и приехал. Родина, братец мой, тянет. Правда, признаюсь, не знал, что ты здесь. Но сразу решил сначала к вам зайти, хотел узнать, что слышно о тебе. Случайно в Москве встретил Кольку Романова. От него и узнал, что ты в Андарске.

— Вот это здорово! Надо же так, — изумился Александр. — Ты надолго?

— До конца месяца. Я ведь в институт поступил. Можешь поздравить.

— Молодец! Поздравляю! А я тоже в строительный техникум на вечерний оформился. Сейчас в отпуск при-

ехал. И видишь, как удачно. Больше двух недель вместе отдыхать будем.

— Мне отдыхать не придется. Надо работать. Жить не на что. Понимаешь?

— Там посмотрим. А пока пошли ужинать.

— Председателем все еще твой отец?

— Да. А знаешь, кто у него заместителем?

— Кто?

— Мишка Арсеньев.

— Что ты говоришь?! — воскликнул Сергей.

За ужином Сергей рассказывал о службе, о Москве. Александр — о стройке. Николай Иванович молчал, слушал. Сергей старался вести себя свободно, независимо, но Николай Иванович видел, что это напускное, что Сергей волнуется. «Об отце с матерью вспомнил, наверное. Надо спросить, как Иван-то».

— Как отец-то живет? — найдя подходящий момент, спросил Николай Иванович.

Сергей насутился. Допил рюмку, закусил и нехотя ответил:

— Я им после смерти матери не интересуюсь. А к вам, Николай Иванович, я за советом. Справочку мне из колхоза надо взять о том, какое хозяйство у отца было и что за имущество, у него отобранное, ему деньги после были выплачены.

— За этим, Сергей, надо тебе будет в сельсовет сходить. Ведь наша справка едва ли будет подходяща.

— Хорошо, я схожу. Но у меня еще есть одна просьба. Поработать мне надо эти дни.

— Работать лучше всего на торфяном. Хорошо зарабатывают ребята на погрузке торфа, — ответил Николай Иванович.

После ужина, забрав дерюгу и подушки, Николай Иванович вышел во двор. Вернувшись, сказал:

— Устроил вам обоим барскую постель на сеновале. У сеновала лестница. По ней и подниметесь. Спичек с собой не берите. Так доберетесь.

Во дворе стояла кромешная тьма. Александр шел первым. Сергей, держась за его плечо, шагал сзади. На сеновал наткнулись сразу. Стали искать лестницу. Обшарили сеновал кругом, но лестницу не нашли. Стали думать: в чем же дело?

— Отец ясно сказал: у сеновала стоит лестница,— повторил Александр.

— Вот так и я, как будто во тьме начинал ползать, когда приехал в город. И долго, долго не мог найти свою лестницу, чтобы подняться по ней хотя бы на несколько ступенек к человеческому счастью,— проговорил Сергей.

— Знаешь, а я понял! — крикнул Александр. — Сеновал высокий, лестница большая. Мы с тобой сгибаемся и проходим под ней. Понятно?

— Возможно.

— Идем фронтом, вытянув руки вперед. Ты около сеновала, а я рядом. Начинаем от стены. Доходим до другой стены. Двинулись: раз, два, три, четыре — стоп! — крикнул Александр, наткнувшись грудью на лестницу. Та с грохотом упала.

— Вот так и в жизни. Только ступишь на приступочек и — бух вниз,— проговорил Сергей.

— Ты это о чем? — спросил Александр, поднимая лестницу.

— О лестнице, по которой люди к счастью поднимаются.

— А как ты это счастье понимаешь? Что это такое?

— Как все понимают, так и я. Вот, например, ты, по-моему, счастливый. У тебя отец и мать хорошие, сам парень что надо и невеста есть.

— Это тебе что, Николай наболтал?

— Да я и без этого вижу, что ты счастливый, по глазам и по улыбке.

— Не скрою. Пока жизнью доволен. Но было и такое время, когда я думал, что ты счастливчик, а я всем обделен.

— Нет, я никогда не был счастливым. Ведь мальчишки меня в деревне не любили. Ты что, не помнишь, что ли? Потому, что отца моего не переносили. Все в деревне видели его ханжество. Видел и я. Это меня мучило. Мать свою я любил и жалел. И, наверное, потому, что видел ее всегда угрюмой, задумчивой, а иногда и плачущей.

— Ты еще не женился? — спросил Александр, стараясь отвлечь Сергея от неприятных, как казалось ему, воспоминаний.

— Нет.

— А как с Ниной? Помнишь, в больнице рассказывал?

— Никак. В Москве заходил к ней два раза, но так получилось, что мы не встретились.

Сергею не хотелось рассказывать подробности, и Александр заметил это.

До поздней ночи шел негромкий разговор на сеновале. Бывшие мальчишки, вступив в зрелую юность, постигали в своих откровениях сами себя.

* * *

Сергей проснулся рано. В полумраке осмотрелся. Увидел на краю дерюжки спящего Александра. Вспомнил вчерашний разговор. Чем он окончился? Кажется, Сашка говорил что-то о Вере.

Запах свежего сена щекотал в носу. Чихнув, Сергей приподнялся и увидел внизу Николая Ивановича. Он нес ведра с водой в баню. Заметив сползающего с сеновала Сергея, Николай Иванович остановился:

— Баню топлю. Думаю, попариться вам с Александром надо. Да и мы уже давненько не мылись. Так что кстати.

— А я уже и забыл, что такое деревенская баня. Можно взглянуть?

— Иди, иди,— проговорил Николай Иванович, пропуская Сергея вперед.

Полутемный маленький предбанничек был наполнен дымом... Сергей остановился, закашлялся.

Николай Иванович вылил холодную воду в большой чан и вышел. Сергей выскочил на воздух. Прошел на улицу, но почему-то не ощутил вчерашнего интереса к деревне. Равнодушно взглянул на колодец, повернулся и пошел в гуменки. Остановился, осмотрелся. На душе было тоскливо, неприятно. Голова как шальная. «Что со мной, не заболел ли? А может, санным запахом надыхался?.. Что делать?.. Сашка спит, хорошо ему, он дома. И почему так тоскливо? Пойду помоюсь, пока Сашка спит».

Раздевшись в предбаннике, Сергей перешагнул порог в парную. От небольшого окна тянуло холодом. Сергей налил из котла в деревянную шайку горячей воды, развел ее холодной и сел около печки.

Очнулся он, лежа во дворе. Над ним стояли Николай Иванович и Александр.

— Ну и чудак ты, Сережка,— проговорил Александр.— Если бы не батя, был бы ты на том свете. Угорелого мы тебя из бани-то вытащили. Как чувствуешь себя?

— Ничего, кажется, отхожу,— ответил Сергей.

* * *

На другой день рано утром Сергей взял удочку у Николая Ивановича и пошел на речку. Ему хотелось побыть одному.

«Прошло семь лет, как я последний раз проходил здесь,— подумал он.— И как будто ничего не изменилось. Все тот же прогон для скота, огороженный жердями, и та же одинокая сосна с прижавшимся к ней камнем, и та же глубокая колея, а рядом плотно утоптанная тропка». Все это было таким близким, родным, что Сергей даже удивился, что мог столько лет не видеть всего этого и даже забыть.

Не доходя несколько метров до речки, он остановился и огляделся: «А где же та полянка, на которой мы всегда раздевались? Неужели вот эти молоденькие сосенки посадили на ней? Да, точно. И водопой для коров перевели в другое место».

Стройные рядки сосенок живо напомнили Сергею плац в полку. Он мысленно увидел ровные ряды красноармейцев и самого себя среди них. Вот он шагает по плацу с винтовкой на плече, то и дело повертываясь по команде то налево, то направо, то кругом. «Бегом»,— слышит он голос старшины и, невольно схватив палку вместо вийтовки, несется вперед к речке.

Узенький, метра в три, ручеек почти весь зарос осокой. Только в некоторых местах видны чистые бочажки, покрытые густо у берегов листьями лилий. На другом берегу огромные камышовые заросли уходили вдаль, к воде же вплотную прижались, как будто стараясь перешагнуть ее, огромные сосны. Некоторые деревья, подмытые водой, так сильно склонили свою крону, что их верхушки висели над другим берегом. Слева из-за леса показалось огненное зарево. Выходило солнце.

Он встал с бугорка и тихо пошел по берегу речки. Среди высокой осоки и ивняка была пробита тропка. Около огромного куста он увидел небольшой прогнивший крыжик. Сергей присел на него, надел на крючок навозного червя, приспособил поплавков на двухметровую глубину и забросил крючок на середину бочага. Самодельный пробковый поплавок повернулся бочком и застыл на водной глади. Но вот его мелкой рябью стало прибывать к берегу. Поклевок не было. Сергей поднял удильник, взглянул на насадку и снова забросил крючок, но уже в другую сторону. Поднявшееся из-за леса солнце стало припекать.

«Надо раздеться»,— решил Сергей. Пристроил удилище, чтобы его конец находился в тени, снял рубашку. На противоположном берегу что-то треснуло. Сергей вздрогнул и повернулся. В огромном камыше торчала чья-то голова. Она то нагибалась, то поднималась.

«Кто-то смородину собирает»,— понял Сергей и успокоился. Он сел на крыжик и вынул из кармана папиросы.

— Клюет, клюет,— раздался голос с противоположного берега.

Сергей дернул удилище. На крючке показалась серебристая рыбка. Она блеснула на солнце и, задев за ветви куста, плюхнулась в воду.

— Фу-ты, черт! Сорвалась! — проговорил вслух Сергей.

— Плохой ты, сынок, рыбак.

Сергей вздрогнул и впился глазами в мужчину.

Около воды стоял его отец. В серой куртке, черных брюках, в резиновых сапогах. Он смотрел на Сергея с таким удивлением, как будто увидел привидение.

— Отец! — крикнул Сергей.

— Он самый.

Иван подошел к самой воде, спросил:

— У кого ты здесь?

— У Петрова Сашки. А ты как здесь оказался?

— Я только что приехал. В доме отдыха работать буду.

— Смородину для отдыхающих собираешь?

— Да нет. Пока я еще не у дел. Вот и брожу по лесу. В какой институт-то сдал? — спросил отец.

— В финансовый.

— В Москве?

— Да.

— Это хорошо. Может, заглянешь ко мне в Лыково?

— Не знаю,—отозвался Сергей. И тут же почувствовал, что между ним и отцом осталось мало общего. Они стали чужими.

— А может, все же придешь? Ведь сколько лет не виделись?! Да и о матери, наверное, тебе интересно будет узнать. Намаялась она, родимая.

У Сергея заняло сердце. На глазах навернулись слезы. В голове зримо встал образ матери. Она появлялась то с дойником в руках, то с косой, то с серпом. Он как наяву почувствовал ласковые грубоватые ее руки, услышал тихий тревожный голос: «Ты, Сережа, молчи, никому ничего не говори. Тебе ведь техникум окончить надо». И тут же всплыло как из тумана ее лицо, когда в тот роковой день увидел он ее около техникума. И ему так стало жаль мать, так обидно за себя, за то, что он тогда не утешил ее, не облегчил ласковым словом ее страдания. Крутой комок горечи подкатил к горлу. Сергей понял, что если он сейчас не ответит отцу, то может разрыдаться.

— Приду,—тихо проговорил он.—Обязательно приду. Только где тебя там искать?

— В сторожке я пока, на скотном дворе,—ответил отец.

Сергей свернул удочку и зашагал по тропке обратно. Рыбалки не получилось.

А в это время Александр с наслаждением глядел на клеверное поле. Вся деревня вышла на уборку. «Когда-то был здесь луг»,—подумал он. И в голове живо возникла картина бывшего сенокоса.

Бабы сидят около прогона, а мужики ходят по лугу и делят его на полоски. С того и другого конца отмеряют косьями наделы по едокам, а затем проходят вдоль, прокладывая тропки по утренней росе. У Солодовых полоска узенькая — на три едока. У Арсеньевых самая широкая — на семь едоков. У них — на четыре. Саша сидит рядом с матерью и ждет, когда отец махнет рукой. Тогда они берут косы, что лежат рядом, и торопятся к своей полоске.

А теперь вот никакой дележки. Общее поле, общая трава, общие семена. Мужики и бабы встали друг за

другом и замахали косами. Александр пошел за отцом. За ним — Селиван Арсеньев.

Клевер густой, твердый. Но коса Александра острая, хорошо отбитая, режет, как бритва. Александр поглядел на отцовский прокос. Он широк и чист. Сзади Селиван то и дело покрикивает: «Пятки, пятки». Это значит, поторапливайся, Александр, не отставай от отца. Пока тот точит косу, Александр нажимает, старается догнать его, но прокос получается неровным, зубристым. Селиван кричит: «Разучился ты, братец, видать, крестьянскую работу делать. Может, отдохнешь, а то, смотри, руки намнешь и инвалидом станешь». Александр отходит в сторону и глядит на рассыпавшихся по полю людей. Хочется пить. А ведь всего прошло каких-нибудь полчаса. «Да, нелегко труд крестьянский», — думает он и вновь вступает в строй косцов. На этот раз за Линькой Савельевой, а за ним идет Гужиха. Линька ведет прокос широко, коса у нее ходит легко. У Гужихи прокос узенький и, как у него, — неровный. «Почему она так плохо косит?» — думает Александр. Линька не отстает от мужиков и то и дело оглядывается, смеется. Александр старается изо всех сил. Рубашка на спине прилипла к потному телу. Гужиха отстала. Она подолгу точит косу и смотрит по сторонам. «Пожалуй, и я не выдержу такого темпа», — думает Александр. — «Может, и в самом деле отдохнуть? Но как бы не подумали, что ловчу. Ведь трудодни всем одинаково пишут. А я за мать вышел. Нет, надо держаться». И он нажимает на косье. Прокос становится ровнее.

— Перекур! — кричит вдруг отец.

И сразу все останавливаются. От деревни к лугу движется повозка. Александр догадывается: везут воду. Мужики и бабы идут к дороге, где осталась их одежда. С повозки спрыгивает Михаил Арсеньев. Он останавливается на секунду, улыбается. Видимо, доволен результатом работы.

— Квас привез, — кричит Михаил.

Александр подходит к нему, подает руку.

— И ты здесь? Это хорошо. А где Сергей?

— На речку пошел... Пусть отдохнет.

— Пей квас. Наверное, устал?

— Ничего, выдержал.

Мужики наливают из фляги в кружки квас и с жад-

ностью пьют. Александр тоже пьет. Квас — холодный, кислый.

— Хочешь хозяйство посмотреть?

— А что именно?

— Ферму, конюшню, птичник, ток, склад. Ты, наверное, думаешь, что у нас все кое-как?

— Опоздал, Михаил Селиванович, — засмеялся Александр. — Я уже везде побывал и все посмотрел.

— Ну и как?

— Неплохо.

— Тогда за каким же тебе чертом там, на Севере, торчать? Оставайся. Вручим мы тебе новый грузовик, и будешь ты на нем по всей округе разъезжать.

— Нет, Михаил, не могу. Я там в техникум поступил. Учиться буду. До отъезда я согласен поработать, — ответил Александр.

Глаза Михаила заблестели.

— Николай Иванович, слышишь, Александр хочет на машине поработать. Как ты, не возражаешь?

— Пусть покатается! — ответил отец.

Александр поднялся с земли и, взяв косу, вскочил на телегу.

* * *

На другой день к нему присоединился Сергей в качестве грузчика.

— Заработанные деньги тебе, Сережка, пойдут, — сказал Александр.

— Это почему же?

— Да потому, что тебе они очень нужны. Считай, что половина моя тебе от меня в долг дается. Когда ученым станешь, денег у тебя будет много, тогда и отдашь. Хорошо?

— Ну что ж, пожалуй, можно на такую сделку согласиться.

— Ну вот и хорошо. Значит, и на торфянку тебе не надо ходить. Вылезай. Пойдем мешки таскать.

25. В путь

Наступил день отъезда Александра и Сергея из деревни. Сергей был доволен. В колхозе ему выдали около двухсот рублей. Запася он необходимыми справ-

ками от колхоза и сельсовета. Оставалось только получить справку о работе отца в доме отдыха. Мать Александра с утра хлопотала на кухне. Пекла для сына и Сергея подорожники. Николай Иванович пошел к Михаилу Арсеньеву, просить, чтобы тот довез молодых людей до Лыкова. Выслушав просьбу председателя, Михаил покачал головой и ответил:

— Эх! Николай Иванович, за кого ты меня принимаешь? Ведь они мои товарищи. Зачем просить? Когда выезжать-то?

— Решили часиков в двенадцать. Сергей в Лыкове с отцом хочет встретиться. А оттуда — на катере. Федор в город едет и нас обещал захватить. Так что подъезжай часиков в одиннадцать.

— Хорошо, я солодовского жеребца в пролетку запрягу. Прокачу ребят по первому сорту.

Возвращаясь от Михаила Арсеньева, Николай Иванович вспомнил недавнее отчетно-выборное колхозное собрание. Отчитавшись, он сидел за столом и слушал разнотонные голоса колхозников. И вдруг предложение Петра Мухина:

— Я так считаю. Николаю Ивановичу пора место председателя освободить. Много он сделал хорошего для колхоза. За это ему спасибо. Но последнее время заносится стал, с правлением не советуется, все сам да сам. Я предлагаю избрать председателем Михаила Арсеньева. Парень самостоятельный, грамоту знает. Один из нашей деревни партиец. А Николай Иванович пусть будет животноводом, фермой ведает и обо всем скоте заботу ведет. Это для нашего колхоза самое главное.

В избе наступила такая тишина, что Николаю Ивановичу даже страшно стало. Он никак не ожидал такого поворота дела. Петр Мухин, который в свое время так за него ратовал, теперь выступил против. Одно время он и сам собирался просить колхозников об освобождении от председателей, так как считал, что не справится со всеми делами как надо. А теперь, когда прозвучало предложение Петра Мухина, Николай Иванович даже растерялся.

— Я, граждане, так считаю, — нарушив гробовое молчание, заговорил он. — Я ли, другой ли будет председателем — все равно надо избрать и заместителя. Трудно одному за всем усмотреть. Да и отлучаться часто

приходится. Заместитель в такое время и будет председателем во всех делах заменять. А вот кому быть председателем и заместителем,— решайте сами.

— Одному, конечно, тяжело,— заговорил Селиван Арсеньев.— Сын мой, Михаил, в председатели не подходит. Молод еще, да и норовист. А вот заместителем Николая Ивановича он, пожалуй, был бы подходящ. Пусть ума-разума около умного человека набирается.

— Заместителем его, заместителем,— раздались дружные женские голоса.

Николая Ивановича вновь избрали председателем, а Михаила Арсеньева — заместителем.

В деревне многие считали, что между председателем и молодым его заместителем не будет ладу. Хоть Николай Иванович и сам предложил должность заместителя ввести и поддержал предложение об избрании таковым Михаила Арсеньева, но сделал он это, считал кое-кто в деревне, не от чистого сердца, а для того, чтобы себя спасти. Николай Иванович это чувствовал и потому переживал. Поразмыслив надо всем этим, он вдруг уехал в город. В деревне сразу же слух прошел — Петров поехал в район от председателей отказываться. (И откуда только все знают люди?) Вернулся председатель из города вечером и, не заходя домой, прошел к Михаилу Арсеньеву.

— В городе был,— начал Николай Иванович разговор со своим заместителем.— Не скрою перед тобой, ездил для того, чтобы от должности председателя освободиться. У Романовой был. Все доводы ей выложил. А она, вместо того чтобы понять меня, отчитала по первое число и наказ дала: прежде всего со своим заместителем общий язык найди и вместе все дела делайте. Вот я и пришел к тебе, чтобы о наших дальнейших делах посоветоваться.

— Спасибо, Николай Иванович, за чистоту слов. Я пока со всеми твоими действиями согласен. Только определить надо, какими делами мне больше надо заниматься, а какими — тебе. Я думаю, что мне лучше за животноводством присмотр вести, кормами и выпасами ведать, а тебе всем и больше полеводством.

— Может, и так,— задумчиво ответил Николай Иванович.— Но, пожалуй, не в этом дело. Главное, чтобы ты мне верил, а я — тебе, чтобы все мы дела однодумно

решали. Ты знаешь, что мне Романова сказала: «Ты, говорит, товарищ Петров, выводы, конечно, должен сделать из собрания. Надо больше с колхозниками советоваться, учиться слушать людей, а не командовать ими». Вот ведь как... Слушай и не командуй... Как это понять? Завтра, к примеру, надо наряд давать на работу. Кто это должен делать? Бригадир. А он ко мне идет. Докладывает: Гужиха и Екатерина Мухина не слушают его, на работу не выходят. Что прикажешь делать? Слушай... И не командуй... Не знаю... Но не получается у меня что-то так... Думаю, и у тебя не получится.

— Ты, Николай Иванович, не понял Романову. Думаю, что она тебе совет давала в общем плане. Мол, больше слушать людей надо, советоваться с ними, убеждать их, а не командовать, не кричать и не обижать по каждому пустяку.

— Стало быть, я обижаю. Так я понимаю?

— А о чем колхозники на собрании говорили? За что они тебя критиковали? Разве не за это?

— Ну, что ж, Михаил, спасибо тебе за прямоту. Давай попробуем не обижать. Только не думаю, что так получится.

Вспомнив все это, Николай Иванович произнес вслух: «Слушай... и не командуй»,— и невольно рассмеялся.— Поди ж ты, баба, а какая мудреная. Сказала слов мало, а как в воду смотрела. В самую цель попала».

— Ты, Николай Иванович, в город-то ездил — словно в раю побывал. Совсем другим человеком стал,— сказала ему недавно Екатерина Мухина.

Эти слова не выходили из головы Николая Ивановича. Оказывается, можно и по-другому людьми руководить. А ведь ему казалось, не поймут, не послушают его люди, если он не прикрикнет. А Михаил Арсеньев сразу это понял. Со всеми ровен, вежлив. Только упрям. Скажет, как топором отрубит. Переубедить трудно. Характер — отцовский. Тот тоже как стенка. Не проломишь. Да и у меня ведь не лучший нрав. Тоже, говорят, по-своему сделать люблю. Вот ведь дела-то какие. Придется, видимо, кое в чем и уступать. Но в шершневских делах я Михаила не поддерживаю. Молод он еще...

— Шершнев — коммунист. С ним считаются в городе, да и в партийной организации его поддерживают,— сказал ему как-то заместитель.

— Вот оно, значит, как. А я не согласный с этим. Шершневу у себя в подсобном хозяйстве всех бывших кулаков пригрел. Целое жулацкое гнездо свил. И Солодов не куда-нибудь устроился, а к нему под опеку, и Федор Богомолов у него в сослужении, и Тимофей — сын Дмитрия Гужова — там же. Не видят, что ли, в районе, что Шершневу превратил подсобное хозяйство дома отдыха в кормушку для себя и своих дружков из города. Не надо бы его услугами пользоваться и встречаться не хотелось бы, да что поделаешь.

Провожать Александра и Сергея собралась почти вся деревня. Здесь была и Линька Савельева. «Что это она так вырядилась? Новое платье, на ногах хорошие ботинки», — подумал Александр.

Он взглянул на девушку, и ему действительно показалось, что она с грустью смотрит на него. Александр направился к ней.

— Ну, прощай, Линька. Не поминай лихом, — проговорил он, протягивая ей руку.

— Прощай, Саша, — ответила девушка. На ее глазах навернулись слезы.

— Счастливо! Приезжайте опять! Не забывайте нас! — кричали девчонки.

Дорогой ехали молча. Жеребец бежал рысью, тарантас трясло так, что было не до разговоров. Подъехали к дому отдыха.

У парадного входа стоял какой-то молодой парень.

— Да ведь это Николай Романов, — вскрикнул Сергей, обращаясь к Александру.

— Ну вот, и встретились, — здороваясь с Сергеем и Александром, проговорил спокойно Николай.

— Как ты здесь очутился? — спросил Александр.

— Как? Очень просто. Я ведь теперь в НКВД работаю. Сюда приехал вместе со старшим уполномоченным. Шершнева арестовали.

— За что? — машинально спросил Сергей.

— Да за то, что он — не Шершневу.

— А моего отца не арестовали? — спросил Сергей.

— Нет, что ты, Сергей. Твой отец в столовой вместе с официантками стол накрывает. Говорят, что сегодня у него праздник. Блудного сына принимает.

— Блудный — не его сын, а он сам, — резко ответил Сергей.

Николай Иванович стоял и вроде бы как внимательно смотрел на Волгу. На самом же деле он ее даже не видел. Он был потрясен арестом Шершнева. «Какой же я дурак. Видел же, чувствовал, что рядом работает враг, и мирился,— думал он.— Седов тоже хорош. Не внял тогда моим словам». Ему хотелось спросить молодого парня, который оказался другом Сергея и Александра, но тот оживленно о чем-то разговаривал с сыном.

— Так... так... Продолжайте... Вы только не волнуйтесь... Рассказывайте все по порядку.

Успокаивая Николая Ивановича Петрова, начальник областного отдела НКВД сам волновался не меньше его. Он не мог отделаться от мысли: как же это так произошло, что простой мужик оказался дальновиднее работников его отдела. Ведь поступали и к нему сигналы о том, что Шершнева — человек непорядочный, злоупотребляет положением директора дома отдыха, пользуется бесплатно продуктами с подсобного хозяйства, нечистоплотен в быту, и что к нему приезжают иногда какие-то подозрительные люди. Как же он не обратил внимания на эти сигналы? Да и видел ведь он, что Шершнева назойлив, лезет на глаза областному начальству, подхалимничает. Даже его, начальника отдела НКВД, не постеснялся пригласить к себе в гости.

«Приехали бы как-нибудь денька на два — на три в Лыково. Отдохнули... Работа у вас адская, покоя, поди, не знаете. Порыбачили бы, по лесу побродили, грибов пособирали», — вспомнил он слова Шершнева, сказанные им как-то при встрече в облисполкоме. Тогда он не придавал значения этому приглашению и даже ответил: «Спасибо, спасибо... Как-нибудь выберу время, загляну».

Отпустив Николая Петрова, начальник отдела еще раз перечитал показания Ивана Солодова.

«О том, что за именем племянника Дмитрия Гужова Шершневым скрывается другой человек, я узнал от самого Дмитрия, когда приезжал в деревню за женой

Софьей. Дмитрий мне сказал об этом в момент нашей беседы с ним на мельнице.

«Ты, Иван Матвееч, должен знать, что Шершневы — это не мой племянник, это человек с той стороны. Он сын бывшего белого офицера. Его настоящая фамилия Лисовой. Отец его бежал за границу, а он нашел приют у меня, выдав себя за моего племянника. Тебе это надо знать потому, что моя жизнь может оборваться в любой час, а ты еще можешь вернуться, и Шершневы тебе придутся».

Сообщаю вам об этом по велению своей совести, так как за время пребывания в ссылке я много передумал всего о своей жизни. После же смерти жены я понял, что жизнь моя прошла никчемно. Остался я один на земле, окруженный чужими людьми. Даже сын родной и то от меня отвернулся. Когда же получил ответ на свое заявление из ЦИКа, где сообщалось, что я могу возвратиться к себе на родину для честного труда, а отобранное у меня имущество мне подлежит возвращению, я окончательно убедился в том, что свою жизнь искалечил по своей темноте и неведению. Я решил вернуться на родину и умереть честным человеком. И вот я перед вами и рассказываю все, как на духу. Помогите мне прожить остаток лет честно и спокойно в родном краю».

Начальник отдела отложил в сторону бумаги и задумался:

«Кто же скрывается за мнимым Шершневым? Почему этот человек избрал для своего укрытия и своей антисоветской деятельности именно эти места? Почему он так легко сумел войти в доверие даже к руководителям области? Кто ему помогал и почему?»

Все эти вопросы серьезно волновали начальника отдела, и он чувствовал, что должен принять ответственное решение. И он принял: арестовал Шершнева. Но не поторопился ли? Не будет ли из Москвы упрека. А вдруг там знают об этом человеке? Ведь приезжали же к Шершневу люди из Москвы. Кто они? Из Сталинграда сообщили о том, что настоящий Илья Платонович Шершневы был убит во время перестрелки на одной из улиц Царицына в 1918 году. Таким образом, сообщение Ивана Солодова подтвердилось. Кто же скрывается за фамилией Шершнева?

Начальник отдела придвинул к себе бумаги и начал читать рассказ Солодова о его первой встрече с Шершневым.

« — Ты, что, Иван Матвеевич, в своем уме? Куда ты лезешь? Хочешь меня под удар поставить? Нет, дорогой мой, от моих ворот — тебе поворот, — сказал мне Шершневу.

— Илья Платоныч, — взмолился я, — Солодов ведь теперь все равно что червяк. В землю зароется, никто его и не приметит. Поставь меня на скотный двор и дай там ночлег, я тебе до гроба жизни обязан буду.

— Нет, Иван Матвеевич, ты человек для меня опасный. Узнают в городе, что я тебя пригрел, неприятностей не оберешься. Сочувствую я тебе всей душой, но помочь не могу.

— Ох, Илья Платоныч, да разве я враг себе и тебе. Вот посмотри, что тут в бумагах-то пишется. — Шершневу взял бумажку и прочитал вслух: «Облисполком не возражает против того, чтобы реабилитированный и вернувшийся из ссылки гражданин Иван Матвеевич Солодов, бывший крестьянин деревни Коростели, был принят на работу на торфяное болото или в дом отдыха Лыково и использован на таком деле, с которым может справиться».

— Ну и хитер ты, Иван Матвеевич, все предусмотрел, — засмеялся Шершневу. — Ну, раз так, то дам я тебе работу на скотном. Дворником будешь.

— Век не забуду этого, — ответил я.

— Денька два поброди по лесам. Отдохни, наверное, соскучился о родных местах. За это время на скотном тебе будочку схлопочут. Там и будешь жить. По деревням не шатайся. В Коростели не показывайся. Когда мне потребуешься, позову. На глаза мои при людях не лезь. Понял?

— Как не понять?! Тише воды, ниже травы буду, — ответил я.

— Ну и хорошо, — буркнул Шершневу и показал мне на дверь. Я вышел».

Раздумывая над словами Солодова, начальник отдела принял решение: немедленно приступить к допросу самого Шершнева, делом которого заинтересовались и в обкоме.

Вокзал. На перроне сутолока, как на рынке. Сергей с отцом стоял около палисадника. Николай Романов широким шагом ходит по перрону. Он тоже приехал на вокзал, чтобы проводить Сергея в Москву, а Александра на Север. Николай Иванович Петров присел на лавочку. Александр сосредоточенно смотрел на рельсы. Каждый думал о своем.

Сергей слушал отца:

— Ты, Сережа, меня прости. Я все понял. Другой я стал, другой.

Сергей удивленно посмотрел на отца.

— Я еще там, на Севере, все обдумал. Я теперь полностью советский человек. Думаю опять в деревню вернуться. В колхоз проситься стану. В Лыкове мне оставаться нельзя. А может, на торфяное болото перейду.

У Сергея от этой новости закружилась голова. Он был и обрадован и встревожен.

— Ты только, Сережа, не проговорись кому. Понял?

— Понял,— ответил Сергей и улыбнулся.

«Переживает отец, что уезжаю обратно,— думал Александр.— Может, подойти к нему, рассеять его мрачные мысли? Нет, не стоит, пусть отдохнет. Он, кажется, задремал».

Николай Иванович сидел с закрытыми глазами. Мысли кружились, как шмели на лугу: «Александр стал совсем взрослым. Вроде бы парень выровнялся. Но всякое еще на его жизненном пути может встретиться. Только бы не попал в плохую компанию. Прощаясь с матерью, намекнул на женитьбу: «В следующий раз, сказал, может, приеду и не один... Как примешь?» Значит, есть кто-то на примете... Спросил — не ответил, только улыбнулся».

Показался железнодорожный состав.

«Через несколько минут Александр будет в поезде. Как-то его встретят теперь в Андарске? Брат Павел, по словам Саши, навсегда там определился. Это хорошо. Все же Саша будет не один. Рядом дядя». Подняв голову, Николай Иванович взглянул на сына. Тот стоял задумавшись. Николай Романов о чем-то тихо разговаривал с Сергеем. Николай Иванович направился к сыну.

— Ну, что ж, счастливо тебе, дружище,— услышал он слова Николая Романова.

— Спасибо тебе, Николай. За все спасибо,— проговорил Сергей.

— Успеха тебе в учебе. Пиши. И обязательно к Нине сходи. Зачем мучиться? Я почему-то уверен, что она тебя ждет,— проговорил Романов.

— Если ждет, то женюсь,— ответил Сергей.

— Правильно сделаешь,— рассмеялся Романов.

Поезд подходил к платформе.

Николай Иванович подошел к сыну. Александр обнял отца и сказал:

— Ну, отец, береги себя и маму. Теперь мы, наверное, долго не увидимся. Ведь через год мне в армию.

— Перед армией-то, поди, приедешь. Ведь обещал. Мать да и я ждать будем.

— Постараюсь,— улыбнулся Александр.

* * *

До Москвы Александр с Сергеем ехали вместе, в одном вагоне. Арест Шершнева их взволновал не меньше, чем их отцов. Сергей вез с собой все необходимые справки, а сообщение отца на вокзале его окончательно успокоило. Его так и подмывало сказать Александру о том, что услышал от отца. Пусть знает Сашка, что его отец стал порядочным человеком, и он разоблачил Шершнева. Но строгий наказ отца звучал в его ушах как заклинание, и он молчал.

— Как же узнали, что Шершнев — не Шершнев? — спросил вдруг Александр.

— Это же НКВД. Они все знают,— уклончиво ответил Сергей, улыбнувшись.

— А мне Николай Романов намекнул, что твой отец к этому руку приложил.

— Может, и приложил,— засмеялся Сергей и пошел на свое место.

Александр понял, что Сергей что-то знает такое, о чем не хочет сказать.

— Ты напиши мне, Сергей, если что узнаешь. Меня почему-то очень интересует этот Шершнев. Ты знаешь, сколько неприятностей он моему отцу наделал.

— Слыхал. Только давай, Сашка, не оглядываться в прошлое. Давай смотреть вперед. У меня лично совсем

другая жизнь начинается, и я не хочу больше вспоминать о плохом. В моей жизни наступил крутой поворот.

— А я хочу вспоминать обо всем. Мне все, все близко. Я ничего не хочу забывать. Плохое нельзя забывать потому, чтобы не повторять, а хорошее для того, чтобы радоваться.

— А если случилось плохое не по твоей вине?

— Такого не бывает,— твердо ответил Александр.

— Не бывает...— покачал головой Сергей.— А что я мог сделать, чтобы меня из комсомола не исключили после того, как отца раскулачили?

— Тогда — не знаю. А до этого многое бы мог сделать. Во-первых, не торговать в лавке, во-вторых, когда узнал, что отец не хочет вступать в колхоз, сказать ему, что ты от него уйдешь, если он в колхоз не вступит.

— Ты думаешь, Сашка, что говоришь? — удивился Сергей.

— Думаю, конечно.

— А куда бы я пошел? Ведь тогда я в техникум только поступил.

— Работать. Чистить сапоги, подбивать подметки к ботинкам, мыть посуду в столовой.

Сергей задумался, видно было, что такие мысли ему и в голову не приходили.

— Наконец,— продолжал Александр,— мог бы наняться скотину пасти в любой деревне.

— И тогда бы отец пошел в колхоз? — усомнился Сергей. И сам на это сомнение ответил: — Не думаю.

— Но тогда жизнь бы твоя сложилась по-другому. Не правда ли?

— Конечно,— согласился Сергей.— Но тебе хорошо так рассуждать со стороны. А ведь кроме отца у меня и мать была. Да и возраст не тот, чтобы так решать.

— А какой был мой возраст, когда я ходил в ОГПУ за отца хлопотать? Ты думаешь мне тогда было легко? Я ведь шел и думал, что и меня посадят, но шел. А ты чем отцу помог, чтобы он стал другим? Ничем.

— Силен ты, Сашка, демагогией заниматься. Где ты этому научился? — сердито проговорил Сергей.

— Я это говорю для того, что нельзя забывать прошлого,— примирительно ответил Александр.

Конец первой части

Оглавление

Часть первая

1. Пласт земли	3
2. Геенна огненная	11
3. Сатана	18
4. Бывали дни веселые...	29
5. Пашка — «Америка»	35
6. Чернолесье	38
7. Лесная избушка	47
8. Раздумья	56
9. Анфиса	63
10. Поворот	74
11. Собрание	78
12. Катастрофа	88
13. Пожар	103
14. Встреча с Москвой	133
15. Нелегкий день	139
16. Трактористы	145
17. На больничной койке	157
18. Еще раз увидеть солнце	164
19. Вольно	167
20. Попутчица	176
21. Разлад	187
22. Секретарь секретаря	202
23. На своем месте	206
24. Встреча друзей	217
25. В путь	228
26. Отъезд	236

ИБ № 439

**Василий Николаевич
Голубев**

**ЗА ПОВОРОТОМ —
ПОВОРОТ**
Повесть

Редактор С. Лисицкий
Художественный редактор Н. Егоров
Технический редактор Л. Анашкина
Корректоры Н. Саммур, И. Николаева, Г. Фролова

Сдано в набор 16/XII—1976 г. Подписано к печати 20/VII 1977 г. А06741. Формат изд. 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,06. Тираж 50 000 экз. Заказ 15916. Цена 1 руб.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Типография издательства «Коммунар», г. Тула,
ул. Ф. Энгельса, 150

Scan, DJVU: Tiger, 2019

